Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 7, № 7А, 2017.
С. 1-307.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»
Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

January 2017, Volume 7, Issue 7A.
Pages 1-307.

ANALITIKA RODIS publishing house
Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»
Том 7, № 7А, 2017

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Журкина Ольга Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ***Оренбургского государственного университета*** – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор, завкафедрой гражданского процесса, директор ***Саратовской государственной юридической академии*** – заместитель главного редактора.

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права, формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области гражданского, налогового, банковского, авторского, международного, частного и других отраслей права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	О.В. Журкина, кандидат юридических наук
Зам. главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук
Официальный представитель издательства в Литве	Д. Штилис (Вильнюс, Литва
Ответственный редактор	Л.В. Луковникова
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректор	Л.Л. Куприянчик
Переводчики	В.Н. Ермаков, А.А. Тесленко
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, г. Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с июля 2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43675 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5434

Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»: **43044** «Экономика: вчера, сегодня, завтра» Цена договорная. Подписано к печати 15.08.2017. Печ. л. 13,815. Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7076.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, г. Москва, Сущевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"
January 2017, Volume 7, Issue 7A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna, PhD in Law, Associate Professor at the Department of criminal law, ***Orenburg State University*** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of civil procedure, principal of ***Saratov State Academy of Law*** (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes articles concerning current problems of theory and practice of Russian, foreign and international law, as well as formulates scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improvement of legislation and law-enforcement practice in the field of civil, tax, banking, copyright, international, private and other branches of law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scientists working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	O.V. Zhurkina, PhD in Law
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law
The official representative of the publishing house in Lithuania	D. Stitilis (Vilnius, Lithuania)
Executive editor	L.V. Lukovnikova
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik
Translators	V.N. Ermakov, A.A. Teslenko
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since July 2011.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Mass media registration certificate: PI No. FS77-43675 of 24.01.2011.

ISSN 2222-9167.

Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia": 43044 "Pedagogical journal".

Contract price. Passed for printing on 15.08.2017. 13,815 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7076.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house. P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val st., Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Российской криминологической ассоциации, заместитель директора по научной и учебной работе Федерального бюджетного учреждения «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации».

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности.

Батлер Уильям Эллиотт – заслуженный профессор права им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (США), Профессор Emeritus сравнительного правоведения (Лондонский Университет), иностранный член Национальной Академии наук Украины и Российской академии естественных наук.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Оренбургского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заведующий сектором криминологии центра уголовного права и процесса научно-исследовательского отдела юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Самарской гуманитарной академии.

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Кудерская Надежда Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, Одесский государственный университет внутренних дел (Украина).

Пауль Альбина – почётный доктор юридических наук Университета им. Г. Робакидзе (Грузия), доцент по специальностям «Русский юридический язык» и «Введение в Российское право», научный сотрудник на кафедре уголовного права, уголовно-процессуального права, теории права и правовой информатики университета Юлиуса-Максимилиана, г. Вюрцбург (Германия).

Прозументов Лев Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Юридического института Томского государственного университета.

Сайгидов Умалат Темирсултанович – кандидат юридических наук, доцент.

Сынкова Елена Михайловна – доктор юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Донецкий национальный университет.

Теохарис Григориадис – доктор философии политических наук Калифорнийского университета г. Беркли, ассистент экономического факультета Калифорнийского университета г. Беркли (США).

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой гражданского права Института права Башкирского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Хаски Юджин – доктор политических наук, доктор экономических наук, советолог, профессор, университет Стэтсона, Делэнд, Флорида (США).

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, декан и завкафедрой уголовного права, уголовно-процессуального права, теории права, информационного права и правовой информатики, университет Юлиуса Максимилиана, г. Вюрцбург (Германия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, завкафедрой административного, финансового и информационного права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Шлёер Бернхард – доктор юридических наук, профессор Мюнхенского университета, советник Бундестага по вопросам конституционного и административного права в странах СНГ, г. Мюнхен (Германия).

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата, г. Москва.

Редакционная коллегия

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, декан факультета права Академии бюджета и казначейства Министерства финансов РФ.

Анисимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Борисов Геннадий Александрович – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, уполномоченный по правам человека в Рязанской области.

Дудко Игорь Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой государственного и административного права Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, проректор Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

Малько Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН.

Прокофьев Виктор Федорович – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, завкафедрой государственно-правовых дисциплин Новгородского государственного университета.

Сорокина Юлия Владимировна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета.

Editorial Board

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology, Deputy Director for Research and Academic Affairs of the Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Assistant Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development and scientific activities (Russia).

Butler William Elliott – the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, the Pennsylvania State University (USA), Emeritus Professor of Comparative Law (the University of London), foreign member of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Russian Academy of Natural Sciences.

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of administrative, financial and data protection law of Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Pro-Rector for scientific work at Samara Academy for the Humanities (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor at the Department of criminal law, Head of the Criminology Sector of the Centre for Criminal Law and Criminal Procedure of the Research Department of the faculty of law of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law of Julius-Maximillian University, Wurzburg (Germany).

Huskey Eugene – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, sovietologist, Professor, Stetson University in Deland, Florida (USA).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Associate Professor at St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Russia).

Kuderskaya Nadezhda Ivanovna – PhD in Law, Associate Professor, Odessa State University of Internal Affairs (Ukraine).

Paul' Al'bina – Doctor of Law honoris causa, Associate Professor in the field "Russian legal language", "Introduction to Russian law", Grigol Robakidze University (Georgia), research fellow at the Department of criminal law, criminal procedure law, legal theory and legal informatics, Julius-Maximilian's University, Wurzburg (Germany).

Prozumentov Lev Mikhailovich – Doctor of Law, Professor at the Department of criminology and correctional law of Tomsk State University (Russia).

Saigidov Umalat Temirsultanovich – PhD in Law, Associate Professor (Russia).

Schleyer Bernhard – Doctor of Law, Professor at Munich University, Bundestag Counsellor for constitutional and administrative law in CIS countries, Munich (Germany).

Synkova Elena Mikhailovna – Doctor of Law, Associate Professor at the Department of administrative and financial law, Donetsk National University.

Theocharis Grigoriadis – Doctor of Philosophy in Political Science, Assistant Lecturer at the Department of economics, University of California, Berkeley (USA).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department

of civil law of the Institute of Law of Bashkir State University, Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University, Honorary Worker of Higher Professional Education (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow (Russia).

Advisory Board

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Head of the law faculty of the Budget and Treasury Academy of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Russia).

Anisimov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, Professor at the Department of constitutional and administrative law of Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Borisov Gennadii Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of theory and history of state and law of the faculty of law of Belgorod State University (Russia).

Dudko Igor' Gennad'evich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of public and administrative law of Ogarev Mordovia State University (Russia).

Grishko Aleksandr Yakovlevich – Doctor of Law, Professor, Commissioner for human rights in the Ryazan region (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Associate Professor at the Department of criminal law and criminology, Pro-Rector of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

Mal'ko Aleksandr Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Head of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Prokof'ev Viktor Fedorovich – PhD in Law, Associate Professor, Dean of the law faculty, Head of the Department of state legal disciplines of Novgorod State University (Russia).

Sorokina Yuliya Vladimirovna – Doctor of Law, Professor at the Department of theory and history of state and law of Voronezh State University (Russia).

Содержание

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Бычков Николай Олегович

Правовое регулирование производства оружия в России в первой четверти XVIII века…… **5**

Щербаков Роман Александрович

Правовая категория «юридическая ответственность»……. **19**

Конайков Максим Александрович

Ключевые новеллы Регламента № 650/2012 («Рима IV») и возможность их применения на территории ЕАЭС……. **28**

Кашулин Сергей Николаевич

Поддержание баланса между интересами личности, общества и государства в контрактной системе…….…….. **37**

Гражданский процесс; арбитражный процесс

Глоба Мария Викторовна

К вопросу о природе правовых позиций высших судов России…….……. **50**

Савостьянов Сергей Владимирович

К вопросу правового механизма регулирования исполнения судебных решений: определение понятия……..… **68**

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Бабич Марта Игоревна

Наследование одной или нескольких акций двумя и более наследниками……..….. **79**

Зубенко Юлия Сергеевна

Чиконова Людмила Валентиновна

Правовой режим археологических предметов, находящихся во владении частных лиц…….…….. **89**

Тлявгулов Глеб Рамилевич

Договорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав……..…… **101**

Тлявгулов Глеб Рамилевич

Внедоговорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав……... **111**

Петрова Елена Анатольевна

Обязательства по отчуждению будущих объектов недвижимости……..…. **120**

Добрева Аннета Петкова

Корпоративность профессиональных юридических сообществ судей и адвокатов……. **129**

Кручек Ирина Владимировна

Некоторые аспекты статуса вынужденных мигрантов как субъектов-получателей социально-обеспечительных предоставлений……. **145**

Конституционное право; муниципальное право

Рогов Александр Цезаревич

Реализация конституционного законодательства во внутренней политике Брунея…….. **160**

.

Ланс Андрей Николаевич
Конституционно-правовые ценности – конституционно-правовое выражение свободы……...……**171**

Административное, финансовое и информационное право
Муслимов Шухрат Рахимович
Совершенствование системы законодательства об ответственности Кыргызской Республики за информационные правонарушения…….…… **187**

Природоресурсное право; аграрное право; экологическое право
Иванова Светлана Витальевна
Предмет фаунистического права как подотрасли экологического права……..**197**

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
Новиков Алексей Валерьевич
Карпов Андрей Анатольевич
Казберов Павел Николаевич
Кочедыков Сергей Сергеевич
Преступления террористического характера: уголовно-правовая характеристика……...……**207**
Новиков Алексей Валерьевич
Карпов Андрей Анатольевич
Кочедыков Сергей Сергеевич
Слабкая Диана Николаевна
Преступления террористического характера: особенности квалификации……..**220**
Петрова Ирина Александровна
Новожилова Анжела Андреевна
Признание лица потерпевшим в делах о вымогательстве взятки……..**232**
Журкина Ольга Вячеславовна
Проблемы использования в уголовном судопроизводстве отдельных видов доказательств……...……... **246**
Филиппов Павел Александрович
Уголовная ответственность за злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством РФ о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агентаРеформирование системы бюджетных платежей…….. **256**

Финансовое право; налоговое право; бюджетное право
Конюхова Дарья Игоревна
Реформирование системы бюджетных платежей……..……. **270**
Чеха Вадим Витальевич
Финансирование образования: система правового регулирования……..……**281**

Международное право; Европейское право
Шашкова Анна Владиславовна
Проблемы эволюции административной юстиции в Испании……**291**
Абэ Каку Сириль Арно
Правовой механизм делимитации морской границы в международном праве: на примере Кот-д'Ивуара и Ганы……...……**299**

Contents

Theory and history of the state; history of doctrines of law and state

Nikolai O. Bychkov

Legal regulation of arms production in Russia in the first quarter of the XVIII centur……**5**

Roman A. Shcherbakov

Judicial category "legal liability"……**19**

Maksim A. Konaikov

Key novelties of Regulation (EU) No. 650/2012 (Rome IV) and possibility of their implementation in Eurasian Economic Union……**28**

Sergei N. Kashulin

Maintaining a balance between the interests of the individual, society and state in the contract system……**37**

Civil process; arbitration process

Mariya V. Globa

On the nature of the legal positions of the highest courts of Russia……**50**

Sergei V. Savost'yanov

On the issue of the legal mechanism for regulating the execution of court decisions: the definition of the concept……**68**

Civil law; business law; family law; international private law

Marta I. Babich

Inheritance of one or more shares by two or more heirs……**79**

Yuliya S. Zubenko

Lyudmila V. Chikonova

The legal regime of privately-owned archaeological objects……**89**

Gleb R. Tlyavgulov

Contractual ways of disposing of exclusive rights to objects of patent rights……**101**

Gleb R. Tlyavgulov

Non-contractual ways of disposing of exclusive rights to objects of patent rights……**111**

Elena A. Petrova

Obligation to alienate future real estate objects……**120**

Anneta P. Dobreva

Corporatism of professional legal communities of judges and lawyers……**129**

Irina V. Kruchek

Some aspects of the forced migrant status as recipients of social security grants……**145**

Constitutional law; constitutional litigation; municipal law

Aleksandr Ts. Rogov

Implementation of constitutional legislation in the domestic policy of Brunei……**160**

Andrei N. Lans

Constitutional legal values as the constitutional and legal expression of freedom……**171**

Administrative law, financial law, information law

Shukhrat R. Muslimov

Improvement of the system of legislation on responsibility of the Kyrgyz Republic for information offenses……**187**

Land law; natural resources law; environmental law; agricultural law

Svetlana V. Ivanova

The subject of wildlife law as a sub-sector of environmental law……**197**

Criminal law and criminology; criminal enforcement law

Aleksei V. Novikov
Andrei A. Karpov
Pavel N. Kazberov
Sergei S. Kochedykov
Terrorism offences: criminal legal characteristics……**207**
Aleksei V. Novikov
Andrei A. Karpov
Sergei S. Kochedykov
Diana N. Clabkaya
Terrorism offences: qualification peculiarities……**220**
Irina A. Petrova
Anzhela A. Novozhilova
Recognition of a person injured in cases of extortion of bribes……..……**232**
Ol'ga V. Zhurkina
The problem of using certain types of evidence in criminal proceedings……..….**246**
Pavel A. Filippov
Criminal liability for fraudulent evasion of the performance of duties specified by the legislation of the Russian Federation on non-profit organizations acting as a foreign agent……...…… **256**

Financial law; tax law; budget law

Koniukhova I. Daria
Reforming the budget payments system……..…… **270**
Vadim V. Chekha
Financing of education: the system of legal regulation…….…… **281**

International law; European law

Anna V. Shashkova
Problems of the Evolution of the Administrative Justice in Spain…….…… **291**
Abe Kaku Siril' Arno
Legal mechanism of maritime delimitation in international law: on the example of Côte d`Ivoire and Ghana……..……**299**

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.12

Правовое регулирование производства оружия в России в первой четверти XVIII века

Бычков Николай Олегович

Адвокат Палаты адвокатов Нижегородской области,

аспирант,

кафедра теории и истории государства и права,

Нижегородская правовая академия,

603134 Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Костина, 2 Б;

e-mail: bichkov2014@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования производства оружия в Российском государстве в первой четверти XVIII века. Исследуются нормы Именных и Сенатских указов и иных нормативно-правовых актов, содержащих положения, касающиеся производства оружия в России в указанный период. Основные нормативно-правовые акты в указанной сфере исследуются в единстве и взаимосвязи с общественными процессами, происходящими в России в период Петровских реформ. Указываются социально-правовые предпосылки развития оружейной промышленности, политико-правовые условия, влияющие на развитие правового регулирования производства оружия в России, а также административно-распорядительная специфика данного процесса. Анализируются процессы определения подведомственности функционирующих оружейных заводов. Отдельное внимание уделяется административно-правовым узаконениям в рассматриваемой сфере, регулирующим вопросы распределения государственных ресурсов в целях оптимизации затрат, связанных с налаживанием оружейного дела. Исследуются правовые коллизии, сопровождающие процессы бурного развития отрасли оружейной промышленности в первой четверти XVIII века в Российском государстве. Рассматриваются государственно-правовые мероприятия, направленные на соблюдение баланса между необходимостью развития производства и недопущение использования достижений оружейной промышленности во вред государственным интересам.

Для цитирования в научных исследованиях

Бычков Н.О. Правовое регулирование производства оружия в России в первой четверти

XVIII века // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 5-18.

Ключевые слова

Оружие, оборот, Россия, законы, XVIII век, история, производство, заводы.

Введение

Первая четверть XVIII века явилась периодом глубочайших социально-экономических изменений в Российском государстве, связанных с активной и последовательной политикой Петра I. Политико-правовое реформирование затронуло различные сферы общественной жизни и повлекло колоссальные изменения в общественном сознании и жизни населения. Одним из интереснейших и масштабных направлений деятельности Петра I стало усовершенствование процесса производства оружия, а также его соответствующая правовая регламентация.

Военное производство в Именных и Сенатских указах, доношениях и резолюциях

Так, заметное движение в артиллерийском деле началось еще «со времени княжения Иоанна III (1462-1505), хотя литейное (котельное) производство не было новинкою для нас и много ранее XIV в., чему доказательством служат наши колокола» [Абаза, 1896, 5]. Едва объединившись, Россия нуждалась в мастерах и предметах по разным искусствам и особенно для целей военных. Этих мастеров Россия стала получать из Европы [Баскаков, 1890, 3].

Правовой фундамент для проводимых реформ в сфере производства оружия в XVIII веке, был заложен в конце XVII века. В анализе нормативно-правового регулирования указанного вопроса в первую очередь заслуживает внимания Именной указ от 25 сентября 1673 года «О не переводе мастеров иноземцев в мещанскую слободу и об оставлении их в Бронной по-прежнему». Данный нормативный акт установил запрет на перевод сабельных мастеров в Мещанскую слободу из Бронной по той причине, что они занимаются оружейным производством: «Великий Государь указал: сабельного дела иноземцов Петрушку Васильева, Гришку Литовского, Федьку Мартынова, Ваську Иванова, в Мещанскую слободу не имать, а жить им в Бронной слободе, для того, что делают ни в Оружейной Палате всякие оружейные дела», –предписывал этот указ. В запрете перевода оружейных дел мастеров в другую слободу, не занимающуюся производством оружия, просматривается определенная цеховая организация, и фактически государство ограничивает круг лиц, которым разрешено производить оружие, только теми, кто состоит в соответствующей корпорации, т. е. Бронной слободе.

Другой Именной указ того периода «О прииске всякого чина людям руд в Верхотурье и Тобольске, о выборе удобных мест к учреждению заводов и о присылке в Москву снятых с таковых мест чертежей» определял вопросы созданиях новых оружейных заводов уже на территории Сибири. Согласно этому законодательному акту: «А указал Великий Государь те заводы железные построить для того, что по свидетельству заморских опытов та руда богата и железо выходит самое доброе, и чтоб на тех заводах лить пушки и гранаты и всякое ружье для обороны Сибирского Царства от всяких иноземцев и для провоза того ружья к Москве и в иные понизовые и верховые городы, где по указу Великого Государя понадобится» (Именной указ от 10 июня 1697 года). Как, следует из приведенного нами отрывка, указанные заводы были учреждены для укомплектования местных войск, а также для насыщения своей продукцией местного населения. Также было высочайше повелено «на том бы заводе делать и лить железо связное и прутовое и дощатое и цренное и кровельное для продажи в разные городы к соляным Камским промыслам, чтоб пополнением денежныя казны было, чем всякого чина служилых людей в Сибирских городах, где частые бывают разных иноземцев воинские приходы, перед прежним прибавить и жалованьем полным пожаловать» [там же].

Следует отметить, что в указанный период существовали определенные ограничения для промышленников при производстве оружия и боеприпасов. К примеру, «Запрещением продажи селитры мимо артиллерии, исчерпывается вопрос о содержании правительственных распоряжений характера обязательного, и здесь невыгоды давали себя чувствовать промышленникам весьма осязательно. Ряд этих запрещений начинается с 1708 года, когда вышел указ, чтобы селитерные промышленники никому не продавали селитры, кроме пороховых уговорщиков, которые ставят в артиллерию порох по контрактам; указ мотивирован «дабы от того в цене (селитры) повышения не было». В 1711 году новый указ о том же, наконец в 1712 году вместе с новым подтверждением встречаем и факт преследования нарушителей упомянутых распоряжений: у некоторых мелких пороховых промышленников опечатывают фабрики за покупку селитры мимо артиллерийского ведомства» [Бранденбург, 1876, 90].

Первая четверть XVIII века ознаменовалась изданием Именного, объявленного из Сената указа от 15 февраля 1712 года «Об определении начальником при Тульских заводах князя Волконского и об управлении оными заводами по части искусственной и экономической». Данный указ является своего рода отправной точкой в регулировании производства оружия в Петровский период. Установлено количество производимого на данном заводе оружия, а также его характеристики вплоть до материала: «Великий Государь указал: по Именному Своего Великого Государя указу, на Тульских заводах оружейного дела мастерам делать ружья, в год: драгунского и солдатского до 15,000 фузей с ножами, из Сибирского железа; а за

то ружье тем мастерам давать по рублю от 24 алтына по 2 деньги за фузею с ножем». И также указывалось: «А ружье как драгунское так и солдатское, также и пистолеты, когда будет повелено, делать одним калибром» (Именной, объявленный из Сената указ от 15 февраля 1712 года). Установлен также и порядок сбора денежных средств на таковое производство, которые должны были отпускаться из Правительствующего Сената «по дважды в год», цены, и некоторые другие принципиальные моменты. Так, например, «железа Сибирского в год брать по 10,000 тысяч пуд из Сибирского приказу. А деньги за то железо в тот Приказ ему Господину Князю Волконскому отпускать по настоящей цене, по чему железо ставится в Москве, а именно, по 4 гривны за пуд. А на пробу того ружья, пороху против прежняго указу, по 12 золотников на фузею, отпускать из приказу Артиллерии» [там же].

Как видим, законодатель облекает князя Волконского широкими полномочиями, для реализации которых последний получает определенную свободу действии для целей производства указанных 15.000 ружей. Например, князь Волконский имел право «людей изыскивать и употреблять к тому оружейному делу, и всемерно в той слободе того мастерства мастеровых людей умножить, для того что впредь такого ружья определенно будет делать с многою прибавкою».

Продолжает избранную политику государства в области становления масштабной оружейной промышленности Сенатский указ от 11 ноября 1713 года «О высылке на Тульские оружейные заводы для обучения оружейному делу мастеровых людей, кузнецов, слесарей, столяров и о даче им кормовых денег, провианта и мундира». Акт предписывает выслать на Тульские оружейные заводы необходимых специалистов, а именно «указное число из кузнецов из столяров молодых робят, которые кузнецы и столярному делу заобычны, немедленно». Все новоприбывшие кузнецы и столяры получали определенное содержание: «кормовых денег по 10 алтын на месяц да провианту по полуосмине человеку, да им же дать мундир сермяжный, да по шубе». Вместо «беглых и негодных, которые высланы были на Тульские заводы и с дороги и с заводу бежали» аналогичное число мастеров необходимо было отправить из губерний. При этом если «в Губерниях таких людей не будет, то на тех Губернаторах взять будет штраф» (Сенатский указ от 11 ноября 1713 года). Полагаем, что государство в рассматриваемый период испытывало определенный кадровый голод при производстве оружия и всеми средствами старалось сохранить и приумножить штат квалифицированных работников.

Сенатский указ от 5 мая 1714 года «О посылке на Тульские заводы из кузнецов молодых людей для обучения оружейному мастерству» не является новеллой в законодательном регулировании процесса производства оружия. Наоборот, думается, что акт является логическим продолжением предыдущего. Заводы тоже испытывают нехватку специалистов,

что законодатель и пытается ликвидировать с помощью определенных специфических нововведений, приказывая «По прежним посланным Его Великого Государя указам на Тульские заводы для обучения оружейного дела недосланных из кузнецов молодых ребят, выслать ныне из Губерний с Ландрихтерами немедленно, чтоб в полках в починке ружья остановки, и излишних Государевой казны расходов не было, дав им кормовых денег, провианта по указу на год и рекрутский мундир; а ежели в год не обучатся, то кормовые деньги и провиант по тому же прислать еще на год» (Сенатский указ от 5 мая 1714 года).

Процессы определения подведомственности как новоиспеченных, так и давно функционирующих оружейных заводов начали занимать правительство примерно с первой четверти XVIII века. Отправным актом в этой сфере является Именной, объявленный из Сената указ от 29 мая 1719 года «О бытии Олонцу с заводами в ведении Адмиралтейства», которым предписывается сохранение ведомственной принадлежности Олонецких заводов Адмиралтейству: «О бытии Олонцу с заводами в ведении Адмиралтейства».

Высочайшая резолюция на доношение Ландрата Муравьева 25 марта 1720 года «О даче жалованья мастерам на оружейных Петровских заводах» является примером достаточно специфической по своей юридической природе и форме правовой установки. Так или иначе, указанное Доношение поднимает насущный на тот период времени вопрос о средствах финансирования обучения оружейному мастерству детей, принятых на заводы (Высочайшая резолюция… от 25 марта 1720 года). Резолюция же определяет порядок, а именно, что ученики получают «ученичье» (фактически стипендию), а также премии за успехи в учебе («Давать, как прежде было, их братьи, а именно: ученикам ученичье, а которые аванжировать в своем мастерстве будут, по препорции мастерства против их же братьи» [там же]). Стоит отметить ранее уже проявленную и ныне лишь в очередной раз подчеркнутую заинтересованность государства в успешном обучении будущих мастеров, что собственно и выражается в дополнительных финансовых стимулах для обучения.

Именной указ, данный Генерал-Майору Геннингу от 20 ноября 1723 года, «О неделании на Уктусских, Алапаевских и Каменских железных заводах оружия, присылании на оное дело железа на Сестрорецкие заводы» посвящен непосредственно процессу оружейного производства. Для автора этот акт интересен в первую очередь тем, что определяет требования к расположению данных заводов, а именно, чтобы до них был водный путь для подвоза материалов, так как он на тот период являлся основным и наиболее удобным для грузоперевозок как в зимний, так и в летний период (Именной указ от 20 ноября 1723 года).

В указе также успешно разрешен вопрос о дозволении на производство на данных заводах артиллерийских орудий – пушек и мортир («что вы заводы железные Уктуские, Алапаевские и Каменские исправили, и железо доброе на них делают и зачнете по указу пушки, и мортиры

лить, то хорошо»). Вместе с тем, законодатель запрещает производство на них личного оружия, как холодного, так и огнестрельного («а что вы зачали делать фузеи и шпаги, и то по получении сего вели отставить и впредь там ружья делать не надобно»). Мотивируется это не целесообразностью, так как на Сестрорецких заводах уже готовы производить огнестрельное и холодное оружие и поэтому заводам приказано направлять в Сестрорецкие заводы материалы для такого производства («а железо потребное на оружейное дело поисылайте сюда на Сестрорецкие заводы, которые уже совсем сделаны» (Именной указ от 20 ноября 1723 года)).

Также в этом акте решаются административные вопросы, в частности необходимости содействия местным воеводам: «чтоб Воеводы Вятской, Соликамской и Верхотурской чинили в строении заводов вспоможение» [там же]. Как видим, государство осуществляло жесткий контроль за производством оружия не только в вопросах качества производимого оружия, но также в создании спроса, определяя таким образом, что именно будет произведено. Думается, что законодатель, вмешиваясь в производственный процесс, а именно определяя где и что производить, исходил из своих представлений о рациональности подобных рекомендаций.

Сенатский указ от 14 января 1724 года «О бытии Сестрорецким оружейным заводам в ведении Артиллерии» продолжает серию узаконений, посвященных вопросам подведомственности оплотов тогдашней оружейной промышленности. В частности, указ устанавливает ведомственную принадлежность Сестрорецких заводов, строящихся на государственные деньги, уже к ведомству Артиллерии (Сенатский указ от 14 января 1724 года). Также определен общий порядок деятельности заводов. А именно подробнейшим образом правительством прописывается, что производить, в каких количествах, что для этого необходимо, сколько людей и пр.

Именной, состоявшийся в Сенате указ от 20 января 1724 года «О переводе из Олонецких Петровских заводов оружейного дела мастеров на Сестрорецкие заводы и об определении ко всяким художествам в ученики незаконнорожденных и подкидышей, воспитанных в сиротских домах» хотя и не решает указанного вопроса, однако, содержит немаловажные и специфические нововведения, представляющие немалую ценность в контексте нашей темы. Так, указом установлена обязанность перевести оружейных мастеров вместе со всем их имуществом и семьями на Сестрорецкие заводы. Подчеркивается сохранение причитающегося им ранее содержания до установки новых норм («жалованьем денежным и хлебным содержать их до будущаго определения против того, как они содержаны были на оных Петровских заводах: а каким образом содержаны были, о том взять ведомость из Адмиралтейства» (Именной, состоявшийся в Сенате указ от 20 января 1724 года)).

Очередная смена подведомственности Сестрорецких заводов последовала после издания

Именного, объявленного из Сената указа от 11 февраля 1724 года «О передаче Сестрорецких заводов в ведомство Адмиралтейства», согласно которому заводы из ведомства Артиллерии переходят отныне в ведомство Адмиралтейства.

Сенатский указ от 10 ноября 1724 года «О платеже из задельных за оружье денег подушного сбора за Тульских оружейных слесарей, о незапрещении им делать на сторону ружья и взимании с них за рекрут денег» приравнивает Тульских заводских мастеров к купечеству в вопросе пополнения рекрутов («а за рекрут брать с них деньги, так, как положено с купечества» (Сенатский указ от 10 ноября 1724 года)). Указанное обстоятельство, на наш взгляд, можно объяснить тем, что отправление мастеровыми своих обязанностей по обеспечению армии рекрутами не в полной мере отвечает интересам государства того периода. А именно существенно снижает производительность заводов. Это, думаем, можно объяснить осознает законодателем того, что квалифицированные специалисты и молодые люди, которые в дальнейшем должны будут такими стать, вынуждены будут прекратить обучение и уйти в солдаты. Также в норме устанавливается, что сбор подушных денег с мастеров все-таки производится, однако также за счет государства.

Размер налогов, взыскиваемых с крестьян на содержание полков установлен Сенатским указом от 3 мая 1725 года «О платеже приписных к Олонецким заводам крестьянам подушных денег на содержание полков по-прежнему и зачитании им за работу четырехгривенного сбора».

Высочайше утвержденный Доклад Сената от 12 июня 1732 года «Об отдаче Сестрорецких заводов в ведомство Артиллерии» продолжает серию нормативные актов о подведомственности оружейных заводов, которые сначала были переданы Адмиралтейству, а ныне снова передаются в ведомство Артиллерии. По существу же указанные нормы представляет собой доклад Комиссии о нерентабельности нахождения заводов в ведомости Адмиралтейства и обосновывает экономическую необходимость перевода их под управление Артиллерии (доклад Сената от 12 июня 1732 года). По итогу доношение признано обоснованным и было удовлетворено.

Инструкция Действительному Статскому Советнику Татищеву (от 23 марта 1734 года), посланному в Сибирскую, Казанскую Губернии для смотрения за прежними горными заводами и для учреждения новых определенным образом затрагивает интересующую нас тему правового регулирования оборота оружия в XVIII веке. В данном документе важен прежде всего пункт 18, в котором Татищеву предписывается наблюдение, чтобы «на партикулярных железных заводах без дозволения не выделывали оружия и военных снарядов». Таким образом, очевидно, что кроме развития оружейной промышленности государство также было заинтересовано в ее полной подконтрольности, чтобы оно могло

определять объемы производства, устанавливать стоимость изделий военной промышленности, а также отслеживать пути реализации и в целях недопущения распространения оружия среди территориальных соседей и неприятелей: «А наипаче смотреть накрепко, дабы на партикулярных заводах без указа, пушек, мортир, бомб, ядер, також фузей, шпаг, копей и никаких военных орудий не делали, и никому за границы, тайно и явно, под страхом смертныя казни, не продавали; и для того велеть им самим и их всем прикащикам и управителям в слышании сего указа подписаться. Ежели же кто в таком преступления явится: то вам над оными прикащики и управители чинить наказание без упущения; а о преступлениях самих промышленников наследовав; писать к Нам» (Именной указ от 25 сентября 1673 года).

Заключение

Таким образом, период правления Петра I ознаменовался созданием определенных правовых узаконений в сфере производства оружия и функционирования оружейной промышленности. В последующие годы ряд нормативных актов утратили свое значение или претерпели существенные изменения и дополнения, но заложенные правовые основы стали необходимым базисом для дальнейших трансформаций правовой действительности в сфере производства оружия в России.

Библиография

1. Абаза В.А. История Лейб-гвардии Конной артиллерии. СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1896. 78 с.
2. Баскаков В.И. Северная война 1700-1721 гг. Кампания от Гродна до Полтавы 1706-1709 гг. СПб.: Петербургской Газеты, 1890. 276 с.
3. Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России (1701-1720 г.). СПб.: Тип. артиллерийского журнала, 1876. 574 с.
4. Инструкция Действительному Статскому Советнику Татищеву, посланному в Сибирскую, Казанскую Губернии для смотрения за прежними горными заводами и для учреждения новых от 23 марта 1734 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. IX. № 6559.
5. О бытии Олонцу с заводами в ведении Адмиралтейства: Именной, объявленной из Сената указ от 29 мая 1719 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. V. № 3379.
6. О бытии Сестрорецким оружейным заводам в ведении Артиллерии: Сенатский указ от 14 января 1724 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. VII.

№ 4414.

7. О высылке на Тульские оружейные заводы для обучения оружейному делу мастеровых людей, кузнецов, слесарей, столяров и о даче им кормовых денег, провианта и мундира: Сенатский указ от 11 ноября 1713 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. V. № 2736.
8. О даче жалованья мастерам на оружейных Петровских заводах: Высочайшая резолюция на доношение Ландрата Муравьева от 25 марта 1720 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. VI. № 3551.
9. О не переводе мастеров иноземцев в мещанскую слободу и об оставлении их в Бронной по-прежнему: Именной указ от 25 сентября 1673 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. I. № 559.
10. О неделании на Уктусских, Алапаевских и Каменских железных заводах оружия, присылании на оное дело железа на Сестрорецкие заводы: Именной указ, данный Генерал-Майору Геннингу от 20 ноября 1723 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. VII. № 4369.
11. О переводе из Олонецких Петровских заводов оружейного дела мастеров на Сестрорецкие заводы и об определении ко всяким художествам в ученики незаконнорожденных и подкидышей, воспитанных в сиротских домах: Именной, состоявшийся в Сенате указ от 20 января 1724 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. VII. № 4421.
12. О передаче Сестрорецких заводов в ведомство Адмиралтейства: Именной, объявленный из Сената указ от 11 февраля 1724 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. VII. № 4470.
13. О платеже из задельных за оружье денег подушного сбора за Тульских оружейных слесарей, о незапрещении им делать на сторону ружья и взимании с них за рекрут денег: Сенатский указ от 10 ноября 1724 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. VII. № 4587.
14. О платеже приписных к Олонецким заводам крестьянам подушных денег на содержание полков по-прежнему и зачитании им за работу четырехгривенного сбора: Сенатский указ от 3 мая 1725 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. VII. № 4710.
15. О посылке на Тульские заводы из кузнецов молодых людей для обучения оружейному мастерству: Сенатский указ от 5 мая 1714 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. V. № 2806.
16. О прииске всякого чина людям руд в Верхотурье и Тобольске, о выборе удобных

мест к учреждению заводов и о присылке в Москву снятых с таковых мест чертежей: Именной указ от 10 июня 1697 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. III. № 1588.

17. Об определении начальником при Тульских заводах князя Волконского и об управлении оными заводами по части искусственной и экономической: Именной, объявленный из Сената указ от 15 февраля 1712 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. IV. № 2486.
18. Об отдаче Сестрорецких заводов в ведомство Артиллерии: доклад Сената от 12 июня 1732 года // Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. VIII. № 6093.

Legal regulation of arms production in Russia in the first quarter of the XVIII century

Nikolai O. Bychkov

Postgraduate,
Department of theory and history of state and law,
Nizhny Novgorod Academy of Law;
603134, 2 B Kostina str., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: bichkov2014@gmail.com

Abstract

The article deals with the legal regulation of arms production in the Russian state in the first quarter of the 18th century. The norms of the Nominal and Senate decrees and other normative legal acts containing provisions concerning the production of weapons in Russia during the specified period are investigated. The main normative legal acts in this area are explored in unity and interrelation with the social processes taking place in Russia during the period of Peterepy the Great reforms. The socio-legal preconditions for the development of the arms industry, the political and legal conditions affecting the development of the legal regulation of arms production in Russia, as well as the administrative and regulatory specifics of this process are indicated. The processes of determining the subordination of functioning weapons factories are analyzed. A special attention is paid to the legal and administrative legal provisions in the sphere in question, which regulate the allocation of state resources in order to optimize the costs associated with the establishment of weapons business. Legal collisions that accompany the rapid development of the

arms industry in the first quarter of the 18th century in the Russian state are being investigated. The state-legal measures aimed at balancing the need to develop production and preventing the use of the achievements of the arms industry to the detriment of state interests are considered.

For citation

Bychkov N.O. (2017) Pravovoe regulirovanie proizvodstva oruzhiya v Rossii v pervoi chetverti XVIII veka [Legal regulation of arms production in Russia in the first quarter of the XVIII century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 5-18.

Keywords

Weapons, turnover, Russia, laws, the XVIII century, history, production, factories.

References

1. Abaza V.A. (1896) *Istoriya Leib-gvardii Konnoi artillerii* [History of the Life Guards Equestrian Artillery]. St. Petersburg: Tipo-Litografiya R. Golike Publ.
2. Baskakov V.I. (1890) *Severnaya voina 1700-1721 gg. Kampaniya ot Grodna do Poltavy 1706-1709 gg.* [The Northern War of 1700-1721. The campaign from Grodno to Poltava in 1706-1709]. St. Petersburg: Peterburgskoi Gazety Publ.
3. Brandenburg N.E. (1876) *Materialy dlya istorii artilleriiskogo upravleniya v Rossii (1701-1720 g.)* [Materials for the history of artillery control in Russia (1701-1720)]. St. Petersburg: Tip. artilleriiskogo zhurnala Publ.
4. Instruktsiya Deistvitel'nomu Statskomu Sovetniku Tatishchevu, poslannomu v Sibirskuyu, Kazanskuyu Gubernii dlya smotreniya za prezhnimi gornymi zavodami i dlya uchrezhdeniya novykh ot 23 marta 1734 goda [Instruction to the Acting State Counselor Tatishchev, sent to the Siberian, Kazan Province, to look beyond the former mining plants and to establish new ones on March 23, 1734]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (IX), 6559.
5. O bytii Olontsu s zavodami v vedenii Admiralteistva: Imennoi, ob"yavlennoi iz Senata ukaz ot 29 maya 1719 goda [On the life of Olonets with plants under the authority of the Admiralty: Nominal decree of May 29, 1719, promulgated from the Senate]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (V), 3379.
6. O bytii Sestroretskim oruzheinym zavodam v vedenii Artillerii: Senatskii ukaz ot 14 yanvarya 1724 goda [On the existence of Sestroretsk arms factories run by Artillery: Senate decree of January 14, 1724]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii*

[Complete collection of laws of the Russian Empire], I (VII), 4414.

7. O dache zhalovan'ya masteram na oruzheinykh Petrovskikh zavodakh: Vysochaishaya rezolyutsiya na donoshenie Landrata Murav'eva ot 25 marta 1720 goda [On giving salaries to masters in the Arms Petrovsky plants: The highest resolution on the report of Landrat Muraviev dated March 25, 1720]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (VI), 3551.
8. O ne perevode masterov inozemtsev v meshchanskuyu slobodu i ob ostavlenii ikh v Bronnoi po-prezhnemu: Imennoi ukaz ot 25 sentyabrya 1673 goda [On not transferring masters-foreigners to the middle-class sloboda and leaving them in Bronnaya as before: Nominal decree of September 25, 1673]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (I), 559.
9. O nedelanii na Uktusskikh, Alapaevskikh i Kamenskikh zheleznykh zavodakh oruzhiya, prisylanii na onoe delo zheleza na Sestroretskie zavody: Imennoi ukaz, dannyi General-Maioru Genningu ot 20 noyabrya 1723 goda [On not making weapons at the Uktusk, Alapayevsk and Kamensk Iron-works, sending iron to the Sestroretsk plants: Nominal decree given to Major-General Genning from November 20, 1723]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (VII), 4369.
10. O peredache Sestroretskikh zavodov v vedomstvo Admiralteistva: Imennoi, ob"yavlennyi iz Senata ukaz ot 11 fevralya 1724 goda [On the transfer of Sestroretsk plants to the Admiralty department: Nominal decree of 11 February 1724, promulgated from the Senate]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (VII), 4470.
11. O perevode iz Olonetskikh Petrovskikh zavodov oruzheinogo dela masterov na Sestroretskie zavody i ob opredelenii ko vsyakim khudozhestvam v ucheniki nezakonnorozhdennykh i podkidyshei, vospitannykh v sirotskikh domakh: Imennoi, sostoyavshiisya v Senate ukaz ot 20 yanvarya 1724 goda [On the transfer of the armory masters from the Olonets Petrovsky factories to the Sestroretsk plants and taking illegitimate children and foundlings brought up in orphanages to pupils of any art: Nominal decree of January 20, 1724, passed in the Senate]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (VII), 4421.
12. O platezhe iz zadel'nykh za oruzh'e deneg podushnogo sbora za Tul'skikh oruzheinykh slesarei, o nezapreshchenii im delat' na storonu ruzh'ya i vzimanii s nikh za rekrut deneg: Senatskii ukaz ot 10 noyabrya 1724 goda [On the payment of poll tax for Tula gunsmiths from the money collected from the money for weapons, on non prohibition of siding with

the rifles and collecting money from them for the recruitment of money: the Senate Decree of November 10, 1724]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (VII), 4587.

13. O platezhe pripisnykh k Olonetskim zavodam krest'yanam podushnykh deneg na soderzhanie polkov po-prezhnemu i zachitanii im za rabotu chetyrekhgrivennogo sbora: Senatskii ukaz ot 3 maya 1725 goda [On the payment of per capita money attributable to the Olonets factories for the maintenance of regiments and giving them for the work of the four-grivna collection: The Senate Decree of May 3, 1725]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (VII), 4710.
14. O posylke na Tul'skie zavody iz kuznetsov molodykh lyudei dlya obucheniya oruzheinomu masterstvu: Senatskii ukaz ot 5 maya 1714 goda [On sending young men - blacksmiths to the Tula factories from for training in weapon skill: the Senate decree from May, 5th, 1714]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (V), 2806.
15. O priiske vsyakogo china lyudyam rud v Verkhotur'e i Tobol'ske, o vybore udobnykh mest k uchrezhdeniyu zavodov i o prisylke v Moskvu snyatykh s takovykh mest chertezhei: Imennoi ukaz ot 10 iyunya 1697 goda [On giving any rank to the people of ores in Verkhoturye and Tobolsk, on the choice of convenient places for the establishment of plants and the dispatch of drawings taken from such places to Moscow: Decree of June 10, 1697]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (III), 1588.
16. O vysylke na Tul'skie oruzheinye zavody dlya obucheniya oruzheinomu delu masterovykh lyudei, kuznetsov, slesarei, stolyarov i o dache im kormovykh deneg, provianta i mundira: Senatskii ukaz ot 11 noyabrya 1713 goda [On deportation of artisans, blacksmiths, locksmiths, carpenters to the weapons industry of the Tula arms factories for training armory and giving them fodder money, provisions and uniform: Senate decree of November 11, 1713]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (V), 2736.
17. Ob opredelenii nachal'nikom pri Tul'skikh zavodakh knyazya Volkonskogo i ob upravlenii onymi zavodami po chasti iskusstvennoi i ekonomicheskoi: Imennoi, ob"yavlennyi iz Senata ukaz ot 15 fevralya 1712 goda [On the appointment of Prince Volkonsky as head of the Tula factories and the management of these factories as part of the artificial and economic: Nominal decree, proclaimed from the Senate of February 15, 1712]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (IV), 2486.

18. Ob otdache Sestroretskikh zavodov v vedomstvo Artillerii: doklad Senata ot 12 iyunya 1732 goda [On the return of Sestroretsk plants to the Artillery Department: Senate Report of June 12, 1732]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], I (VIII), 6093.

УДК 340.1

Правовая категория «юридическая ответственность»

Щербаков Роман Александрович

Аспирант,

кафедра теории и истории государства и права,

Российский новый университет,

105005,Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 22;

e-mail: roman-vip@inbox.ru

Аннотация

Значимость юридической ответственности в практической области не вызывает сомнения. Настоящая статья посвящена теоретико-правовому анализу юридической ответственности. Нельзя не отметить, что в последнее время юридическая ответственность привлекает внимание общей теории права. Сегодня теоретическая составляющая юридической ответственности находится в динамичном развитии. Динамика юридической ответственности связана с развитием законодательства, совершенствованием правовой системы, научными изысканиями в данной области и иными факторами, влияющими на модернизацию данного правового явления. Так, в нынешних правовых реалиях юридическая ответственность проходит адаптационный период. Юридическая ответственность – это многогранное правовое явление, представляющее собой совокупность компонентов, входящих в ее состав и предопределяющих ее. Автор также анализирует значимость юридической ответственности не только в правовом знании, но и в других научных областях и сферах деятельности. Юридическая ответственность перестает быть внутринациональным правовым явлением конкретного государства. С учетом последних событий в мире развитие международных отношений, совершение правонарушений в области международного права, юридическая ответственность как никогда становится актуальным явлением, однако юридическая ответственность остается неоднозначным правовым явлением. Именно поэтому автором исследуется правовая категория «юридическая ответственность».

Для цитирования в научных исследованиях

Щербаков Р.А. Правовая категория «юридическая ответственность» // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 19-27.

Ключевые слова

Юридическая ответственность, правовые категории, правовые явления, объективизация, аспекты юридической ответственности, правопонимание юридической ответственности.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Юридическая ответственность приобретает
лишь то значение, которым ее наделяет государство.

Юридическая ответственность является одним из самых значимых явлений, как в общей теории права, так и в правоприменительной области. В современном мире юридическая ответственность применяется не только во внутринациональном праве конкретного государства, но и в международных правоотношениях. Несмотря на практическую реализацию юридической ответственности, в общей теории права проблемы юридической ответственности полностью не решены. Одним из таких теоретико-правовых вопросов является правовая категория «юридическая ответственность».

От правовой категории к понятию

В отечественной юридической науке проблематике правовых категорий посвящен труд А.М. Васильева. Так, под правовыми категориями понимаются научные понятия, которые выступают инструментом научного мышления и служат для отображения объективной сути правовых явлений [Васильев, 1976, 89]. Будучи понятиями, правовые категории должны не только определять соответствующие свойства правового явления, но отображать в дефинициях совокупность знаний об объекте изучения. Важен именно процесс превращения понятия в категорию, то есть не только средство фиксации некоторого содержания, но и средство организации знания в познание [Блауберг, Юдин, 1973, 126]. Так, правовые категории – это не просто определения правового явления, а совокупность знаний о конкретном правовом явлении, отображенном в понятии.

Юридические (правовые) категории также выступают средством систематизации знаний о правовых явлениях, но в тоже время правовые категории не становятся научными понятиями, для того чтобы они ими являлись, они должны служить инструментом познания соответствующих правовых явлений.

В зарубежной юридической науке правовым категориям отведено одно из ключевых мест в общей теории права. Согласно зарубежному подходу, категории позволяют определить связи между элементами, которые их окружают, а также они способствуют совершенствованию

знаний о праве [Bergel, Cadiet, Cimamont , 2000, 30]. Правовые категории – это своего рода интеллектуальные надстройки, позволяющие мыслить о правовых явлениях и праве в целом.

Будучи фундаментальными понятиями юридической науки, правовые категории раскрывают содержание, свойства и сущность правовых явлений. Поэтому апофеозом исследования правовых явлений выступают понятия, разработанные на основании систематизации объективных свойств и знаний. Стоит отметить, что содержание любых категорий, в том числе правовых, раскрывается совокупностью понятий базирующихся в более общей категории. Так, в юридической науке не оспаривается положение, согласно которому юридическая ответственность является одним из видов социальной ответственности. По отношению друг к другу юридическая ответственность и социальная ответственность выступает как часть по отношению к более общему явлению. В отличие от юридической ответственности в основе понимания социальной ответственности лежит поведение людей в обществе, то есть соблюдение индивидами установленных устоев общества.

Так, социальная ответственность понимается как социальное отражение объективных ответственных зависимостей в различных системах общественной регуляции, как способность субъекта предвидеть результат своей деятельности не только в своих интересах, но и в интересах общества [Тунгулаг, 1889, 11]. Роль общества в социальной ответственности сводится к инстанции, которая за поведение, не соответствующее социальным нормам, порицает личность и, наоборот, за поведение, соответствующее устоям общества, одобряет поступки личности. Отсюда важной стороной социальной ответственности является отображение уровня развития социальных отношений, социальных институтов и общества в целом. Социальная ответственность опирается на устои общества, тогда как юридическая ответственность – на правовые нормы.

Вместе с тем социальная ответственность всецело влияет на понимание юридической ответственности, поскольку юридическая ответственность является разновидностью социальной ответственности, а правовые нормы выступают частью социальных норм. Будучи разновидностью социальной ответственности, юридическая ответственность устанавливается правовыми нормами. Поскольку юридическая ответственность регламентируется государством, то она является наиболее строгим видом социальной ответственности. Таким образом, юридическую ответственность следует рассматривать как частное явление социальной ответственности, привнося в последнюю юридическую специфику.

Следует отметить тот факт, что юридическая ответственность сама по себе является исключительно сложной и чрезвычайно значимой категорией в системе права [Корнилов, 2000, 23]. Вместе с тем ответственность выступает не только значимой категорией права, но и

крайне сложной категорией этики, поскольку она отражает особые морально-правовые отношения. Являясь разновидностью социальной ответственности, юридическая ответственность является исключительным свойством права, поскольку она основывается на правовых нормах.

Объективизация юридической ответственности

Исследование юридической ответственности как правовой категории базируется на ее объективизации. С позиции объективизации юридическая ответственность представляет собой совокупность объективных свойств, принадлежащих данному правовому явлению. Так, в объективизацию юридической ответственности входят компоненты, ее предопределяющие (например, признаки, функции, принципы, виды, аспекты ответственности и др.). Совокупность компонентов объективизации правовой ответственности дает не только теоретико-правовое, но и практическое представление о данном правовом явлении. Объективизация позволяет не только определить компоненты, относящиеся к юридической ответственности, но понять взаимосвязь между данными компонентами, а также определить сущность данного правового явления.

Вместе с тем объективизация юридической ответственности подводит нас к одной из основных проблем правовой категории «юридическая ответственность», а именно к правопониманию. Так, правильное понимание юридической ответственности важно и в политическом, социальном, и в юридическом смысле, оно имеет громадное значение для научной разработки проблемы прав личности, для повышения ответственности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц за порученное дело [Строгович, 1979, 76]. Что касается правопонимания юридической ответственности, то в юридической науке существуют различные концепты юридической (правовой) ответственности. Совокупность различных позиций в отношении определения юридической ответственности обусловлено неоднозначностью подходами правоведов к данному правовому явлению.

В научной литературе юридическая ответственность рассматривается как обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпевать меры государственного воздействия [Алексеев, 1971, 71] либо лишения в виде ограничений личного или имущественного характера. Юридический словарь Блэка определяет правовую ответственность как ответственность лиц или общества за нарушение гражданских прав или за совершение правонарушений [Garner, 2009, 997].

Так, юридическая ответственность рассматривается исключительно с позиции ретроспективного аспекта, что не отображает значение и сущность данного правового явления

всецело, а даже наоборот ограничивает значимость юридической ответственности в праве. Ответственность за правонарушение – это всего лишь одна сторона юридической ответственности, а не полная ее характеристика. Противоположной стороной юридической ответственности является позитивная юридическая ответственность, понимаемая с позиции поощрения лиц за правомерное поведение [Щербаков, 2016, 128-130].

Бесспорно, юридическая ответственность является правовым явлением. Все же наличие данного положения не делает юридическую ответственность правовой категорией. На теоретико-правовую сущность юридической ответственности влияют не только объективные свойства данного правового явления, но и процессы, происходящие в государстве (например, принятие новых правовых актов, устанавливающих новые меры или вид ответственности) и (или) обществе (например, появления новых правоотношений, требующий правового регулирования).

Юридическая ответственность является атрибутом права большинства государств. Отметим, что юридическая ответственность основывается на правовых нормах, она также понимается как ответственность, установленная законом. Поскольку юридическая ответственность или ответственность, установленная законом, является продуктом конкретного государства, то она отображает лишь то значение, которым ее наделило соответствующее государство (внутринациональная юридическая ответственность). Ответственность же на международном уровне (международно-правовая ответственность) по отношению к внутринациональной правовой ответственности имеет более сложный характер, поскольку устанавливается и применяется в соответствии с международными Соглашениями (Конвенциями).

Вместе с тем присоединение или ратификация международных договоров [Венская конвенция, 1969], в том числе устанавливающих юридическую ответственность, означает выражение согласия государства на применение соответствующего международного договора. Последствие выражения государством согласия на применение международного договора зачастую означает внесение соответствующих изменений в законодательство присоединившегося государства. Так, нормы, закрепленные в международных договорах денудируются во внутринациональное законодательство.

Стоит отметить, что юридическая ответственность является основой системы права [Носков, 2007, 13-19]. Выше было установлено, что юридическая ответственность является исключительным свойством права, поскольку устанавливается и регламентируется правовыми нормами. Поэтому правовая ответственность всецело зависит от таково важного фактора, как правотворческая деятельность. Она, как и объективизация рассматриваемого правового явления, определяет содержание юридической ответственности.

Юридическая ответственность, как и большинство правовых категорий обладает свойством адаптации, то есть изменяется в соответствии с правовыми реалиями. Так, без правильного понимания, а тем более осмысления всех компонентов, входящих в состав юридической ответственности, познать сущность данного правового явления невозможно. Поэтому юридическая ответственность – это многогранное правовое явление, характеризующееся комплексностью элементов предопределяющих ее.

Именно юридическая ответственность является одним из существенных гарантов прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов, правопорядка [Носков, 2007, 13-19].

Заключение

Несмотря на всю свою многогранность, теоретико-правовое значение, специфика юридической ответственности состоит в том, что она не может обойтись без права. Юридическая ответственность является результатом правотворческой деятельности государства и зависима от правовых норм. Таким образом, можно сказать, что юридическая ответственность является полиэдрической правовой категорией, поскольку как правовая категория она является самостоятельной, но в то же время, восходит к более общей категории – социальной ответственности, устанавливается и регламентируется правовыми нормами, но при этом исследуется, изучается и разрабатывается в науке, то есть является научной правовой категорией.

Библиография

1. Алексеев С.С. Социальная ценность в советском праве. М.: Юридическая литература, 1971. 223 с.
2. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 274 с.
3. Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. 264 с.
4. Венская конвенция о праве международных договоров: заключена в г. Вена 23.05.1969. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12754/
5. Кондратьева С.Л. Юридическая ответственность: Соотношение норм материального и процессуального права: дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. 220 с.
6. Корнилов А.Р. Правовые процедуры института юридической ответственности: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 196 с.
7. Носков С.А. О понятии института юридической ответственности // Право и

политика. 2007. № 3. С. 13-19.

8. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72-78.
9. Тунгулаг Г. Проблема социальной ответственности: философский аспект: автореферат дис. …канд. филос. наук. М., 1889. 21 с.
10. Щербаков Р.А. Позитивная юридическая ответственность как антонимия ретроспективной юридической ответственности // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99). С. 128-130.
11. Bergel J.-L., Cadiet L., Cimamont S.. Les principes directeurs du proces judiciaire. Etude d'une catégorie juridique. 2000. 523 p.
12. Garner B.A. (ed.) Black's Law Dictionary. St. Paul: West Group, 2009. 1943 p.

Judicial category "legal liability"

Roman A. Shcherbakov

Postgraduate,
Department of theory and history of state and law,
Russian New University,
105005, 22 Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: roman-vip@inbox.ru

Abstract

The importance of legal responsibility in the practical field is beyond doubt. This article is devoted to the theoretical and legal analysis of legal liability. It should be noted that in recent years, legal responsibility has attracted attention to the general theory of law. Today, the theoretical component of legal responsibility is in a dynamic development. The dynamics of legal responsibility is related to the development of legislation, the improvement of the legal system, scientific research in this field and other factors affecting the modernization of this legal phenomenon. So, in the current legal realities, the legal liability is in the adaptation period. Legal responsibility is a multifaceted legal phenomenon, which is a set of components that make up its composition and predetermine it. The author also analyzes the importance of legal responsibility not only in legal knowledge, but also in other scientific fields and fields of activity. Legal responsibility ceases to be an intranational legal phenomenon of a specific state. Taking into account the recent developments in the world, the development of international relations, the commission of offenses in the field of international law, legal responsibility is becoming more

urgent than ever, but legal responsibility remains an ambiguous legal phenomenon. That is why the author studies the legal category “legal responsibility”.

For citation

Shcherbakov R.A. (2017) Pravovaya kategoriya “yuridicheskaya otvetstvennost'” [Judicial category “legal liability”]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 19-27.

Keywords

Legal responsibility, legal categories, legal phenomena, objectification, aspects of legal liability, judicial understanding of legal liability.

References

1. Alekseev S.S. (1971) *Sotsial'naya tsennost' v sovetskom prave* [Social value in Soviet law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.
2. Bergel J.-L., Cadiet L., Cimamont S. (2000) Les principes directeurs du proces judiciaire. Etude d’une catégorie juridique.
3. Blauberg I.V., Yudin E.G. (1973) *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and essence of the system approach]. Moscow: Nauka Publ.
4. Garner B.A. (ed.) (2009) *Black’s Law Dictionary*. St. Paul: West Group.
5. Kondrat'eva S.L. (1998) *Yuridicheskaya otvetstvennost': Sootnoshenie norm material'nogo i protsessual'nogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal responsibility: Correlation of norms of material and procedural law. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
6. Kornilov A.R. (2000) *Pravovye protsedury instituta yuridicheskoi otvetstvennosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal procedures of the institution of legal responsibility. Doct. Diss. Abstract]. N. Novgorod.
7. Noskov S.A. (2007) O ponyatii instituta yuridicheskoi otvetstvennosti [On the definition of the institution of legal responsibility]. *Pravo i politika* [Law and politics], 3, pp. 13-19.
8. Shcherbakov R.A. (2016) Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost' kak antonimiya retrospektivnoi yuridicheskoi otvetstvennosti [Positive legal liability as antinomy of retrospective legal responsibility]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian law journal], 8 (99), pp. 128-130.
9. Strogovich M.S. (1979) Sushchnost' yuridicheskoi otvetstvennosti [The essence of legal responsibility]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 5, pp. 72-78.
10. Tungulag G. (1989) *Problema sotsial'noi otvetstvennosti: filosofskii aspekt: avtoreferat dis. ...kand. filos. nauk* [The problem of social responsibility: the philosophical aspect.

Doct. Diss. Abstract]. Moscow.

11. Vasil'ev A.M. (1976) *Pravovye kategorii: Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava* [Legal categories: Methodological aspects of the development of the category of theory of law]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.
12. *Venskaya konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov: zaklyuchena v g. Vena 23.05.1969* [Vienna Convention on the Law of Treaties: concluded in Vienna on May 23, 1969]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12754/ [Accessed 3/05/17].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.2

Ключевые новеллы Регламента № 650/2012 («Рима IV») и возможность их применения на территории ЕАЭС

Конайков Максим Александрович

Эксперт,

кафедра управления государственными и муниципальными закупками,

Московский городской университет управления Правительства Москвы,

аспирант,

сектор правовых проблем международных экономических отношений,

Институт государства и права Российской академии наук,

119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;

e-mail: maxesss@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются основные новеллы Регламента № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза, регулирующие вопросы трансграничного наследования. Рассматриваемые новеллы указанного регламента и вопросы трансграничного наследования давно стоят на повестке дня в Европейском Союзе ввиду усиления интеграционных процессов на его территории и интенсификации миграционных потоков между странами-участницами. Данные обстоятельства уже привели к разработке целого ряда нормативных правовых актов, призванных гармонизировать нормы, регулирующие различные аспекты повседневной жизни граждан. Одним из таких аспектов являются вопросы, связанные с регулированием трансграничного наследования. Продолжавшаяся более десяти лет законодательная работа привела к выработке принципиально новой коллизионной привязки, использующейся при рассмотрении трансграничных наследственных дел, а также к внедрению в оборот единого документа о наследовании. Поскольку Российская Федерация активно участвует в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, опыт Европейского Союза может быть полезен в свете усиливающихся интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. Поэтому выработанные европейскими законодателями новеллы исследуются на возможность их использования на территории Евразийского экономического союза.

Для цитирования в научных исследованиях

Конайков М.А. Ключевые новеллы Регламента № 650/2012 («Рима IV») и возможность их применения на территории ЕАЭС // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 28-36.

Ключевые слова

«Рим IV», трансграничное наследование, европейское право, ЕАЭС, наследственное право.

Введение

На сегодняшний день интеграционные процессы набирают обороты практически во всех уголках земного шара. Множество государств объединяют свои усилия, стремясь обеспечить себе устойчивое экономическое развитие, модернизацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик. Не является исключением и постсоветское пространство, на территории которого одним из ключевых игроков является Российская Федерация. На сегодняшний день интеграция в указанном регионе осуществляется главным образом в рамках Евразийского экономического союза, учрежденного посредством подписания 29 мая 2014 года в Астане соответствующего договора.

Первоначально в Евразийский экономический союз входили три участника: Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан. Немногим позднее к Договору о Евразийском экономическом союзе присоединились Республика Армения (Договор о присоединении Респ. Армения…, 2014) и Кыргызская Республика (Договор о присоединении Кыргызской Респ. …, 2014). В рамках ЕАЭС стороны обеспечивают свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, о чем прямо говорится в части 1 ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе.

Очевидно, что такие намерения отображают общую тенденцию стран-участниц к взаимному сближению, что не может не отразиться на усилении передвижения крупных масс населения из одних государств-членов в другие. Свобода передвижения рабочей силы означает, что постепенно увеличатся контакты между гражданами различных стран-участниц ЕАЭС на бытовом уровне. Увеличение таких контактов неизбежно приведет к росту числа межнациональных браков, что, в свою очередь, отразится в увеличении количества случаев трансграничного наследования. Именно на последнем аспекте последствий усиливающейся на постсоветском пространстве интеграции – трансграничном наследовании – мы и остановимся в настоящей статье.

Протекающие на территории ЕАЭС интеграционные процессы аналогичны процессам,

протекавшим во второй половине XX века на территории современного Европейского Союза. Страны-участницы ЕС уже столкнулись с необходимостью гармонизировать свои законодательства о наследовании. Отметим, что уже в 2013 году порядка 12,3 млн граждан Европейского Союза проживали за пределами страны своего гражданства, что привело к росту числа случаев трансграничного наследования до 450 000 в год, общий размер наследственной массы которых составлял 23,3 млрд евро [Морун, 2013]. Исследователи также отмечают, что иностранным элементом обременены около 10% наследственных дел, рассматриваемых на территории Европейского Союза [Röthel, 2010]. Таким образом, представляется уместным рассмотреть европейский опыт регулирования трансграничного наследования, поскольку рано или поздно страны-участницы ЕАЭС неизбежно столкнутся с аналогичной проблемой.

Правовой опыт стран Европейского Союза

В результате напряженной, длившейся десять лет законодательной работы страны-участницы Европейского Союза приняли Регламент № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании», также известного как «Рим IV» (Regulation (EU) No 650/2012, 107) (далее – «Рим IV», Регламент). Указанный регламент представляет собой принципиально новое слово в регулировании вопросов наследования вообще и трансграничного наследования в частности. Принятый летом 2012 года, он подлежит применению на всей территории Европейского Союза (за исключением Дании, Великобритании и Ирландии) с 17 августа 2015 года.

Рассмотрим основные новеллы, привнесенные законодателями в правовое поле Европейского Союза посредством принятия «Рима IV». В соответствии со ст. 1 Регламент охватывает вопросы наследования имущества умерших лиц, не затрагивая сферы доходов, таможенных пошлин и административных вопросов. Из-под действия Регламента выведен также целый ряд вопросов, среди которых вопросы статуса физических лиц, семейных отношений, правоспособности физических лиц, алиментных обязательств (кроме возникающих в результате смерти), имущественных прав, вопросы корпоративного права и другие.

Одной из ключевых новелл Регламента является принципиально новая коллизионная привязка, которая используется для определения применимого к конкретному случаю трансграничного наследования права. Авторы «Рима IV» отошли от традиционной коллизионной привязки к гражданству наследодателя, указав в пункте 1 ст. 21 Регламента, что применимым ко всем вопросам наследования правом является право страны постоянного

места жительства наследодателя на момент смерти. Аналогичным образом определяется и юрисдикция, а именно: ст. 4 «Рима IV» указывает, что юрисдикцию по рассмотрению наследственного дела осуществляют суды страны-участницы ЕС, на территории которой соответствующий наследодатель постоянно проживал на момент смерти.

Эксперты [Navrátilová, 2010, 5-6] отмечают следующие преимущества использования последнего постоянного места жительства наследодателя в качестве коллизионной привязки. Во-первых, это обеспечивает единство права и суда, что позволяет рассматривать наследственные дела быстрее и повышает компетенцию соответствующего суда вследствие применения им собственного национального права. Также рассматриваемая привязка позволит обеспечить равное отношение ко всем лицам, поскольку в таком случае отсутствует привязка к гражданству. При этом необходимо особо отметить, что зачастую в стране последнего постоянного места жительства наследодателя также проживают его наследники и находится основная часть наследственной массы.

В то же самое время такая привязка имеет и определенные недостатки. Так, декларативная часть Регламента содержит в себе описание процесса определения последнего постоянного места жительства наследодателя, но самого определения понятия «последнее постоянное место жительства» в «Риме IV» нет. Более того, открытым остается вопрос о том, какое минимальное количество времени должен проживать наследодатель на территории государства, чтобы оно стало для него государством постоянного места жительства.

Тем не менее необходимо отметить, что введение такой новой коллизионной привязки являлось прорывным решением [Załucki, www]. В то же время ст. 22 Регламента позволяет лицу не потерять правовую связь со страной гражданства и указать право государства своего гражданства в качестве применимого к наследованию вместо права последнего постоянного места жительства.

Вторая ключевая новелла Регламента также закреплена положениями пункта 1 ст. 21, в котором указано, что право государства последнего постоянного места жительства наследодателя применяется «ко всем вопросам наследования в целом». Иными словами, указанные положения отражают точку зрения исследователей, еще ранее говоривших о необходимости рассмотрения европейскими коллизионными нормами наследственной массы в ее единстве [См. Dutta, 2009, 555]. Таким образом, принятые нормы «Рима IV» означают отход от системы «дробления» наследования по принципу природы наследуемого имущества. К тому же подход к наследственной массе как к единому целому позволяет обеспечить правовую определенность в наследственных делах.

Что же касается стран-участниц ЕАЭС, то законодательства данных государств содержат коллизионную привязку, по которой наследственные отношения также определяются правом

страны последнего места жительства наследодателя (пункт 1 ст. 1292 Гражданского кодекса Республики Армения; ст. 1133 Гражданского кодекса Республики Беларусь; ст. 1121 Гражданского кодекса Республики Казахстан; ст. 1206 Гражданского кодекса Кыргызской Республики и пункт 1 ст. 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации). Но такая привязка действует только в отношении движимого имущества наследодателя. Наследование недвижимого имущества регулируется правом страны места нахождения такого имущества.

Важной новеллой Регламента является также и разработка Европейского свидетельства о наследстве. Использование данного свидетельства, однако, не является обязательным, и оно не упраздняет и не заменяет аналогичные национальные документы стран-участниц Европейского Союза. Вместе с тем, оно признается во всех государствах ЕС (кроме Дании, Великобритании и Ирландии) в качестве документа, подтверждающего права и статус наследников, отказополучателей, исполнителей завещания и попечителей над наследственным имуществом.

Заключение

Суммируя все вышеизложенное, необходимо отметить, что «Рим IV» содержит множество прорывных положений, которые отсутствуют в правовой практике стран-участниц ЕАЭС. Их законодательство основано на принципе дробления наследуемого имущества в соответствии с его природой и содержит коллизионную привязку к последнему постоянному месту жительства наследодателя только в отношении определения права, применимого к наследованию движимого имущества. Наследование же недвижимости осуществляется по праву государства места нахождения соответствующего недвижимого имущества.

Также законодательства стран-участниц ЕАЭС не содержат положений о едином документе, подтверждающем статус и полномочия наследников и исполнителей завещания по аналогии с Европейским свидетельством о наследстве, которое, даже несмотря на некоторую половинчатость (отсутствие обязательного использования свидетельства и сосуществование свидетельства наравне с аналогичными национальными документами), является существенной вехой на пути общеевропейской интеграции.

В то же самое время необходимо отметить, что интеграционные процессы на территории Европейского Союза имеют бóльшую историю и интенсивность по сравнению с аналогичными процессами на постсоветском пространстве. Поэтому можно сделать предположение, что по мере усиления интеграционных процессов внутри ЕАЭС регулирующие трансграничное наследование нормы также претерпят существенные изменения.

Библиография

1. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть II) от 05.01.1998 № 1. URL: http://www.cbd.minjust.gov.kg
2. Гражданский кодекс Республики Армения от 05.05.1998. URL: http://www.parliament.am
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З. URL: http://www.pravo.by
4. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 01.07.1999 № 409-I (Особенная часть). URL: http://www.online.zakon.kz
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
6. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. URL: www.pravo.gov.ru
7. Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 38. Ст. 5213.
8. Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 8. Ст. 1107.
9. Конайков М.А. История принятия Регламента № 650/2012 («Рима IV») // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 2А. С. 33-45.
10. Морун Н. Статья: Международное наследование во Франции и России: содержание и влияние Регламента ЕС 650/2012 // Нотариус. 2013. № 6. С. 38-47.
11. Рузакова О.А. Интеграционные процессы в наследственном праве // Наследственное право. 2016. № 4. С. 5-8.
12. Dutta A. Successions and Wills in the Conflict of Laws on the Eve of Europeanisation // RabelZ Bd. 73. Mohr Siebeck. 2009.
13. Navrátilová M. Which court is competent to decide cross-border succession cases // Cross-border successions. The new Commission proposal: contents and way forward. Trier, 2010. 18-19 February. P. 5-6.
14. Regulation (EU) № 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession // Official Journal of the European Union L 201. 2012. 27 July.
15. Röthel A. Ist unser Erbrecht noch zeitgemäß? Gutachten A zum 68. Deutschen Juristentag // Verhandlungen des 68. Deutschen Juristentags. 2010. A17 f.
16. Załucki M. New Revolutionary European Regulation on Succession Matters. Key Issues and Doubts. URL: http://www.ssrn.com

Key novelties of Regulation (EU) No. 650/2012 (Rome IV) and possibility of their implementation in Eurasian Economic Union

Maksim A. Konaikov

expert at the Department of public and municipal procurement,
Moscow Metropolitan Governance University,
postgraduate,
Department of legal problems of international economic relations,
The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, 10 Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: maxesss@mail.ru

Abstract

The article examines the main novelties of Regulation No. 650/2012 of the European Parliament and the Council of the European Union regulating cross-border inheritance issues. The considered novelties of the regulation under study and the issues of cross-border inheritance have long been on the agenda in the European Union due to the strengthening of integration processes on its territory and the intensification of migration flows between the participating countries. These circumstances have already led to the development of a number of normative legal acts designed to harmonize the norms regulating various aspects of the daily life of citizens. One of these aspects is the issues related to the regulation of transboundary inheritance. The legislative work, which lasted for more than ten years, led to the development of a fundamentally new collision binding used in the consideration of cross-border hereditary cases, as well as the introduction of a single document on inheritance. Since the Russian Federation actively participates in the integration processes in the post-Soviet space, the experience of the European Union can be useful in the light of the growing integration processes within the framework of the Eurasian Economic Union. Therefore, the novelties elaborated by European legislators are investigated for the possibility of their use on the territory of the Eurasian Economic Union.

For citation

Konaikov M.A. (2017) Klyuchevye novelly Reglamenta № 650/2012 (“Rima IV”) i vozmozhnost' ikh primeneniya na territorii EAES [Key novelties of Regulation (EU) No. 650/2012 (Rome IV) and possibility of their implementation in Eurasian Economic Union]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 28-36

Keywords

"Rome IV", cross-border inheritance, European law, the EAEC, hereditary law.

References

1. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ [The Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001 No. 146-FZ] (2001). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation Legislation. Art. 4552], 49.
2. Dogovor o prisoedinenii Kyrgyzskoi Respubliki k Dogovoru o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze ot 29.05.2014 [Agreement on accession of the Kyrgyz Republic to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014] (2015). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation Legislation. Art. 5213], 38.
3. Dogovor o prisoedinenii Respubliki Armeniya k Dogovoru o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze ot 29.05.2014 [The Agreement on the Accession of the Republic of Armenia to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014] (2015). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation Legislation. Art. 1107], 8.
4. Konaikov M.A. (2017) Istoriya prinyatiya Reglamenta № 650/2012 ("Rima IV") [The history of the adoption of Regulation No. 650/2012 ("Rome IV")]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (2A), pp. 33-45.
5. Morun N. (2013) Mezhdunarodnoe nasledovanie vo Frantsii i Rossii: soderzhanie i vliyanie Reglamenta ES 650/2012 [International inheritance in France and Russia, the content and influence of the regalement of the EU 650/2012]. *Notarius* [Notary], 6, pp. 38-47.
6. Ruzakova O.A. (2016) Integratsionnye protsessy v nasledstvennom prave [Integration processes in succession law]. *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance law], 4, pp. 5-8.
7. Dutta A. (2009) Successions and wills in the conflict of laws on the eve of europeanisation. *The Rabel journal of comparative and international private law*, 73 (3), pp.547-606.
8. Navrátilová M. (2010) Which court is competent to decide cross-border succession cases. In: Cross-border successions. The new Commission proposal: contents and way forward. Trier, pp. 5-6.
9. Regulation (EU) № 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession (2012). *Official Journal of the European Union L 201*.
10. Röthel A. (2010) Ist unser Erbrecht noch zeitgemäß? Gutachten A zum 68. Deutschen Juristentag [Is our law of inheritance still contemporary? Expertise A on the 68th German Law Day]. *Verhandlungen des 68. Deutschen Juristentags* [Negotiations of the 68th German Law Day].

11. Załucki M. *New revolutionary European Regulation on succession matters. Key issues and doubts.* Available at: http://www.ssrn.com [Accessed 22/05/17].
12. *Grazhdanskii kodeks Respubliki Armeniya ot 05.05.1998* [The Civil Code of the Republic of Armenia of May 5, 1998]. Available at: http://www.parliament.am [Accessed 22/05/17].
13. *Grazhdanskii kodeks Respubliki Belarus' ot 07.12.1998 № 218-З* [The Civil Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998 No. 218-3]. Available at: http://www.pravo.by [Accessed 22/05/17].
14. *Grazhdanskii kodeks Respubliki Kazakhstan ot 01.07.1999 № 409-I (Osobennaya chast')* [The Civil Code of the Republic of Kazakhstan of July 1, 1999 No. 409-I (Special Part)]. Available at: http://www.online.zakon.kz [Accessed 22/05/17].
15. *Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze ot 29.05.2014* [Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014]. Available at: www.pravo.gov.ru [Accessed 22/05/17].
16. *Grazhdanskii kodeks Kyrgyzskoi Respubliki (chast' II) ot 05.01.1998 № 1* [The Civil Code of the Kyrgyz Republic (Part II) of January 5, 1998 No. 1]. Available at: http://www.cbd.minjust.gov.kg [Accessed 22/05/17].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.131

Поддержание баланса между интересами личности, общества и государства в контрактной системе

Кашулин Сергей Николаевич

Аспирант,

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,

655000, Российская Федерация, Респ. Хакасия, Абакан, просп. Ленина, 90;

e-mail: kash-nsk@mail.ru

Аннотация

Исходя из современного понимания дефиниций «баланс» применительно к правовому регулированию и «интересы» в значении законных интересов участников контрактной системы, сделан вывод о том, что принципы установления и поддержания баланса интересов личности, общества и государства в контрактной системе, хотя прямо и не содержатся в законодательстве о федеральной контрактной системе, но вытекают из духа и содержания конституционных и гражданско-правовых норм. Правовая позиция Конституционного Суда РФ состоит в признании обязанности государства поддерживать такой баланс разными средствами, включая и соразмерное целям ограничение прав, что полностью применимо к отношениям, складывающимся по поводу государственных/муниципальных закупок. Предложено внести в федеральный закон о ФКС принцип равенства участников контрактной системы, равно как и следующий из него принцип соблюдения баланса их законных интересов.

Для цитирования в научных исследованиях

Кашулин С.Н. Поддержание баланса между интересами личности, общества и государства в контрактной системе // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 37-49.

Ключевые слова

Государственный контракт, контрактная система, государственные (муниципальные) нужды, субъекты малого предпринимательства.

Введение

Современное конституционное право содержит конкурирующие принципы, обусловленные неизбежным наличием в любом обществе несогласованных, противоречивых, конфликтующих ценностей и интересов [Астафичев, 2014, 79]. Однако вопрос баланса интересов стоял, стоит и будет стоять перед законодателем и государством как в широком конституционно-правовом смысле, так и в узком – применительно к контрактной системе, где указанные противоречия проявляются наиболее отчетливо.

Принцип поддержания баланса интересов личности, общества и государства, лежит в основе федеральной контрактной системы. Профильный федеральный закон применяется, с одной стороны, для «обеспечения государственных и муниципальных нужд», а с другой – «обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений» (пункт 1, ст. 1 ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ).

В то же время, перечисляя принципы контрактной системы в сфере закупок (ст. 6), законодатель упустил принцип равенства участников соответствующих отношений, который и призван обеспечивать баланс интересов. Очевидно, что без реального равенства прав и возможностей всех сторон в сфере закупок такой баланс невозможен. Можно сказать о том, что в анализируемой сфере действует принцип равенства участников гражданского оборота (ст. 1 и 2 ГК РФ). Это так, но сфера государственных/муниципальных закупок долгое время критиковалась и критикуется сейчас именно за отсутствие равенства и, соответственно, нарушение баланса интересов. Помимо факторов коррупции авторы нередко указывают и на то, что в анализируемой сфере общественные и государственные нужды нередко подменяются ведомственными нуждами и то только после их включения в реестр расходных обязательств соответствующих бюджетов [Путин, 2014, 48]. В данном случае нарушается интерес государства.

Эта проблема не нова. Еще в 1923 году Ф.Э. Дзержинский отмечал, что «к великому несчастью нашей республики хозяйственники-коммунисты по вопросам калькуляции еще очень и очень неосведомлены и вместе с тем, ведомственны до крайности, т. е. в плену своих аппаратов и не имеют государственного подхода, видят только свою лавочку» [см. Халиулин, 2009, 38]. В современных условиях баланс интересов по-прежнему не сведен, в том числе и потому, что нужды и потребности общества декомпозируются бюджетной классификацией по функциональным направлениям деятельности (ФНД) органов власти и прямо не увязаны с ответственностью заказчиков и подрядчиков за конечные целевые эффекты, на которые рассчитывает налогоплательщик [Пискунов, 2011, 49].

Отсюда, система государственного заказа обеспечивает двойственную симметрию

интересов заказчиков и подрядчиков.

Контрактная система в совокупности принципов и законных интересов субъектов

Имеющийся в законодательстве набор принципов, на базе которых функционирует федеральный закон «О контрактной системе…» (далее – ФКС), как это ни парадоксально, но лишь частично направлен на обеспечение баланса интересов, упоминанием об обеспечении конкуренции (пункт 1, ст. 8). Показательно, что принципы открытости и прозрачности информации касаются не участников отношений и их намерений, а исключительно самой контрактной системы в сфере закупок. Закон постулирует принцип профессионализма заказчиков, но упускает принцип транспарентного профессионализма исполнителей.

Проблема поддержание баланса интересов в контрактной системе требует также и выяснения ключевого вопроса, конкретизации, о каких интересах идет речь? Если в условиях рыночной экономики ее субъекты имеют широкую совокупность интересов, то применительно к отношениям, складывающимся по поводу государственных/муниципальных закупок, речь может идти исключительно о законных интересах.

Здесь возникает проблема определения законного интереса личности в рассматриваемых отношениях. С одной стороны, учитывая нормы ст. 2, 7, 8 Конституции РФ, социальное правовое государство в отношениях любого вида ориентируется на защиту прав и законных интересов граждан, которые определяют смысл и применение законов. С другой стороны, граждане как физические лица за редким исключением (пункт 8 ст. 51 ФЗ о ФКС) не принимают участия в государственных/муниципальных закупках, в соответствии с пунктом 1 ст. 102 закона о ФКС они лишь вправе осуществлять за ними контроль. Однако и эта часть нормы практически не работает, так как закон регламентирует порядок осуществления такого контроля исключительно для общественных объединений (пункты 2-3 ст. 102 ФЗ о ФКС). Отсюда, вероятно, может следовать вывод о том, что в указанной сфере интересы всех субъектов, т. е. государства, общества и личности, обязаны соблюдать и отстаивать органы государственной власти, интересы общества – вправе отстаивать общественные объединения, включая объединения предпринимателей, в том числе участвующих в закупках, а интересы граждан вправе отстаивать они сами, реализуя право на общественный контроль.

Напомним, что речь идет исключительно о законных интересах. Для личности это, как правило, стремление к определенному благу, состоянию либо удовлетворение потребности, не запрещенной законом, не препятствующей реализации прав других лиц и корреспондирующей юридическую обязанность государства или определенных лиц содействовать этой реализации. Законный интерес общества, который принято называть общественным интересом, выражается в его общем стремлении к достижению определенного

блага, желаемого состояния либо максимально полного удовлетворения потребностей. Законным интересом государства, который принято именовать государственным интересом, следует считать совокупность регламентированных нормами Конституции и федерального законодательства потребностей личности и общества, реализация которых обеспечивается институтами государства во взаимодействии с гражданами и их объединениями. В связи с этим государственные интересы рассматриваются в литературе как часть общественных интересов, реализуемых в базовых сферах деятельности органов публичной власти.

При этом приоритетными интересами государства всегда считались защита суверенитета, территориальной целостности, обеспечение гарантий основных свобод, поддержание стабильности и т. п. [Горбунов, 2007, 9].

В идеальной модели законные интересы личности, общества и государства в сфере контрактных отношений совпадают. На практике они могут не совпадать с корпоративными и личными интересами исполнителей контракта (юридических лиц, поставщиков), а также узко с ведомственными и коррупционными личными интересами заказчиков (органов государственной власти). В данном случае речь идет о квазипубличных интересах, т. е. личных интересах государственных/муниципальных служащих, выдаваемых или маскируемых под публичный интерес. В случае реализации ведомственного (корпоративного) интереса личный интерес, как правило, присутствует, но прямо может не проявляться. Органы государственной власти (местного самоуправления), действуя от имени государства (местного сообщества), относительно легко создают видимость соблюдения публичного интереса при реализации квазипубличного.

Баланс частных и публичных интересов в сфере закупок

Применяя положения конституционно-правовой теории об установлении и поддержании баланса частных и публичных интересов применительно к сфере закупок обратим внимание на следующие положения:

а) ограничение законных интересов допустимо лишь на законных основаниях и должно быть адекватно, пропорционально и соразмерно конституционно признаваемым целям конкретных применяемых ограничений, т. е. соответствовать критерию справедливости, не иметь обратной силы, а также лимитировать пределы и применение базового содержания соответствующих конституционных норм;

б) даже когда конституционные нормы дают возможность законодателю вводить ограничения прав и законных интересов, такое регулирование не может посягать на само существо права либо законного интереса, а тем более приводить к его утрате;

в) допуская ограничения определенного права либо законного интереса, с учетом и для

реализации конституционно закрепленных целей, государство, поддерживая баланс конституционно декларируемых ценностей и интересов, вправе использовать лишь необходимые и прямо обусловленные меры.

Законные интересы, как правило, не гарантированы определенными нормами объективного права. Они обеспечиваются лишь их общим смыслом. Также законодательно не определены и полномочия органов государства, местного самоуправления и общественных объединений в сфере защиты законных интересов. Принимая во внимание, что категория законного интереса относительно слабо отражена в законодательстве, носитель такого интереса, как правило, должен доказывать его наличие взаимодействующим с ним субъектам общественных отношений и особенно – органам государства (местного самоуправления). Законный интерес прямо не обозначен в законе о ФКС, соответственно, сторона отношений, возникающих в данном случае (как правило, это претендент на исполнение или исполнитель государственного контракта) при возникновении спорной ситуации, должен доказать свой законный интерес в деле, принимая во внимание, что он не ограничивает столь же законных интересов других сторон. В условиях стимулируемой при государственных закупках конкуренции, это бывает сделать весьма затруднительно.

Так же, как и в случае реализации субъективных конституционных прав, реализация законного интереса идет через его осуществление (использование). При этом государство обязано содействовать реализации законных интересов граждан, общества, государства, применяя при этом и ограничения прав и свобод, соразмерные ценности законного интереса. К сожалению, действующее регулирование, не всегда позволяет сделать это корректно. Обратим внимание на ст. 10 закона о ФКС, где раскрывается принцип стимулирования инноваций. На первый взгляд, интерес государства и общества состоит во всемерном развитии инноваций. С другой стороны, закон ставит задачу государственному/муниципальному заказчику при планировании и осуществлении закупок «исходить из приоритета обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закупок инновационной и высокотехнологичной продукции». Обратим внимание, что подавляющая часть такого рода закупок приходится на сырье и материалы для реализации инфраструктурных проектов (песок, асфальт, гравий, строительные материалы, металл и т. п.), а также на продовольствие и импортное информационно-коммуникационное оборудование (компьютеры, оргтехнику, средства связи и т. п.). Ни одна из этих категорий не относится к сфере отечественных инноваций, но может быть «подогнана» под эту категорию. В связи с этим государственный заказчик, прежде всего, должен руководствоваться принципом *рациональности*, а не закупать «инновационный» песок по крайне завышенным ценам (Президент России приводит данные за последние пять лет, в соответствии с которыми щебень для государства подорожал на 46%,

песок – на 79,7%) [Путин, 2014, www].

Приобретение товара по ценам, существенно выше рыночных, как минимум, не логично для предпринимателя, преследующего частный интерес (исключая цены при осуществлении монополистической деятельности). С другой стороны, некоторое завышение цен допускается для обеспечения (значимых и для общества) интересов определенной категории производителей при реализации протекционистских мер, направленных на стимулирование отечественных отраслей и отдельных предприятий. Исходя из этого государственный контракт как элемент правового механизма социально-экономического управления, обладая регулятивной природой, выступает средством корректирующего воздействия государства на хозяйственную среду. Результатом такого воздействия становится, как правило, не только решение задач на микроэкономическом уровне, но и налаживание макроэкономического взаимодействия [Ванин, 2012, 13].

Понятие «баланс» в юридическом дискурсе

Определившись с пониманием интереса, обратим внимание на правовой смысл понятия «баланс». Принято считать, что это «равновесие» [Лопатин, Лопатина, 2004, 22] или «устойчивое состояние покоя тела, находящегося под воздействием равных или противоположно направленных сил [там же, 623]. В юридическом дискурсе это также «равновесие взаимосвязанных величин, находящихся в постоянном изменении» [Барихин, 2000, 35]. Аналогичное понимание предлагается и в другой справочно-энциклопедической литературе [Васюкова, 1998, 98]. С точки зрения конституционного права, баланс – это гарантированное законом справедливое (с учетом приоритетов) соотношение конституционно гарантированных прав и обязанностей сторон [Мальцев, 2007, 7]. Мы исходим из того, что базисом любого правового регулирования является идея справедливого баланса частных и публичных интересов. В то же время, как справедливо отмечается в новейших исследованиях, ни в одном действующем нормативном правовом акте нет определения этой категории, а, соответственно, нет и его сущностных характеристик, критериев определения. Именно поэтому, учитывая пробельность и коллизионность действующего законодательства, противоречивости взаимодействия с международным правом, растет число споров субъектов права [Симонова, 2017, 124].

Положения о необходимости баланса интересов личности, общества и государства, прямо следуя из содержания Конституции, не отражены в ней. В то же время, как указывает Н.В. Витрук, решения Конституционного суда содержат специальные правовые нормы, чья юридическая сила приравнивается к «юридической норме самой Конституции» [Витрук, 2001, 73]. Нами выявлено более 160 решений Конституционного Суда РФ, включая

31 постановление, где использована категория «баланс интересов сторон» в сфере разных правоотношений (по данным официального сайта КС РФ). Дефиниция «баланс интересов» используется еще чаще, почти в 650 решениях Конституционного Суда РФ (подсчитано автором по данным СПС «Консультант»). Конституционный суд Российской Федерации не случайно столь часто обращается к принципу баланса интересов. Это вытекает из системного анализа ст. 17, 19 и 55 Конституции России.

Суд принимает решение о восстановлении (поддержании) баланса частных и публичных интересов в рассматриваемых им в конкретном деле отношениях или о возможности обеспечения такого баланса через принятие соответствующего постановления либо корректировки действующего законодательства, всегда исходя из конкретных обстоятельств, изложенных заявителем. Таким образом, применительно к отношениям, складывающимся в сфере государственных/муниципальных контрактов, применима правовая позиция Конституционного суда РФ. На сегодня именно Конституционный Суд, определяя оптимальное соотношение конкурирующих интересов, становится гарантом реализации принципа транспаретности частных и публичных интересов, поддержания их баланса.

Потребность в балансе частных и публичных интересов насущна в сферах, где субъекты имеют конкурирующие интересы, в частности, контрактная сфера. Именно поэтому вопрос баланса имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение для правового регулирования этого института. Проблема дифференциации и балансировки конкурирующих интересов обостряется в условиях экономической нестабильности, дестабилизирующих (например, в связи с санкциями) договорные возможности сторон. В таких условиях поддержание баланса интересов становится главной задачей права.

В доктринальном плане баланс интересов представляется нормативно закрепленным особом состоянием – оптимальным режимом жизнедеятельности государства, общества и личности. Он выражается в точном учет и соблюдении пропорциональных соотношений законных интересов субъектов общества. Обеспечение баланса направлено на создание и поддержание условий для обеспечения реализации и защиты законных интересов на базе существующих и вводимых нормативных гарантий [21, 121]. Таким образом, оптимальное соотношение прав и обязанностей в контрактной системе, позволяющее учесть интересы всех ее участников, и есть состояние баланса или равновесия.

Отличительной чертой контрактной системы и заключаемых в ее рамках государственных контрактов является цель деятельности – удовлетворение публичных нужд. Данная особенность закреплена как в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 526), так и в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Как справедливо отмечает Е.Л. Барыбина, категория «государственные (муниципальные) нужды» претерпела существенные изменения с развитием и совершенствованием законодательства о государственных закупках [Барыбина, 2014, 39]. Многими исследователями контрактной системы высказывается суждение о необходимости легального определения государственных (муниципальных) нужд. Полагаем, что помимо всех доводов, которые приводятся исследователями, еще одним обоснованием необходимости закрепления данного понятия в законе является возможность с помощью законодательного закрепления «нужд» определить направленность контрактной системы, а также направленность интересов ее участников.

Государственное регулирование контрактной системы служит, по мнению Д.А. Машанова, «решению материально-правовых проблем, выраженных в угрозе удовлетворения публичного интереса при применении методов гражданско-правового регулирования при формулировании конкретной нормы договора и специального законодательства» [Машанова, 2017, 82]. Достижение этой цели контрактной системы состоит во включении исключительных для частного права условий. Например, цена государственного контракта должна быть твердой и определяться на весь срок исполнения контракта, за исключением определенных случаев, установленных законом.

Государство и общество заинтересованы в упорядочивании процедур подготовки, непосредственного заключения и исполнения договоров, заключаемых субъектами государственной власти. Соответственно, все это не может не влиять на личность, интересы которой также затрагиваются указанными процессами, пусть и опосредованно. Государство в сфере заключения контрактов проводит планирование и обоснование закупок, организует проведение торгов и выбор победителя по их итогам и заключает с ним государственный контракт в соответствующем порядке. Исполнение государственного контракта также может быть регламентировано и подчинено специальному порядку, с наличием определенных этапов исполнения и проверки исполнения контракта.

Заключение

Таким образом, принцип правового регулирования и обязанность государства установить и поддерживать баланс интересов личности, общества и государства в контрактной системе прямо не предусмотрен действующим законодательством. Однако он вытекает из духа и содержания норм Конституции России, ГК РФ и закреплен неоднократно выраженной правовой позицией Конституционного Суда РФ. В связи с этим полагаем целесообразным закрепить принцип равенства участников контрактной системы и принцип соблюдения баланса их законных интересов в федеральном законе о ФКС.

Библиография

1. Андреев В.К., Андреева Л.В. Меры стимулирования малого и среднего бизнеса в сфере государственных и корпоративных закупок // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 34-41.
2. Астафичев П.А. Баланс конкурирующих принципов, интересов и ценностей в конституционном праве России // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). С. 79-85.
3. Барихин А.Б. (сост.) Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2000. 792 с.
4. Барыбина Е.Л. Понятие «государственные (муниципальные) нужды» в предмете государственного контракта как средство самоорганизации гражданских правоотношений по поставке товаров для государственных и муниципальных нужд // Современное право. 2014. № 10. С. 79-83.
5. Ванин В.В. Государственный контракт как правовая форма отношений по удовлетворению публичных нужд // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2012. № 6. С. 12-15.
6. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. 640 с.
7. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.). Очерки теории и практики. М.: Городец-издат, 2001. 507 с.
8. Горбунов В.А. Категория законного интереса (личности, общества, государства) в конституционном законодательстве Российской Федерации: автореферат дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 26 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017): принят Гос. Думой 22.12.1995 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
10. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Эксмо, 2004. 928 с.
11. Мальцев В.А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18. С. 6-9.
12. Машанов Д.А. Цели административно-правового регулирования участия государства в договорных отношениях // Административное право и процесс. 2017. № 4. С. 80-84.
13. Мелехова А.Ю. О некоторых аспектах содержания административного договора // Административное право и процесс. 2011. № 4. С. 53-56.
14. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»: проект федер. закона: подготовлен Минэкономразвития России (не внесен в ГД ФС РФ, текст по

состоянию на 27.01.2016). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=155328#0

15. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 07.06.2017): принят Гос. Думой от 22.03.2013: одобрен Советом Федерации 27.03.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
16. Орлова О.Е. Об участии в закупках субъектов малого и среднего предпринимательства // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2016. № 5. С. 57-62.
17. Пискунов А.А. Федеральная контрактная система как инструмент развития // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2011. № 6. С. 48-57.
18. Путин В.В. Выступление на Президиуме Госсовета по вопросам совершенствования сети автодорог 8 октября 2014 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/46754
19. Симонова Е.С. Обеспечение баланса частных и публичных интересов путем конституционного судопроизводства // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3-8. С. 122-127.
20. Халиулин В.Е. Согласование интересов субъектов права как предпосылка формирования гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 228 с.

Maintaining a balance between the interests of the individual, society and state in the contract system

Sergei N. Kashulin

Postgraduate,

Katanov Khakass State University,

655000, 90 Lenina ave., Abakan, Republic of Khakassia, Russian Federation;

e-mail: kash-nsk@mail.ru

Abstract

Proceeding from the modern understanding of the definitions of “balance” in relation to legal regulation and “interests” in the meaning of legitimate interests of participants in the contract system, it is concluded that the principles of establishing and maintaining a balance of interests of the individual, society and state in the contract system, although not directly contained in the legislation on the federal contract system, but stem from the spirit and content of constitutional

and civil law norms. The legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation is to recognize the state's obligation to maintain such a balance by various means, including the restriction of rights proportional to its objectives, which is fully applicable to the relations emerging in relation to state / municipal purchases. The author proposes to introduce the principle of equality of participants in the contract system, as well as the principle of following the balance of their legitimate interests into the federal law on FCS.

For citation

Kashulin S.N. (2017) Podderzhanie balansa mezhdu interesami lichnosti, obshchestva i gosudarstva v kontraktnoi sisteme [Maintaining a balance between the interests of the individual, society and state in the contract system]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 37-49

Keywords

State contract, contract system, state (municipal) needs, small business entities.

References

1. Andreev V.K., Andreeva L.V. (2016) Mery stimulirovaniya malogo i srednego biznesa v sfere gosudarstvennykh i korporativnykh zakupok [Measures to stimulate small and medium business in the sphere of public and corporate procurement]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava* [Journal of entrepreneurship and corporate law], 2, pp. 34-41.
2. Astafichev P.A. (2014) Balans konkuriruyushchikh printsipov, interesov i tsennostei v konstitutsionnom prave Rossii [Balance of competing principles, interests and values in the constitutional law of Russia]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy. Sociology. Law], 30 (193), pp. 79-85.
3. Barikhin A.B. (2000) *Bol'shoi yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Large legal encyclopedic dictionary]. Moscow: Knizhnyi mir Publ.
4. Barybina E.L. (2014) Ponyatie "gosudarstvennye (munitsipal'nye) nuzhdy" v predmete gosudarstvennogo kontrakta kak sredstvo samoorganizatsii grazhdanskikh pravootnoshenii po postavke tovarov dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [The concept of "state (municipal) needs" in the subject of the state contract as a means of self-organization of civil relations for the delivery of goods for state and municipal needs]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 10, pp. 79-83.
5. Gorbunov V.A. (2007) Kategoriya zakonnogo interesa (lichnosti, obshchestva, gosudarstva) v konstitutsionnom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii: avtoreferat dis.

… kand. yurid. nauk [The category of legitimate interest (of a person, society, state) in the constitutional legislation of the Russian Federation. Doct. Diss. Abstract]. Tyumen.

6. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 28.03.2017): prinyat Gos. Dumoi 22.12.1995 [Civil Code of the Russian Federation (part two) of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on March 28, 2017): adopted by the State Duma on December 22, 1995] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation legislation. Art. 410], 5.
7. Khaliulin V.E. (2009) Soglasovanie interesov sub"ektov prava kak predposylka formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Harmonization of the interests of subjects of law as a prerequisite for the formation of civil society in the Russian Federation. Doct. Diss. Abstract]. Saratov.
8. Lopatin V.V., Lopatina L.E. (2004) *Russkii tolkovyi slovar'* [Russian explanatory dictionary]. Moscow: Eksmo Publ.
9. Mal'tsev V.A. (2007) Balans interesov v sfere obespecheniya bezopasnosti: ponyatie i mekhanizm gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya [Balance of interests in the field of security: the concept and mechanism of state regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 18, pp. 6-9.
10. Mashanov D.A. (2017) Tseli administrativno-pravovogo regulirovaniya uchastiya gosudarstva v dogovornykh otnosheniyakh [Objectives of administrative and legal regulation of state participation in contractual relations]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and procedure], 4, pp. 80-84.
11. Melekhova A.Yu. (2011) O nekotorykh aspektakh soderzhaniya administrativnogo dogovora [Some aspects of the content of the administrative contract]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and procedure], 4, pp. 53-56.
12. O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: feder. zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ (red. ot 07.06.2017): prinyat Gos. Dumoi ot 22.03.2013: odobren Sovetom Federatsii 27.03.2013 [On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services for provision of state and municipal needs: Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ (as amended on June 7, 2017): adopted by the State Duma of March 22, 2013: approved by the Federation Council on March 27, 2013] (2013). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation legislation. Art. 1652], 14.
13. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon “O zashchite konkurentsii”: proekt feder. zakona: podgotovlen Minekonomrazvitiya Rossii (ne vnesen v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 27.01.2016) [On the introduction of amendments to the Federal Law “On

protection of competition": the federal draft law: prepared by the Ministry of Economic Development of Russia (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of January 27, 2013)]. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=155328#0 [Accessed 3/05/17].

14. Orlova O.E. (2016) Ob uchastii v zakupkakh sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [On participation of small and medium-sized enterprises in procurement]. *Aktual'nye voprosy bukhgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya* [Actual issues of accounting and taxation], 5, pp. 57-62.
15. Piskunov A.A. (2011) Federal'naya kontraktnaya sistema kak instrument razvitiya [Federal contract system as a tool for development]. *Etap: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [Etap: economic theory, analysis, practice], 6, pp. 48-57.
16. *Putin V.V. Vystuplenie na Prezidiume Gossoveta po voprosam sovershenstvovaniya seti avtodorog 8 oktyabrya 2014 goda* [Putin V.V. Speech at the State Council Presidium on improving the road network on October 8, 2014]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/46754 [Accessed 3/05/17].
17. Simonova E.S. (2017) Obespechenie balansa chastnykh i publichnykh interesov putem konstitutsionnogo sudoproizvodstva [Ensuring the balance of private and public interests through constitutional litigation]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern trends in the development of science and technology], 3-8, pp. 122-127.
18. Vanin V.V. (2012) Gosudarstvennyi kontrakt kak pravovaya forma otnoshenii po udovletvoreniyu publichnykh nuzhd [State contract as a legal form of relations for the satisfaction of public needs]. *Biznes v zakone* [Business in law], 6, pp. 12-15.
19. Vasyukova I.A. (1998) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: AST-PRESS Publ.
20. Vitruk N.V. (2001) *Konstitutsionnoe pravosudie v Rossii (1991-2001 gg.). Ocherki teorii i praktiki* [Constitutional justice in Russia (1991-2001). Essays on theory and practice]. Moscow: Gorodets-izdat Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.07

К вопросу о природе правовых позиций высших судов России

Глоба Мария Викторовна

Аспирант,

Институт государства и права Российской академии наук,

119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;

e-mail: globamodel@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию сравнительно нового юридического феномена – правовых позиций высших судов России (судебных правовых позиций). Ведущая цель данной статьи – раскрытие правовой природы, специфических черт судебных правовых позиций. С этой целью анализируются доктринальные подходы ведущих теоретиков права к понятию правовой позиции высших судов России. Автор раскрывает признаки данного понятия, обосновывает свое понимание этого юридического феномена, отграничивая его от смежных правовых понятий. Судебная правовая позиция понимается автором как обладающая особой правовой природой и представляющая собой вырабатываемый в судебном процессе и подчиненный целям судопроизводства целесообразный результат деятельности высших судебных инстанций, основывающийся на языковых, логических и аргументационных средствах, направленный на конкретизацию действующего законодательства, вырабатывающий новые правовые положения в виде принципов права, правовых норм, юридических конструкций. Ведущая цель правовой позиции как самостоятельного и самобытного юридического явления – это формирование необходимых и достаточных правовых оснований для судебного решения. Особое юридическое значение судебной правовой позиции заключается в способности оказывать влияние на правовые позиции нижестоящих судов, которые обязаны учитывать их при разрешении схожих дел.

Для цитирования в научных исследованиях

Глоба М.В. К вопросу о природе правовых позиций высших судов России // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 50-67.

Ключевые слова

Правовая позиция, высшие суды России, правовая природа, норма права.

Введение

Деятельность высших судебных органов любого государства оказывает существенное влияние на развитие правовой системы. Далеко не секрет, что от правовых позиций высших судебных органов Российской Федерации напрямую зависит текущая судебная практика всех нижестоящих судов. Вместе с тем в правовой доктрине России до сих пор отсутствует общепризнанный подход к пониманию природы правовых позиций высших судов. Решение данного вопроса неразрывно связано не только с анализом законодательного регулирования и имеющихся доктринальных представлений, но и с исследованием фактически функций, осуществляемых правовыми позициями высших судов, их реального значения в правовой системе России.

«Правовая позиция» как терминологическая категория и ее нормативное закрепление

Изначально термин «правовая позиция» получил нормативное закрепление в ст. 73 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 №1-ФКЗ (далее – закон о Конституционном Суде РФ), согласно которой, при расхождении решения судей с ранее вынесенной правовой позицией дело передавалось на рассмотрение в пленарное заседание. Данное положение просуществовало до реформы структуры Конституционного Суда РФ, проведенной Федеральным конституционным законом от 03.11.2010 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Новая редакция закона о Конституционном Суде РФ (ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2010) установила, что ст. 73 утратила юридическую силу. Данное изменение было связано с тем, что было устранено разделение Конституционного Суда РФ на две палаты. Одновременно с этим, термин «правовая позиция» не нашел нормативного закрепления в Федеральном конституционном законе «О Верховном суде Российской Федерации» (ФКЗ от 05.02.2014 №3-ФКЗ) и Федеральном конституционном законе «О Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации».

Несмотря на это, интерес к правовым позициям высших судов России с течением времени вызывает все более пристальное внимание и научные споры среди теоретиков права [Анишина, 2000, 11-12; Баранов, Степанков, 2003; Барановский, Безруков, Калугин, 2007, 56-68; Видергольд, 2017. 252 с.; Власенко, Гринева, 2009; Ершов, 2013; Корнев, 2016; Лазарев, 2008; Кряжкова, 2006; Марченко, 2008; Шульга, 2016 и др.]. В течение нескольких лет в связи с ростом значения правовых позиций высших судов в российской правовой системе,

непроясненностью данного вопроса в законодательстве, в юридической литературе было высказано несколько точек зрения в отношении их правовой природы. Рассмотрим их.

Правовая позиция как акт применения права или интерпретационный акт

Позиция, согласно которой судебная правовая позиция представляет собой акт применения права или интерпретационный акт [Нерсесянц, 2000; Крылов, 1997; Петрушев, 2000, 107; Романова, 2001, 85 и др.]. Например, Б.С. Крылов указывает, что «суду не принадлежит право даже опосредованно вводить новые правовые нормы» [Крылов, 1997, 44]. В.С. Нерсесянц подчеркивал, что акт нормативного судебного толкования есть норма предписываемого понимания уже существующей нормы права, а не новая норма права [Нерсесянц, Общая теория..., 2000, 500].

Рассматривая данную доктринальную позицию, нельзя не отметить следующее. Во-первых, академик В.С. Нерсесянц не отрицает нормативное значение судебного толкования, содержащегося в правовой позиции, но утверждает, что оно не создает нового нормативного содержания. Однако, учитывая общеобязательный характер такого судебного толкования, невозможно отрицать, что нижестоящие суды обязаны исходить из него в своей практике, то есть фактически истолкованная норма права начинает действовать в неразрывном единстве с нормативном толкованием, которое дали ей высшие суды. Иными словами, истолкованная норма права не действует сама по себе, а только в том значении, которое придало ей нормативное толкование высших судов. На наш взгляд, это означает, что фактически судьи высших судов, давая нормативное толкование имеющихся норм права, *фактически выполняют нормотворческую функцию*. В подтверждение нашей позиции можно привести слова известного английского судьи лорда Диплока (Diplock), который отмечал: «Но кто бы ни имел власть объяснить в последнем счете, что Парламент имел в виду под словами, которые он употребил, он творит право так, как если бы данное им объяснение содержалось в новом акте Парламента» [цит. по: Барак, 1999, 139]. Т. Экхофф (Eckhoff) сходным образом указывал: «Закон должен быть интерпретирован судьей, и сама такая интерпретация есть нормотворческая деятельность, которая производит в социальном контексте значительно большее действие, чем абстрактный язык законодательной власти» [цит. по: Боботов, 1989, 129].

Помимо этого нельзя не отметить, что среди представителей науки конституционного права достаточно широко распространена точка зрения, согласно которой постановления Конституционного Суда РФ могут не только лишать юридической силы правовые нормы, противоречащие Конституции РФ, но и обладать позитивным юридическим содержанием, создавая новые юридические положения, обладающие общеобязательным характером. С этой

позиции нет оснований утверждать, что постановления КС РФ в принципе не могут создавать новое нормативно-правовое содержание, поскольку практика КС РФ дает вполне ясные примеры того, когда постановления КС РФ действительно дополняли действующее нормативное правовое регулирование новыми правовыми положениями. В.С. Нерсесянц также утверждал, что судебное решение не может обладать нормативным характером в правовом государстве, в силу того, что это неизбежно влечет нарушение принципа разделения властей [Нерсесянц, 1997; Нерсесянц, У российских судов…, 2000, 107-112].

На наш взгляд, с данной позицией нельзя согласиться в виду следующего. Как известно, первой страной, положившей в основу своей конституции принцип разделения властей, выступают Соединенные Штаты Америки. Тем не менее нельзя забывать, что именно в США судьи уже несколько столетий фактически создают прецедентные нормы права и традиционно считаются творцами права.

Вместе с тем нельзя не отметить, что правовые позиции высших судов и правоприменительные акты имеют ряд общих признаков. Во-первых, акт применения права – это официальное решение компетентного органа, содержащее государственно-властное веление. Аналогичным образом, правовая позиция, содержащаяся в решении того или иного высшего суда, носит официальный характер, в силу статуса судов в правовой системе России. Во-вторых, и правовые позиции высших судов, и акты применения права неразрывно связаны с деятельностью правоприменительных органов, с действующей юридической практикой. В-третьих, и правовые позиции высших судов, и акты применения права создаются на основе действующих правовых норм, предполагают существование исходных правовых норм и принципов.

На наш взгляд, правовые позиции высших судов России имеют ряд отличительных качеств, не позволяющих отнести их к актам применения права:

а) содержание правоприменительного акта носит адресный, персонифицированный характер, не содержит в себе каких-либо общих правил поведения, может лишь конкретизировать нормы права, и нацелен на индивидуальное регулирование общественных отношений. В нем строго индивидуализируются (персонифицируются) субъективные права и юридические обязанности конкретных лиц в зависимости от определенной жизненной ситуации. Правовая позиция высшего суда России, напротив, всегда представляет собой общее правило поведения, обязательное для всех субъектов права. Правовая позиция рассчитана на многократное применение в аналогичных делах в будущем, что подтверждает существование отказных определений КС РФ, в которых он отсылает заявителей к уже имеющейся правовой позиции;

б) акт применения права всегда создается в рамках рассмотрения конкретного дела. Правовая позиция высшего суда России может быть создана как в рамках конкретного дела, так и в абстрактном ключе, безотносительно определенной ситуации. Так, постановления пленумов Верховного Суда РФ, бывшего Высшего Арбитражного Суда РФ содержат правовые позиции, которые были созданы в результате обобщения судебной практики;

в) акт применения права направлен на реализацию требований юридических норм, так как конкретизирует общие предписания норм права применительно к определенным ситуациям и лицам. Правовая позиция, может не только уточнять содержание той или иной нормы права, но и создавать новое правовое положение, которое в будущем может подлежать закреплению на законодательном уровне;

г) как известно, акт применения права может быть выражен в письменной и устной форме, а также в форме конклюдентных действий. Правовая позиция, выступающая составной частью решения суда, может быть выражена исключительно в письменном виде.

Правовые позиции высших судебных инстанций как правовые нормы

Ряд авторов отождествляет правовые позиции высших судебных инстанций с правовыми нормами [Жуйков, 1997, 189; Ржевский, Чепурнова, 1998, 92-94; Кокотов, 2003, 178-187; Марченко, 2000, 18; Савицкий, 1997, 21-22 и др.]. Так, судья Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотов указывает, что правовые позиции связываются с конкретными правоприменительными случаями, но имея общий характер, для иных подобных случаев приобретают качество норм права [Кокотов, 2003, 178-187].

Для ответа на вопрос об идентичности правовой природы нормы права и правовой позиции высшего суда, необходимо обратиться к основным признакам данных правовых понятий, которые имеют ряд существенных отличий, не позволяющих говорить об их тождественности.

а) В отличие от нормы права, которая обладает формальной определенностью, то есть имеет четкое словесное выражение, правовая позиция высшего суда РФ не сформулирована с той степенью определенности, что и норма права.

б) В силу того, что правовая норма излагается в абстрактном ключе, она не связана с обстоятельствами определенного дела, носит общий характер. Как уже указывалось выше, правовая позиция высшего суда, может быть тесно связана с фактами конкретного дела, а может быть создана в абстрактном ключе.

в) В ситуации, когда суд имеет место с нормой права, которая относится к делу и подлежит

применению, суд не может ее проигнорировать по своему усмотрению. Если же мы говорим о правовых позициях, то в истории нашей страны известен ряд случаев, когда высшие суды не просто отклонялись от ранее вынесенных правовых позиций, а изменяли их на противоположные. В апреле 2013 года Пленум Верховного Суда изменил свою правовую позицию и внес изменения в Постановление от 31.10.1995, исключив право судов отказаться от применения закона, который они сочтут неконституционным (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.04.2013 № 9). Верховный Суд РФ указал, что в случае возникновения ситуации неопределенности в конституционности той или иной нормы, подлежащей применению в конкретном деле, суд должен обратиться с соответствующим запросом в Конституционный Суд РФ, причем вправе это сделать на любой стадии рассмотрения дела.

И правовая позиция высших судов, и норма права имеют признак общеобязательности. Как уже указывалось ранее, правовая позиция обязательна не только для сторон процесса, но и для всех субъектов права. Правовая норма характеризуется гарантированностью со стороны государства, что в той или иной степени характерно для правовых позиций высших судов России. Согласно ст. 6 закона о Конституционном Суде РФ решения суда Конституционного Суда РФ являются обязательными для исполнения на всей территории России для всех законодательных (представительных), исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Следовательно, правовые позиции, являющиеся составной частью решения Конституционного Суда РФ, обладают тем же качеством. На обязательность своих правовых позиций неоднократно указывал Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный суд РФ. Однако существенные различия, приведенные выше, не дают возможности говорить об их полной идентичности и, следовательно, об общей правовой природе.

Судебные правовые позиции как судебный прецедент

Ряд авторов отождествляет судебные правовые позиции с судебным прецедентом (Н.Л. Гранат и В.В. Лазарев, Б.С. Эбзеев, Г.А. Гаджиев, В.О. Елеонский и др.) [Лазарев, 1996, 141; Гаджиев, Пепеляев, 1998, 55-67]. Следует отметить, в современной доктрине различаются понятия «правовая позиция» и «решение суда». В данном случае не различаются правовое содержание и правовая форма: решение суда относится к форме, а правовая позиция – к содержанию. Аналогичным образом судебный прецедент характеризует правовую форму, *ratio decidendi* правовое содержание. По этой причине правильнее сопоставлять правовые

позиции высших судов с *ratio decidendi* прецедентов.

Несмотря на то, что правовые позиции высших судов России близки по своей природе к *ratio decidendi* прецедентов, тем не менее мы не можем говорить об их идентичной правовой природе по следующим обстоятельствам, которые не представляется возможным игнорировать.

а) В английской правовой системе определение и применение того или иного *ratio decidendi* судебного прецедента в конкретном деле является первоначальным и обязательным шагом, необходимым для вынесения решения судом. Напротив, мы не можем с уверенностью говорить о том, что судья российского суда в первую очередь обращается к вопросу о наличии или отсутствии правовой позиции высшего суда России. Более того, использование судьей той или иной правовой позиции высшего суда в правовой системе России носит, как правило, дополнительный характер к правовой норме, регулирующей ту или иную сферу общественных отношений.

б) По юридической силе любое решение английского суда принято делить на две части – *ratio decidendi* (обязательная часть судебного решения) и *obiter dictum* (рекомендательная, убеждающая часть судебного решения). Английский судья для определения обязательной и рекомендательной части судебного решения обращается к правовой доктрине, а именно к методам проф. Уэмбо (конец XIX века) и доктора Гудхарта (начало XX века) [см. Кросс, 1985, 68-73]. Юридическое образование в английской правовой системе призвано научить правильному различению *ratio decidendi* и *obiter dictum*. Решения высших судов России не позволяют четко выделить две части судебного решения, на сегодняшний день не существует никаких разработанных в доктрине методов по установлению правовой позиции. Для юридического образования в России, напротив, не свойственно обучение выявлению правовой позиции высшего суда, определению в судебном решении «попутно сказанного» и правильному применению той или иной правовой позиции к конкретному делу.

в) В английской правовой системе *ratio decidendi* судебного прецедента всегда тесно связано с фактами конкретного дела (казуистично). Правовая позиция высших судов России может быть изложена в абстрактном ключе, без связи с конкретным делом.

г) В английской правовой системе *ratio decidendi* судебного прецедента является обязательным, в том числе для суда, создавшего его. Судья в данном случае связан с *ratio decidendi* того или иного судебного прецедента. Правовые позиции высших судов России, в редких случаях, как показывает практика, могут изменяться в зависимости от разных факторов, например, политической установки.

Таким образом, правовые позиции высших судов РФ имеют ряд существенных отличительных качеств, не позволяющих говорить об их абсолютном сходстве ни с одним из указанных выше правовых явлений, что обусловлено целями, функциями и местом высших судов в правовой системе России.

Правовая позиция высших судов России в характерных признаках

Анализ имеющейся литературы позволяет автору сделать вывод, что судебная правовая позиция характеризуется следующими признаками:

а) правовая позиция высших судов вырабатывается в судебном процессе, подчинена целям судопроизводства. При этом правовая позиция может вырабатываться как в абстрактном ключе для разрешения множества однопорядковых дел в будущем и быть обусловленной конкретными юридическими вопросами, стоящими перед судом в определенном деле, так и нет. В первом смысле правовая позиция носит более определенный и детализированный характер в сравнении с нормами права и неразрывно связана с конкретной правовой ситуацией. Во втором правовая позиция, напротив, носит общий характер, представляя собой результат анализа и обобщения судебной практики;

б) правовые позиции высших судов России подчинены единой цели. Ведущая цель правовой позиции как самостоятельного и самобытного юридического явления – это формирование необходимых и достаточных правовых оснований для конечных выводов суда, содержащихся в резолютивной части судебного решения. Иными словами, содержание судебной правовой позиции подчинено задаче обоснования с позиции целей, ценностей, принципов и норм права, выводов суда, обусловливающих резолютивную часть его решения;

в) по субъекту своего создания правовые позиции высших судов России носят профессиональный характер. Они вырабатываются профессиональными юристами, занимающиеся юридической практикой на профессиональной основе, владеющими материалом догмы права (юридическими конструкциями, нормами, принципами права и др.) и обладающие специальными познаниями в правовой доктрине (специально-юридические учения о нормах права, субъектах права, правовых отношениях, юридических фактах, юридической ответственности и т. п.). Именно поэтому язык, на котором излагается судебная правовая позиция, носит специализированный характер и сочетает в себе элементы догмы и доктрины права. Соответственно, в содержании судебной правовой позиции необходимо выделять внешний и внутренний уровень. Внешний уровень представляет собой словесно документальное изложение мнение

суда по определенному вопросу. Здесь используются термины профессионального языка юристов. Внутренний уровень правовой позиции характеризует специально-юридическое содержание и состоит из создаваемых в процессе толкования, конкретизации и развития правовых норм в соответствии с юридическими фактами дела правил, принципов, конструкций;

г) образующими источниками правовых позиций высших судов России выступают: во-первых, юридические факты, фактические составы; во-вторых, принципы, нормы действующего позитивного права, относящиеся к данной правовой ситуации; в-третьих, профессиональное правосознание и правовая культура судей, представляющие собой, складывающееся в процессе юридического образования и практики осмысление действующего права, формирующее правовые ценности, убеждения, представления об обоснованном и справедливом разрешении различных категорий юридических дел. Данные виды источников обусловливают конкретное содержание правовых позиций, при этом степень их воздействия на содержание конкретной позиции определяется особенностями определенного судебного дела, местом судебного органа в иерархии судебной системы, степенью детализации правового регулирования определенной сферы общественных отношений;

д) поскольку правовые позиции высших судов России подчинены целям судебного процесса и обусловлены тремя вышеуказанными источниками, в содержании такой правовой позиции следует выделять: во-первых, позитивно-правовые элементы, которые являются исходным юридическим «материалом»; во-вторых, интерпретационные элементы, получаемые в результате толкования позитивно-правовых элементов; в-третьих, оценочные элементы, в которых дается юридическая оценка фактов дела с позиции действующего права, а также оценка аргументационных позиций сторон; в-четвертых, «аргументационные» элементы – способы и средства, обосновывающие мнение судей по существенным для разрешения дела правовым вопросам; в-пятых, «резолютивные» элементы – правовые положения, выступающие непосредственным основанием конечного решения или выводов определенного судьи, оставшегося в меньшинстве;

е) правовые позиции высших судов России носят официальный характер, который обусловлен особым статусом субъекта, создающего правовые позиции. И суд как орган государственной власти, и судья как должностное лицо, осуществляющее от имени государства определенные функции, наделены особыми полномочиями по разрешению подсудных им дел. Помимо этого, судебные правовые позиции находят закрепление в официальных правовых документах – судебных решениях. Тем самым

судебные правовые позиции являются проявлением судебной власти, реализацией официально делегированных государством полномочий. Судебные правовые позиции как часть судебного решения высших судов подлежат официальному опубликованию в утвержденных законодательством изданиях;

ж) особое юридическое значение. Правовые позиции высших судов России, выражающие общее мнение суда, обусловливают конечные выводы решения по делу и тем самым определяют субъективные права и юридические обязанности адресатов судебного решения. Правовые позиции, содержащиеся в особых мнениях судей, хотя и не имеют непосредственного регулятивного значения, но могут оказывать непосредственное влияние на изменение позиции суда в будущем, оказывают влияние на общеправовую и отраслевую доктрину, на формирование позиции авторов законопроектов по соответствующим правовым вопросам. Особое юридическое значение судебной правовой позиции заключается в том, что они оказывают влияние на правовые позиции нижестоящих судов при разрешении аналогичных дел и обязаны учитываться при разрешении схожих дел судом, сформировавшим такую правовую позицию. Помимо отмеченного, важным аспектом юридического значения судебных правовых позиций является то, что они способствуют формированию единообразия судебной практики;

з) средствами, при помощи которых формируется содержание правовой позиции того или иного высшего суда России, выступают языковые, логические и аргументационные средства. Как правило, при формировании правовой позиции используется профессиональная юридическая терминология, учитываются правила правоприменительной юридической техники. Судьи в силу необходимости рациональности и обоснованности правовой позиции должны опираться на законы и операции формальной логики. Среди аргументационных средств следует выделить: заключение по аналогии, заключение от противного, доведение до абсурда, дедуктивные и индуктивные заключения, ссылки на устоявшиеся в правовой доктрине принципы, ценности, и др.;

и) формами выражения правовых позиций высших судов России могут выступать отдельные судебные решения, система решений по аналогичным делам, постановления пленумов высших судов, обзоры высших судебных инстанций, информационные письма высших судов, письма председателей высших судебных инстанций [Власенко, 2014, 115; Власенко, Гринева, 2009, 43-52].

Заключение

По нашему мнению, судебная правовая позиция обладает особой правовой природой и представляет собой вырабатываемый в судебном процессе и подчиненный целям судопроизводства целесообразный результат деятельности высших судебных инстанций. Она основана на языковых, логических и аргументационных средствах и направлена на конкретизацию действующего законодательства, вырабатывает новые правовые положения в виде принципов права, правовых норм, юридических конструкций.

Библиография

1. Анишина В.И. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 11-12.
2. Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. 367 с.
3. Баранов В.М., Степанков В.Г. Правовая позиция как общетеоретический феномен. Н. Новгород, 2003. 129 с.
4. Барановский К.В., Безруков А.В., Калугин А.Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на уголовно-процессуальное законодательство и практику // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 56-68.
5. Боботов С.В. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. М.: Наука, 1989. 253 с.
6. Видергольд А.И. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 252 с.
7. Власенко В.Н., Гринева А.В. Судебные правовые позиции (основы теории). М.: Юриспруденция, 2009. 168 с.
8. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М.: Инфра-М, 2014. 157 с.
9. Гаджиев Г.А., Пепеляев С.Г. Предприниматель-налогоплательщик-государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. М.: ФБК-Пресс, 1998. 592 с.
10. Гусева Т.А. Значение судебных актов Конституционного Суда РФ // Ваш налоговый адвокат. 2008. № 5. С. 18-25.
11. Ершов В.В. Правовая природа правовых позиций суда // Российское правосудие. 2013. № 6. С. 37-47.
12. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М.: Городец, 1997. 320 с.
13. Кокотов А.Н. Решения конституционных (уставных) судов как источники права //

Конституционная юстиция в Российской Федерации. Екатеринбург, 2003. С. 178-187.

14. Корнев А.В. Разъяснения высших судов по вопросам судебной практики как форма судебного правотворчества в России: дис. ... канд. юрид. наук, Москва, 2016. 198 с.
15. Кросс Р. Прецедент в английском праве. М.: Юридическая литература, 1985. 238 с.
16. Крылов Б.С. О некоторых решениях Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 2. С. 42-45.
17. Крылов Б.С. О некоторых решениях Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 2. С. 43-46.
18. Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: теоретические основы и практика реализации судами России. М.: Формула права, 2006. 152 с.
19. Лазарев В.В. (ред.) Теория права и государства. М.: Юристъ, 1996. 472 с.
20. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ. М.: Формула права, 2008. 688 с.
21. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2008. 512 с.
22. Марченко М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 15-18.
23. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Инфра-М, 2000. 272 с.
24. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. М.: ИГиП РАН, 1997. С. 44-49.
25. Нерсесянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М.: Юристъ, 2000. С. 107-112.
26. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. конституционный закон от 03.11.2010 № 7-ФКЗ: принят Гос. Думой 22.10.2010: одобрен Советом Федерации 27.10.2010 // Российская газета. 2010. № 253.
27. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 №4-ФКЗ: принят Гос. Думой 24.01.2014: одобрен Советом Федерации 29.01.2014 // Российская газета. 2014. № 27.
28. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ: принят Гос. Думой 24.06.1994: одобрен Советом Федерации 12.07.1994 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13.
29. Петрушев В.А. Юридическая природа актов судебного толкования права // Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 53-54.

30. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан»: постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П // Российская газета. 2005. № 294.
31. По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края, от 01.02.1996 № 3-П по делу о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного Закона Читинской области: постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П // Российская газета. 1996. № 20.
32. Портнова Е.В. Правовая природа и пределы формирования правовых позиций конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 35-40.
33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.04.2013 № 9 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»» // Российская газета. 2013.
34. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М.: Юристъ, 1998. 216 с.
35. Романова О.В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 7. С. 85-89.
36. Савицкий В.А., Терюкава Е.Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 21-22.
37. Фархтдинов Я.В. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 375 с.
38. Шульга И.В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 207 с.

On the nature of the legal positions of the highest courts of Russia

Mariya V. Globa

Postgraduate,

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,

119019, 10 Znamenka str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: globamodel@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of a relatively new legal phenomenon - the legal positions of Russia's highest courts (judicial legal positions). The main goal of the study is the disclosure of the legal nature, specific features of judicial legal positions. For this purpose, the doctrinal approaches of leading law theorists to the notion of the legal position of the highest courts of Russia are analyzed. The author reveals the features of this concept, substantiates her understanding of this legal phenomenon, delimiting it from related legal concepts. The judicial legal position is understood by the author as having a special legal nature and representing the expedient result of the activity of the highest courts, based on linguistic, logical and argumentative means, developed in the judicial process and subordinated to the purposes of legal proceedings, aimed at concretizing the existing legislation, developing new legal provisions in the form of principles of law, legal norms, legal constructions. The leading goal of the legal position as an independent and distinctive judicial phenomenon is the formation of necessary and sufficient legal grounds for judicial decision. The special legal significance of the judicial legal position is the ability to influence the legal positions of lower courts, which are obliged to take them into account when resolving similar cases.

For citation

Globa M.V. (2017) K voprosu o prirode pravovykh pozitsii vysshikh sudov Rossii [On the nature of the legal positions of the highest courts of Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 50-67

Keywords

The legal position, the highest courts of Russia, the legal nature, the rule of law.

References

1. Anishina V.I. (2000) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii [Legal positions of the Constitutional Court of Russia]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justitia], 7, pp. 11-12.
2. Barak A. (1999) *Sudeiskoe usmotrenie* [Judicial discretion]. Moscow: Norma Publ.
3. Baranov V.M., Stepankov V.G. (2003) *Pravovaya pozitsiya kak obshcheteoreticheskii fenomen* [Legal position as a general theoretical phenomenon]. N. Novgorod.
4. Baranovskii K.V., Bezrukov A.V., Kalugin A.G. (2007) Vliyanie pravovykh pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF na ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo i praktiku [Influence of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the criminal procedure

legislation and practice]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 11, pp. 56-68.

5. Bobotov S.V. (1989) *Burzhuaznaya yustitsiya. Sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Bourgeois justice. Status and prospects of development]. Moscow: Nauka Publ.
6. Cross R., Harris J.W. (1991) *Precedent in English law*. Clarendon Press. (Russ.: Kross R. (1998) *Pretsedent v angliiskom prave*. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.).
7. Ershov V.V. (2013) Pravovaya priroda pravovykh pozitsii suda [Legal nature of legal views of court]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian justice], 6, pp. 37-47.
8. Farkhtdinov Ya.V. (2002) *Istochniki grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossiiskoi Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Sources of civil procedural law of the Russian Federation. Doct. Diss.]. Yekaterinburg.
9. Gadzhiev G.A., Pepelyaev S.G. (1998) *Predprinimatel'-nalogoplatel'shchik-gosudarstvo. Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [The entrepreneur-taxpayer-state. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow: FBK-Press Publ.
10. Guseva T.A. (2008) Znachenie sudebnykh aktov Konstitutsionnogo Suda RF [The significance of judicial acts of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Vash nalogovyi advokat* [Your tax attorney], 5, pp. 18-25.
11. Kokotov A.N. (2003) Resheniya konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov kak istochniki prava [Decisions of constitutional (statutory) courts as sources of law]. In: *Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional justice in the Russian Federation]. Yekaterinburg, pp. 178-187.
12. Kornev A.V. (2016) Raz"yasneniya vysshikh sudov po voprosam sudebnoi praktiki kak forma sudebnogo pravotvorchestva v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk [Clarification of superior courts on judicial practice as a form of judicial lawmaking in Russia. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
13. Kryazhkova O.N. (2006) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF: teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii sudami Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: theoretical bases and practice of realization by courts of Russia]. Moscow: Formula prava Publ.
14. Krylov B.S. (1997) O nekotorykh resheniyakh Konstitutsionnogo Suda RF [On some decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 2, pp. 42-45.
15. Lazarev L.V. (2008) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF* [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow: Formula prava Publ.
16. Lazarev V.V. (ed.) (1996) *Teoriya prava i gosudarstva* [Theory of law and state]. Moscow: Yurist" Publ.
17. Marchenko M.N. (2000) Yavlyaetsya li sudebnaya praktika istochnikom rossiiskogo prava? [May

the practice of courts be treated as a source of Russian law?]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 12, pp. 11-21.

18. Marchenko M.N. (2008) *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe pravo* [Judicial lawmaking and judicial law]. Moscow: Prospekt Publ.
19. Nersesyants V.S. (1997) Sud ne zakonodatel'stvuet i ne upravlyaet, a primenyaet pravo (O pravoprimenitel'noi prirode sudebnykh aktov) [The court does not legislate or rule, but applies the law (On the law enforcement nature of judicial acts)]. In: *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, pp. 44-49.
20. Nersesyants V.S. (2000) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state]. Moscow: Infra-M Publ.
21. Nersesyants V.S. (2000) U rossiiskikh sudov net pravotvorcheskikh polnomochii [Russian courts do not have legislative powers]. In: *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. Moscow: Yurist" Publ., pp. 107-112.
22. O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii: feder. konstitutsionnyi zakon ot 21.07.1994 №1-FKZ: prinyat Gos. Dumoi 24.06.1994: odobren Sovetom Federatsii 12.07.1994 [On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal constitutional law of July 21, 1994 No. 1-FKZ: adopted by the State Duma on June 24, 1994: approved by the Federation Council on July 12, 1994] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation legislation], 13.
23. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi konstitutsionnyi zakon "O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii": feder. konstitutsionnyi zakon ot 03.11.2010 № 7-FKZ: prinyat Gos. Dumoi 22.10.2010: odobren Sovetom Federatsii 27.10.2010 [On amending the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": Federal constitutional law of November 3, 2010 No. 7-FKZ: adopted by the State Duma on October 22, 2010: approved by the Federation Council on October 27, 2010] (2010). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 253.
24. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi konstitutsionnyi zakon "O sudebnoi sisteme Rossiiskoi Federatsii" Federal'nyi konstitutsionnyi zakon ot 05.02.2014 №4-FKZ: prinyat Gos. Dumoi 24.01.2014: odobren Sovetom Federatsii 29.01.2014 [On amending the Federal Constitutional Law "On the judicial system of the Russian Federation" Federal Constitutional Law of February 5, 2014 No. 4-FKZ: adopted by the State Duma on January 24, 2014: approved by the Federation Council on January 29, 2014] (2014). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 27.
25. Petrushev V.A. (2000) Yuridicheskaya priroda aktov sudebnogo tolkovaniya prava [The legal nature of acts of judicial interpretation of law]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* [Academic law journal], 1, pp. 53-54.
26. Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozhenii Federal'nogo zakona "Ob obshchikh

printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhalobami ryada grazhdan": postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21.12.2005 № 13-P [On the case of the verification of the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation in connection with the complaints of a number of citizens": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of December 21, 2005] (2005). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 294.

27. Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozhenii Ustava (Osnovnogo Zakona) Altaiskogo kraya, ot 01.02.1996 № 3-P po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozhenii Ustava – Osnovnogo Zakona Chitinskoi oblasti: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 18.01.1996 № 2-P [On the case on the verification of the constitutionality of a number of provisions of the Charter (Basic Law) of the Altai Territory, as of February 1, 1996 No. 3-P on the case of verification of the constitutionality of a number of provisions of the Charter - the Basic Law of the Chita Region: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 18, 1996 No. 2-P] (1996). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 20.
28. Portnova E.V. (2017) Pravovaya priroda i predely formirovaniya pravovykh pozitsii konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [The legal nature and the formation limits of the legal propositions (ratio decidendi) of the constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 4, pp. 35-40.
29. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 16.04.2013 № 9 "O vnesenii izmenenii v postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 31.10.1995 № 8 "O nekotorykh voprosakh primeneniya sudami Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii pri osushchestvlenii pravosudiya" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 16, 2013 No. 9 "On amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 1995 No. 8 "On certain issues of application of the Constitution of the Russian Federation by the courts in the administration of justice"] (2013). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper].
30. Romanova O.V. (2001) K voprosu o ponyatii i pravovoi prirode pravovykh pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF [On the question of notion and legal nature of juridical positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 7, pp. 85-89.
31. Rzhevskii V.A., Chepurnova N.M. (1998) Sudebnaya vlast' v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionnye osnovy organizatsii i deyatel'nosti [Judicial power in the Russian Federation:

constitutional foundations of organization and activities]. Moscow: Yurist" Publ.

32. Savitskii V.A., Teryukava E.Yu. (1997) Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii kak istochnik konstitutsionnogo prava Rossiiskoi Federatsii [Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as the source of the constitutional law of the Russian Federation]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 3, pp. 21-22.
33. Shul'ga I.V. (2016) *Ponyatie i vidy pravovykh pozitsii Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: voprosy teorii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Concept and types of legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation: theory issues. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
34. Vidergol'd A.I. (2017) Pravovye pozitsii Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii i ikh proyavlenie v ugolovnom sudoproizvodstve (teoreticheskie i prakticheskie aspekty): dis. ... kand. yurid. nauk [Legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and their manifestation in criminal proceedings (theoretical and practical aspects). Doct. Diss. Abstract]. Yekaterinburg.
35. Vlasenko N.A. (2014) *Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii* [Reasonableness and certainty in legal regulation]. Moscow: Infra-M Publ.
36. Vlasenko V.N., Grineva A.V. (2009) *Sudebnye pravovye pozitsii (osnovy teorii)* [Judicial legal positions (the basis of the theory)]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.
37. Zhuikov V.M. (1997) *Sudebnaya zashchita prav grazhdan i yuridicheskikh lits* [Judicial protection of the rights of citizens and legal entities]. Moscow: Gorodets Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.722

К вопросу правового механизма регулирования исполнения судебных решений: определение понятия

Савостьянов Сергей Владимирович

Судья Перовского районного суда г. Москвы, аспирант,

Московский гуманитарный университет,

111395, Российская Федерация, Москва, ул. Юности, 5;

e-mail: s.latur@yandex.ru

Аннотация

В статье проанализированы содержащиеся в научной литературе позиции ученых, раскрывающих понятия «механизм правового регулирования», «правовой механизм регулирования исполнения судебных решений» – выявлено отсутствие в юридической литературе единого определения данных понятий. Выделены основные черты, характерные для правового механизма регулирования исполнения судебных решений: добровольное или принудительное исполнение решения суда; наличие специфических юридических фактов, порождающих, изменяющих и прекращающих правоотношения, связанные с исполнением судебных решений; обязательность и неукоснительность исполнения вступивших в законную силу судебных актов; уголовная ответственность за злостное неисполнение вступивших в законную силу решений судов; компенсация за нарушение права на исполнение судебных актов в разумный срок. Дано авторское определение правового механизма исполнения судебных решений как системы различных видов правовых средств воздействия на общественные отношения, связанные с добровольным или принудительным исполнением судебных решений (порождая, изменяя и прекращая их), и поведение участников правоотношений (органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций) в целях обеспечения неукоснительного исполнения вступивших в законную силу судебных решений.

Для цитирования в научных исследованиях

Савостьянов С.В. К вопросу правового механизма регулирования исполнения судебных решений: определение понятия // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 68-78.

Ключевые слова

Правовой механизм, механизм правового регулирования, исполнение судебных решений, правоотношение, средства, элементы.

Введение

В правовой литературе понятие «правовой механизм регулирования общественных отношений» используется достаточно часто, однако авторы далеко не всегда дают ему определение. Заметим, что в работах ряда ученых, все же отражающих свои взгляды по данному вопросу, понятия «правовой механизм регулирования общественных отношений», «правовой механизм», «механизм правового регулирования» рассматриваются, как правило, в качестве тождественных.

Проблемное поле понятия «механизм правового регулирования

С позиции Н.И. Матузова механизм правового регулирования – это система правовых средств, которая позволяет наиболее последовательно и юридически гарантированно бороться с препятствиями, ибо отдельно взятые юридические инструменты этого в полной мере обеспечить не смогут [Матузов, Малько, 2001]. Механизм правового регулирования – это организационное воздействие правовых средств, позволяющее в той или иной степени достигать поставленных целей, то есть результативности и эффективности[1]. Учитывая это, можно сказать, что правовой механизм регулирования исполнения судебных решений в обязательном порядке должен обладать системой правовых средств, с помощью которых оказывается правовое воздействие на общественные отношения, связанные с исполнением судебных решений, и поведение участников правоотношений, позволяющее исполнять вступившие в законную силу судебные решения. Такими участниками правоотношений могут быть органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения, должностные лица, граждане, организации.

С позицией Н.И. Матузова в чем-то схожа и позиция А.В. Малько, по мнению которого механизм правового регулирования представляет собой систему правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права. При этом автор выделяет три признака, характеризующие механизм правового регулирования: цель, средства достижения

[1] Под эффективностью, по нашему мнению, необходимо понимать соотношение между результатом правового регулирования и стоящей перед ним целью.

цели и результативность [Малько, 1996]. А.В. Малько и С.А. Комаров отмечают, целью механизма правового регулирования является обеспечение беспрепятственного движения интересов субъектов к ценностям, а механизм правового регулирования – это система различных по своей природе и функциям юридических средств, позволяющих достигать его цели [Малько, Комаров, 1999, 448]. Говоря об исполнении судебных решений, следует заметить, что целью правового механизма регулирования исполнения судебных решений будет являться беспрепятственное движение интересов заинтересованной стороны исполнения судебного решения в соответствии со вступившим в законную силу судебным решением.

Ведя речь о заинтересованной стороне, мы пользуемся терминологией, содержащейся в ст. 48 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», которой лица, участвующие в исполнительном производстве, определены следующим образом:

1) взыскатель и должник – стороны исполнительного производства;
2) лица, непосредственно исполняющие требования, содержащиеся в исполнительном документе;
3) иные лица, содействующие исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе (переводчик, понятые, специалист, лицо, которому судебным приставом-исполнителем передано под охрану или на хранение арестованное имущество, и другие).

К элементам механизма правового регулирования как Н.И. Матузов, так и С.А. Комаров и А.В. Малько относят норму права (в норме права устанавливается модель удовлетворения интересов; юридический факт или фактический состав с таким решающим фактом, как организационно-исполнительный правоприменительный акт; правоотношение; акты реализации прав и обязанностей; охранительный правоприменительный акт (при совершении правонарушения).

К правовому механизму регулирования исполнения судебных решений названные элементы имеют непосредственное отношение при учете специфики правоотношений:

1) норма права, устанавливающая модель удовлетворения интересов заинтересованных субъектов исполнения судебных решений;
2) юридический факт (факт возбуждения исполнительного производства на основании исполнительного документа в связи со вступившим в законную силу судебным решением, являющийся отправной точкой для начала функционирования правового механизма регулирования исполнения судебных решений (в случае добровольного исполнения судебного решения, юридическим фактом может являться вступления в

законную силу судебного решения);

3) правоотношение (нормативные требования в данном случае конкретизируются для участников исполнения судебных решений);
4) акты реализации прав и обязанностей (конкретные действия лиц, участвующих в исполнении судебных решений);
5) охранительный правоприменительный акт (при необходимости установления ответственности за злостное неисполнение вступившего в законную силу решения суда представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации)2.

И.В. Кушнир несколько проще говорит о механизме правового регулирования, подчеркивая, что механизмом правового регулирования является система правовых средств, обеспечивающих реализацию целей правового регулирования [Кушнир, 2000]. Примерно в том же ключе рассуждает С.С. Алексеев, по мнению которого механизм правового регулирования – это система юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование [Алексеев, 2005]. К элементам механизма правового регулирования С.С. Алексеев относит нормативно-правовые акты; акты официального толкования; юридические факты; юридические нормы; правоотношения; акты реализации права; правоприменительные акты; правосознание; режим законности. Исследователь подчеркивает, что каждый элемент данного механизма выполняет свои функции (регулятивные), воздействуя своим способом на поведение людей и общественные отношения. К элементам механизма правового регулирования у С.С. Алексеева добавлены «правосознание» и «режим законности», которые, с нашей точки зрения, также могут быть применимы в правовом механизме регулирования исполнения судебных решений. Заметим, что С.С. Алексеев в некоторых работах также пишет, что механизмом правового регулирования является совокупность средств, при помощи которых обеспечивается не простое, а результативное правовое воздействие на общественные отношения [Алексеев, 1994, 9].

По мнению С.А. Кузнецовой, понимание механизма правового регулирования как совокупности всех правовых явлений непродуктивно по следующим причинам:

[2] За данные деяния ст. 315 Уголовного кодекса РФ (далее также – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность. За неисполнение судебного акта арбитражного суда органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, организациями, должностными лицами и гражданами арбитражным судом может быть наложен судебный штраф (ч. 1 ст. 332 АПК РФ). Для граждан размер судебного штрафа не может превышать 2 500 рублей, для должностных лиц – 5 000 рублей, для организаций – 100 000 рублей (ч. 1 ст. 119 АПК РФ). Уплата судебного штрафа не освобождает от обязанности исполнить судебный акт (ч. 3 ст. 332 АПК РФ).

1) отсутствие общего мнения о понятии «правовая система», в связи с чем перед тем, как сформулировать определение механизма правового регулирования, необходимо раскрыть природу правовой системы (что является непростой задачей), а затем указать на нее динамический характер;
2) не все правовые явления, относящиеся к правовой системе, можно назвать элементами механизма правового регулирования. Для динамической характеристики правовой системы, как считает С.А. Кузнецова, лучше использовать другое понятие [Кузнецова, 2013, 9].

С.А. Кузнецова разделяет мнение В.В. Сорокина о том, что правовая система, рассмотренная с точки зрения своего функционирования, охватывается понятием «механизм действия права», которое не тождественно понятию «механизм правового регулирования» и позволяет определить особенности разнообразного влияния правовой системы на общественную среду [Сорокин, 2012, 479]. Развивая эту мысль, С.А. Кузнецова замечает, что при анализе механизма правового регулирования важной является интерпретация категорий «правовое регулирование» и «правовое воздействие». Если рассматривать их как синонимы, тогда механизм правового регулирования можно считать совокупностью всех средств. Если «правовое регулирование» интерпретируется только как разновидность «правового воздействия», то механизм правового регулирования – это воздействие «особых», «специфических» средств.

Вследствие этого С.А. Кузнецова выделяет основные подходы к понятию механизм правового регулирования: широкий и узкий. Согласно широкому подходу механизмом правового регулирования является совокупность всех правовых явлений, оказывающих воздействие на поведение субъекта. В этом случае механизм правового регулирования и правовая система фактически совпадают, и различаются только в динамической и статической характеристике правовой системы. Согласно узкому подходу механизмом правового регулирования является система правовых явлений, которые оказывают воздействие на определенную группу общественных отношений. В данном случае очевиден прикладной характер механизма правового регулирования, необходимого для правореализационной и правотворческой деятельности.

В.В. Лазарев ведет речь о механизме государственно-правового регулирования (на что также следует обратить внимание) и включает в него следующие главные стадии: формирование и общее действие юридических норм; возникновение у конкретных субъектов прав и обязанностей; реализация прав и обязанностей, осуществление их в фактическом поведении, деятельности субъектов права [Лазарев, 2001]. Названным стадиям процесса правового регулирования, по мнению В.В. Лазарева, соответствуют такие элементы, как

юридические нормы; индивидуальные государственно-властные предписания или акты применения права; правоотношения; акты реализации прав и обязанностей.

Достаточно своеобразной позиции придерживаются М.В. Лушникова и А.М. Лушников, говоря о необходимости отграничения механизма правового регулирования от средств правового регулирования [Лушникова, Лушников, 2009, 341]. На наш взгляд, такая позиция представляется крайне спорной.

Заметим, что к средствам правового регулирования, как правило, относят правовые нормы; нормативно-правовые акты; акты официального толкования; правоотношения; акты реализации права; акты применения права. Многие авторы достаточно аргументированно включают данные средства в сам механизм правового регулирования, с чем мы полностью согласны. Думается, что можно вести дискуссию о комплексе средств правового регулирования (о возможном разделении средств правового регулирования на основные и дополнительные), но позиция, при которой средства правового регулирования необходимо рассматривать вне самого механизма, не видится обоснованной.

Уместное замечание делает Г.В. Выпханова, свидетельствуя о том, что возможность определения механизма правового регулирования заложена в общенаучной категории «механизм», которая широко применяется в юридической науке, и определяется, в частности, как внутреннее устройство, система; совокупность процессов, на которых основывается какое-нибудь явление, добавляя, что определение понятия «правовой механизм» должно позволять в каждом конкретном случае показывать, каким образом должно осуществляться или осуществляется правовое регулирование общественных отношений, возникающих по определенному поводу, позволять наметить пути развития правоприменительной деятельности и законодательства в исследуемой области [Выпханова, 2007, 34].

Можно заметить, что авторы, дающие определение понятию «механизм правового регулирования» («правовой механизм»), применяют разные методологические подходы. При этом следует признать отсутствие в юридической литературе единого определения понятия механизм правового регулирования (правового механизма регулирования общественных отношений).

Анализируя приведенные позиции исследователей относительно определения понятия «механизм правового регулирования», на наш взгляд, одной из самых фундаментальных представляется позиция С.С. Алексеева, который ввел наиболее общее понимание исследуемого понятия (см. выше). На эту же позицию опирается и С.А. Кузнецова, определяя механизм правового регулирования (или «правовой механизм» как сокращенный вариант термина) в широком смысле как «совокупность правовых норм, правоотношений и юридических актов, участвующих в правовом воздействии, и существующих в виде

динамической, внутренне единой системы, элементы которой приобретают новые свойства именно в результате своего взаимодействия» [Кузнецова, 2013, 9]. В целом, мнение С.А. Кузнецовой, основанное на базовом исследовании С.С. Алексеева, видится нам достаточно убедительным. Не будем также забывать и немаловажную точку зрения А.В. Малько, выделевшего признаки, характеризующие механизм правового регулирования, такие как цель, средства достижения цели, результативность, в связи с чем, можно сказать, что эффективность механизма правового регулирования имеет прямую зависимость от того, как определены цели правового регулирования и насколько оптимально подобраны средства для их достижения.

Исполнение судебных решений в практике правового регулирования

Обратим внимание, что о механизме правового регулирования исполнения судебных решений исследователи пишут гораздо реже, и, как правило, опираются на общие определения механизма правового регулирования, о которых мы говорили выше.

Л.В. Тернова в статье «Правовой механизм исполнения судебных решений» не дает определение данного правого механизма, однако обоснованно отмечает, что «требование своевременного и эффективного исполнения судебных решений предопределяет обязанность государства обеспечить реализацию этого требования посредством установления в федеральном законе надлежащего организационно-правового механизма исполнения судебных решений» [Тернова, 2008, 53]. С этим трудно не согласиться.

О.В. Попова в статье «Механизм исполнения судебных решений в современных экономических условиях» рассматривает отдельные вопросы механизма правового регулирования исполнения судебных решений, понимая под механизмом правового регулирования правоотношений, возникающих в связи с осуществлением службой судебных приставов властных полномочий, систему юридических средств, при помощи которых осуществляется регулирование отношений, складывающихся в процессе реализации службой судебных приставов, предоставленных ей полномочий [Попова, 2016, 82-85]. Под определением механизма правового регулирования при этом О.В. Попова понимает систему юридических средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, которые стоят на пути удовлетворения интересов субъектов права в сфере исполнительного производства. В данном случае, очевидно, что О.В. Попова разделяет позицию А.В. Малько.

Как видим, до настоящего времени во многом ввиду сложности самого правового института, ученые не пришли к единому универсальному определению правового механизма регулирования общественных отношений (механизма правового регулирования) в целом и определению механизма правового регулирования исполнения судебных решений в

частности. Заметим, что прежде чем сформулировать определение понятия правового механизма регулирования исполнения судебных решений, следует выделить основные специфические черты, характерные для данного механизма. К таким чертам, по нашему мнению, относятся:

1) добровольное или принудительное исполнение решения суда. Если вступившее в законную силу решение суда не исполнено в добровольном порядке, то заинтересованное лицо (взыскатель) вправе обратиться в суд, вынесший данное решение, с заявлением о выдаче исполнительного листа (ст. 428 ГПК РФ, ст. 353 КАС РФ). Исполнительный лист выдается взыскателю лично или по его просьбе, указанной в заявлении, направляется судом для исполнения в службу судебных приставов. Принудительное исполнение судебных решений в РФ относится к компетенции Федеральной службы судебных приставов и ее территориальных органов (часть 1 ст. 5 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). Решения арбитражного суда подлежат принудительному исполнению в том же порядке, что и решения суда общей юрисдикции по правилам, установленным АПК РФ и Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Как для добровольного исполнения решений, так и для принудительного исполнения судебных решений с учетом национально-культурных особенностей регионов, видится особо важным развитие таких правовых средств, как правосознание и правовая культура. Принудительное исполнение судебных решений носит формальный характер, то есть осуществляется в специально установленных законом формах;

2) наличие специфических юридических фактов, порождающих, изменяющих и прекращающих правоотношения, связанные с исполнением судебных решений;
3) вступившие в законную силу судебные акты обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации (часть 2 ст. 13 ГПК РФ, часть 1 ст. 16 АПК РФ, ст. 16 КАС РФ);
4) уголовная ответственность за злостное неисполнение вступившего в законную силу решения суда представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации, предусмотренная ст. 31 УК РФ;
5) компенсация за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

В случае нарушения права на исполнение в разумный срок судебного акта, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ,

заинтересованное лицо имеет право на компенсацию. Порядок присуждения компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок установлен Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Заключение

Итак, с нашей точки зрения, правовой механизм регулирования исполнения судебных решений представляет собой определенную систему различных видов правовых средств воздействия на общественные отношения, связанные с добровольным или принудительным исполнением судебных решений (порождая, изменяя и прекращая их), и поведение участников правотношений (органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций) в целях обеспечения неукоснительного исполнения вступивших в законную силу судебных решений.

Библиография

1. Алексеев С.С. (ред.) Теория государства и права. М.: Норма, 2005. 458 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. Харьков: ХГУ, 1994. 224 с.
3. Выпханова Г.В. Понятие «правовой механизм информационного обеспечения экологической сферы» // Экологическое право. 2007. № 5. С. 33-36.
4. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1999. 464 с.
5. Кузнецова С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1(57). С. 9-12.
6. Кушнир И.В.. Теория государства и права. 2000. URL: http://www.be5.biz/pravo/t002/toc.htm
7. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
8. Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. М.: Юстицинформ, 2009. 656 с.
9. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3(214). С. 54-62.
10. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2001. 776 с.
11. Попова О.В. Механизм исполнения судебных решений в современных экономических условиях // Аграрное и земельное право. 2016. № 12(144). С. 82-85.
12. Сорокин В.В. Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2002. 541 с.
13. Тернова Л.В. Правовой механизм исполнения судебных решений // Журнал российского

права. 2008. № 9(141). С. 53-58.

On the issue of the legal mechanism for regulating the execution of court decisions: the definition of the concept

Sergei V. Savost'yanov

Judge of the Perovskiy District Court of Moscow, postgraduate,
Moscow University for the Humanities,
111395, 5 Yunosti str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: s.latur@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the positions of scientists in the scientific literature that reveal the concepts of "the mechanism of legal regulation", "the legal mechanism for regulating the execution of judicial decisions". There is a lack of a unified definition of these concepts in the legal literature. The main features characteristic of the legal mechanism for regulating the execution of court decisions are singled out: voluntary or compulsory execution of a court decision; the presence of specific legal facts that generate, modify and terminate legal relations related to the execution of court decisions; compulsory and rigorous enforcement of judicial acts that have entered into legal force; criminal liability for malicious failure to enforce court decisions that have come into force; compensation for violation of the right to execute judicial acts within a reasonable time. The author gives the definition of the legal mechanism for the enforcement of judgments as a system of various types of legal means of influencing public relations associated with the voluntary or compulsory execution of judicial decisions (generating, modifying and terminating them) and the behavior of participants in legal relations (public authorities, local government, public associations, officials, citizens, organizations) in order to ensure rigorous enforcement of court decisions that have entered into legal force.

For citation

Savost'yanov S.V. (2017) K voprosu pravovogo mekhanizma regulirovaniya ispolneniya sudebnykh reshenii: opredelenie ponyatiya [On the issue of the legal mechanism for regulating the execution of court decisions: the definition of the concept]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 68-78

Keywords

Legal mechanism, mechanism of legal regulation, enforcement of judgments, legal relationship, means, elements.

References

1. Alekseev S.S. (1994) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Kharkov
2. Alekseev S.S. (ed.) (2005) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Norma Publ.
3. Komarov S.A., Mal'ko A.V. (1999) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: NORMA – INFRA-M Publ.
4. Kushnir I.V. (2000) Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Available at: http://www.be5.biz/pravo/t002/toc.htm [Accessed 10/05/17].
5. Kuznetsova S.A. (2013) K voprosu ob opredelenii ponyatiya "pravovoi mekhanizm" [On the question of the definition of "legal mechanism"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Saint-Petersburg University of the MIA of Russia], 1 (57), pp. 9-12.
6. Lazarev V.V. (2001) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state]. Moscow: Yurist" Publ.
7. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. (2009) *Kurs prava sotsial'nogo obespecheniya* [Course of social security law]. Moscow: Yustitsinform Publ.
8. Mal'ko A.V. (1996) Mekhanizm pravovogo regulirovaniya [The mechanism of legal regulation]. *Pravovedenie* [Legal studies], 3 (214), pp. 54-62.
9. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. (2001) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Yurist" Publ.
10. Popova O.V. (2016) Mekhanizm ispolneniya sudebnykh reshenii v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh [Mechanism of execution of judicial decisions in modern economic conditions]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 12 (144), pp. 82-85.
11. Sorokin V.V. (2002) *Kontseptsiya evolyutsionnogo preobrazovaniya pravovykh sistem v perekhodnyi period* [The concept of evolutionary transformation of legal systems in the transition period]. Barnaul: Altai State University.
12. Ternova L.V. (2008) Pravovoi mekhanizm ispolneniya sudebnykh reshenii [The legal mechanism for enforcing judgments]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 9 (141), pp. 53-58.
13. Vypkhanova G.V. (2007) Ponyatie "pravovoi mekhanizm informatsionnogo obespecheniya ekologicheskoi sfery" [The concept of "legal mechanism of information support of the environmental sphere"]. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law], 5, pp. 33-36.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.65/.68

Наследование одной или нескольких акций двумя и более наследниками

Бабич Марта Игоревна

Аспирант,

кафедры международного частного права,

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,

123242, Российская Федерация, Москва, ул. Садово-Кудринская, 9;

e-mail: marta.babich@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрена процедура реализации наследниками акций права общей долевой собственности на них и основные проблемы, с которыми сталкиваются наследники при реализации данного права. Автор анализирует институт дробных акций как инструмент решения указанных проблем. Однако отсутствие в Российской Федерации нормативных правовых актов, предусматривающих такую возможность, а также высокая вероятность затруднения ведения хозяйственной деятельности, формируют сложную правоведческую коллизию. Автор в сопоставлении с существующими общими правовыми нормами и судебной практикой, а также на основе разностороннего научного материала демонстрирует широкое применение данного подхода и его эффективность в процессе защиты прав наследников.

Для цитирования в научных исследованиях

Бабич М.И. Наследование одной или нескольких акций двумя и более наследниками // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 79-88.

Ключевые слова

Наследование акций, общая долевая собственность, дробные акции.

Введение

Тема наследования одной или нескольких акций двумя и более наследниками вызывает немало вопросов теоретического и практического характера, на которые, как отмечает Н. Михеева, «ни закон, ни теория, ни практика пока не дают ответов» [Михеева, 2007, 16]. Мы

же в настоящей статье попробуем в них разобраться, а также предложить пути их разрешения.

Нормы наследования акций в действующем российском законодательстве

Несмотря на реформирование в 2014 году специального закона об акционерных обществах (ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ), он, в отличие от аналогичного закона об обществах с ограниченной ответственностью (ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ), вопрос наследования не регулирует. Т.И. Зайцева и П.В. Крашенинников верно констатируют: «Каких-либо особенностей порядка наследования акций законодательством не установлено» [см. Гонгало и др., 2004]. Данный вывод полостью применим и к порядку наследования одной или нескольких акций двумя и более наследниками.

В действующем российском законодательстве наследованию акций прямо посвящена только одна норма – пункт 3 ст. 1176 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Согласно данной норме в состав наследства участника акционерного общества входят принадлежавшие ему акции. Наследники, к которым перешли эти акции, становятся участниками акционерного общества. При этом законодатель не делает различия между акциями публичного и непубличного акционерных обществ.

Среди общих норм российского законодательства, регулирующих наследование одной или нескольких акций двумя и более наследниками, можно выделить, во-первых, ст. 1164 ГК РФ, в соответствии с которой акции поступают в общую долевую собственность наследников со дня открытия наследства. Возникновение у акций при наследовании режима общей долевой собственности возможно не только в силу закона, как это указано выше, но и на основании завещания. Происходит это, когда в завещании не конкретизирован порядок наследования акций, то есть наследодателем не закреплено, какие акции, входящие в состав наследства, кому из наследников предназначаются. В этом случае акции, передаваемые по завещанию, наследуются в порядке, предусмотренном законом (пункт 1 ст. 1122 ГК РФ).

Во-вторых, ст. 247 ГК РФ, в соответствии с которой владение и пользование акциями, находящимися в общей долевой собственности наследников, осуществляются по их согласию, а при отсутствии согласия – в порядке, устанавливаемом судом. Например, стоит вспомнить о пункте 3 ст. 57 ФЗ «Об акционерных обществах», согласно которому в случае, если акция общества находится в общей долевой собственности нескольких лиц (наследников), то правомочия по голосованию на общем собрании акционеров осуществляются по их усмотрению одним из участников общей долевой собственности либо их общим представителем.

Такое согласие участников (наследников) долевой собственности должно быть достигнуто

единогласно, что подтверждается существующей судебной практикой[1]. «Только при единогласии между собственниками такое соглашение может считаться заключенным», – верно отмечают Ю.А. Канцер и И.А. Костенко [Канцер, Костенко, 2011, 37].

Однако насколько наследникам легко достичь единогласного решения о порядке, формах и способах использования акций каждым из них? При идеальной ситуации, из которой, как мы полагаем, исходит законодатель, легко. Когда наследники обладают необходимыми знаниями и навыками, преследуют общие интересы, а также взаимодействуют друг с другом. Но зачастую в действительности все обстоит иначе. Враждебный настрой и противоположные позиции наследников приводят к конфликтам, которые делают для них единогласное соглашение не достижимым. По мнению Т.В. Увакиной, «акции, являющиеся предметом подобного конфликта интересов, фактически выводятся из гражданского оборота» [Увакина, 2015, 35]. Наличие ограничения реализации закрепленных в акциях прав (например, на получение дивидендов или на участие в управлении акционерным обществом) автором отмечено верно, но давать заключение о «выводе акций из гражданского оборота», на наш взгляд, не стоит.

Являясь объектом гражданского оборота по смыслу пункта 1 ст. 129 ГК РФ, акции могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства либо иным способом, если они не ограничены в обороте. Законом или в установленном законом порядке могут быть введены ограничения оборотоспособности акций, в частности, могут быть предусмотрены виды акций, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению (пункт 2 ст. 129 ГК РФ). К таковым, в частности, относятся акции ОАО «РЖД», оборот которых в силу ст. 7 Федерального закона от 27.02.2003 № 29-ФЗ «Об особенностях управления и распоряжения имуществом железнодорожного транспорта» ограничен. Соответственно, акции, находящиеся в общей долевой собственности, не могут быть ограничены или изъяты из гражданского оборота путем недостижения наследниками согласия об их порядке владения и использования.

Выразить возникающее при подобном конфликте ограничение реализации закрепленных в акциях прав, по нашему мнению, правильно через характеристику самих владельцев таких акций. А именно, путем их причисления к «мертвым душам», к которым Р. Норман относит «акционеров, которые никак не участвуют в жизни акционерного общества. Под этой

[1] Например, Постановление ФАС Центрального округа от 01.08.2013 по делу № А35-8814/2012 (Определением ВАС РФ от 23.09.2013 № ВАС-12872/13 отказано в передаче дела в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора) и Постановление ФАС Дальневосточного округа от 28.06.2013 № Ф03-2697/2013 по делу № А51-19176/2012.

категорией акционеров понимаются те из них, кто умер либо информация о них неизвестна, однако они продолжают числиться среди акционеров» [Норман, 2016, 140]. Так и в данном случае, из-за недостижения наследниками соглашения о порядке владения и пользования акциями, находящимися в их общей долевой собственности, они никак не участвуют в жизни акционерного общества.

Кажется, что выход из такой ситуации прост – отчуждение доли в праве общей собственности на акции. Однако стоит вспомнить, что процесс распоряжения имуществом, находящимся в долевой собственности, как и процесс владения и пользования таким имуществом, имеет свои особенности. Согласно ст. 246 и ст. 250 ГК РФ свобода наследника распорядиться своей долей в общей собственности ограничена: 1) распоряжение акциями, находящимися в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников; 2) участники общей долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, за которую она продается третьим лицам, и на прочих равных условиях, то есть наследник-продавец доли обязан в письменной форме известить остальных участников долевой собственности о намерении продать свою долю постороннему лицу с указанием цены и других условий осуществления продажи. При этом законодатель не предусматривает для наследников возможности обратиться в суд в случае недостижения ими соглашения о порядке распоряжения, как это предусмотрено во владении и пользовании. В связи с этим нельзя не согласиться со словами Т.В. Увакиной: «Налицо коллизия права, когда имущество, не имеющее ограничений для свободного гражданского оборота, в результате наследования, вдруг изменяет свои свойства, его практическая оборотоспособность значительно усложняется, становится в прямую зависимость от соблюдения законодательных ограничений, не присущих обороту того же имущества до перехода по наследству» [Увакина, 2015, 32].

Кроме того, несмотря на «замороженность» акций (невозможность реализации закрепленных в них прав), наследник беспричинно или тесно связывая наследуемую массу с личностью наследодателя, может просто не желать расставаться с принадлежащей ему долей собственности. Поэтому, когда на одну или несколько акций претендуют два или несколько наследников, разделение акций между ними неизбежно, как и дискуссии о простоте и пользе такого подхода.

Третья общая норма российского законодательства, регулирующая наследование одной или нескольких акций двумя и более наследниками, ст. 1165 ГК РФ (а также пункт 1 ст. 252 ГК РФ) гласит: акции, поступившие в общую долевую собственность наследников, могут быть разделены между ними по их соглашению. Ю.С. Харитонова считает, что «наследование акций общества несколькими лицами обычно затруднений не вызывает, поскольку акции

могут быть любым способом распределены между наследниками по их согласию и в соответствии с законом» [Абова и др., 2004, 265]. Но достичь соглашения о разделе можно не всегда, и не только по причине отсутствия единогласия между собственниками. Например, раздел наследства при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника может быть осуществлен только после его рождения (ст. 1166 ГК РФ). С.А. Солдатенко приводит такой пример: «Если в круг наследников входят несовершеннолетние, то уменьшение их доли законодательно запрещено, а с увеличением доли за свой счет другие наследники могут и не согласиться» [Солдатенко, 2009].

Как следствие, в практике возникает еще один способ решения обсуждаемой в настоящей работе проблемы – дробление акций. В соответствии с пунктом 2 ст. 252 ГК РФ участник долевой собственности вправе требовать выдела своей доли из общего имущества (четвертая общая норма российского законодательства, регулирующая наследование одной или нескольких акций двумя и более наследниками). Е.А. Кириллова и А.Ю. Иванова, являясь сторонниками дробных акций, отмечают, что «в нотариальной практике наследование дробной акции или целой особого значения не имеет, но в процессе корпоративной деятельности для собственников дробных акций могут возникнуть дополнительные сложности, так как в соответствии со ст. 25 ФЗ «Об акционерных обществах» они не смогут участвовать в деятельности акционерного общества, если общая долевая собственность на такие акции не будет прекращена» [Кириллова, 2015, 6; Иванова, 2013, 86]. Подход четко отражает существующие реалии, хотя остается не ясным, что имели ввиду Е.А. Кириллова и А.Ю. Иванова приводя в качестве примера ст. 25 ФЗ «Об акционерных обществах», когда пункт 3 ст. 57 этого закона предусматривает возможность и порядок участия собственников общей долевой собственности в голосовании на общем собрании акционеров.

Н. Михеева, представитель противоположного подхода, считает, что появление дробных акций в результате раздела имущества между несколькими наследниками приводит к ущемлению прав наследников, желающих вести активную корпоративную деятельность [Михеева, 2007]. Сторонники такой позиции С.В. Ротко и Д.А. Тимошенко добавляют: «При наследовании акций просто невозможно говорить о появлении дробных акций, поскольку не только Законом об акционерных обществах не предусмотрена возможность появления дробных акций в случае наследования, а также такое решение исходит и из потребностей хозяйственного оборота (зачем усложнять его, если мы так долго стремимся упразднить институт дробных акций, о чем в принципе и свидетельствует законотворческая инициатива)» [Ротко, Тимошенко, 2008]. Усложнение хозяйственного оборота отмечает и Т.В. Увакина в виде «возникновения у регистратора, лица осуществляющего функции счетной комиссии на общем собрании акционеров общества-эмитента, обязанностей по дополнительному

администрированию» [Увакина, 2015].

Заключение

Законодательно возможность появления дробных акций в случае наследования действительно не предусмотрена. Перечень случаев, при которых образуются дробные акции, является исчерпывающим (Об образовании части акций…, 2002). Дробные акции, согласно ст. 25 ФЗ «Об акционерных обществах», образуются в случаях, когда приобретение целого пакета акций невозможно, а именно:

1) при осуществлении преимущественного права на приобретение акций, продаваемых акционером непубличного общества;
2) при осуществлении преимущественного права на приобретение дополнительных акций;
3) при консолидации акций.

Означает ли это, что образование дробных акций при наследовании недопустимо? Вероятно, да, так как нормативные правовые акты Российской Федерации такую возможность не предусматривают. Но, несмотря на недопустимость, а также на высокую вероятность затруднения ведения хозяйственной деятельности, на практике этот подход широко применим, видимо, потому что наиболее эффективен при защите прав наследников.

Библиография

1. Абова Т.Е., Богуславский М.М., Светланов А.Г. (ред.) Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третей. М.: Юрайт-Издат, 2004. 729 с.
2. Абраменков М.С., Чугунов П.В. Наследственное право. М.: Юрайт, 2015. 192 с.
3. Ануфриева Л.П. Международное частное право. Особенная часть: в 3 т. Т. 3: Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс. М.: БЕК, 2002. 768 с.
4. Гонгало Б.М., Зайцева Т.И., Крашенинников П.В., Юшкова Е.Ю., Ярков В.В. Настольная книга нотариуса: в 2 т. Т. 2. М.: Волтерс Клувер, 2004. 664 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.
7. Иванова А.Ю. О некоторых проблемах наследования акций в нотариальной практике // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. №3. С. 83-86.
8. Канцер Ю.А., Костенко И.А. Компенсация за невозможность использования общедолевого имущества по гражданскому законодательству Российской Федерации: вопросы

правоприменения // Юрист. 2011. № 21. С. 35-38.

9. Кириллова Е.А. Проблемы правового регулирования наследования акций в нотариальной практике // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 16-19.
10. Михеева Н. На одну акцию несколько наследников // Корпоративный юрист. 2007. № 5. С. 16-17.
11. Норман Р. Порядок наследования акций непубличных и публичных акционерных общества // Новая бухгалтерия. 2016. № 4. С. 138-144.
12. Об акционерных обществах: федер. закон Российской Федерации от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016): принят Гос. Думой. 24.11.1995: одобрен Советом Федерации 27.11.1995 // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.
13. Об образовании части акций (дробных акций): письмо ФКЦБ РФ от 26.11.2001 № ИК-09/7948 // Вестник ФКЦБ России. 2002. № 12.
14. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон Российской Федерации от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016): принят Гос. Думой. 14.01.1998: одобрен Советом Федерации 77.01.1998 // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.
15. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.06.2013 № Ф03-2697/2013 по делу N А51-19176/2012. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=85695#0
16. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 01.08.2013 по делу № А35-8814/2012. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=75529#0
17. Ротко С.В., Тимошенко Д.А. Теоретические и практические проблемы наследования акций // Нотариус. 2008. № 1. С. 22-24.
18. Солдатенко С.А. Особенности наследования имущества, вовлеченного в коммерческий оборот: автореферат дис... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 25 с.
19. Увакина Т.В. Проблемы реализации наследниками права общей собственности на акции // Юрист. 2015. № 18. С. 31-35.

Inheritance of one or more shares by two or more heirs

Marta I. Babich

Postgraduate,

Department of private international law,

Kutafin Moscow State Law University

123242, 9 Sadovo-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: marta.babich@yandex.ru

Abstract

The article examines the procedure for the realization by the heirs of shares of the right of common share ownership of them and the main problems that the heirs face when implementing this right. The author analyzes the institution of fractional shares as a tool to solve these problems. However, the absence in the Russian Federation of normative legal acts providing for such an opportunity, as well as a high probability of hampering economic activities, form a complex legal confrontation. The author, in comparison with the existing general legal norms and judicial practice, and also on the basis of diverse scientific material, demonstrates the wide application of this approach and its effectiveness in the process of protecting the rights of heirs.

For citation

Babich M.I. (2017) Nasledovanie odnoi ili neskol'kikh aktsii dvumya i bolee naslednikami [Inheritance of one or more shares by two or more heirs]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 79-88

Keywords

Inheritance of shares, common equity ownership, fractional shares.

References

1. Abova T.E., Boguslavskii M.M., Svetlanov A.G. (eds.) (2004) *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti tretei* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Three]. Moscow: Yurait-Izdat Publ.
2. Abramenkov M.S., Chugunov P.V. (2015) *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance law]. Moscow: Yurait Publ.
3. Anufrieva L.P. (2002) Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Osobennaya chast': v 3 t. T. 3: Transgranichnye bankrotstva. Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh. Mezhdunarodnyi

grazhdanskii protsess [Private International Law. Special part: in 3 volumes. Vol. 3: Cross-border bankruptcies. International commercial arbitration. International Civil Procedure]. Moscow: BEK Publ.

4. Gongalo B.M., Zaitseva T.I., Krasheninnikov P.V., Yushkova E.Yu., Yarkov V.V. (2004) *Nastol'naya kniga notariusa: v 2 t. T. 2* [Notary's handbook: in 2 vol. V. 2]. Moscow: Volters Kluver Publ.
5. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 28.12.2016) [The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 28, 2016)] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation legislation. Art. 3301], 32.
6. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 03.07.2016) [The Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on July 3, 2016)] (2001). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation legislation. Art. 4552], 49.
7. Ivanova A.Yu. (2013) O nekotorykh problemakh nasledovaniya aktsii v notarial'noi praktike [On some problems of inheritance of shares in notary practice]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Property relations in the Russian Federation], 3, pp. 83-86.
8. Kantser Yu.A., Kostenko I.A. (2011) Kompensatsiya za nevozmozhnost' ispol'zovaniya obshchedolevogo imushchestva po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: voprosy pravoprimeneniya [Compensation for impossibility to use joint share property in accordance with the civil legislation of the Russian Federation: issues of law-application]. *Yurist* [Jurist], 21, pp. 35-38.
9. Kirillova E.A. (2015) Problemy pravovogo regulirovaniya nasledovaniya aktsii v notarial'noi praktike [Problems of legal regulation of inheritance of shares in notarial practice]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justitia], 4, pp. 16-19.
10. Mikheeva N. (2007) Na odnu aktsiyu neskol'ko naslednikov [There are several heirs per share]. *Korporativnyi yurist* [Corporate lawyer], 5, pp. 16-17.
11. Norman R. (2016) Poryadok nasledovaniya aktsii nepublichnykh i publichnykh aktsionernykh obshchestva [The order of inheritance of shares of non-public and public joint-stock companies]. *Novaya bukhgalteriya* [New accounting], 4, pp. 138-144.
12. Ob aktsionernykh obshchestvakh: feder. zakon Rossiiskoi Federatsii ot 26.12.1995 № 208-FZ (red. ot 03.07.2016): prinyat Gos. Dumoi. 24.11.1995: odobren Sovetom Federatsii 27.11.1995 [On joint-stock companies: Federal Law of the Russian Federation of December 26, 1995 No. 208-FZ (as amended on July 3, 2016): adopted by the State Duma on November 24, 1995: approved by the Federation Council on November 27, 1995] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF*

[Collection of Russian Federation legislation. Art. 1], 1.

13. Ob obrazovanii chasti aktsii (drobnykh aktsii): pis'mo FKTsB RF ot 26.11.2001 № IK-09/7948 [On the formation of a portion of shares (fractional shares): a letter of the Federal Commission for the Securities Market of the Russian Federation of November 26, 2001 No. IR-09/7948] (2002). *Vestnik FKTsB Rossii* [Bulletin of the FCSM of Russia], 12.
14. Ob obshchestvakh s ogranichennoi otvetstvennost'yu: federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 08.02.1998 g. № 14-FZ (red. ot 03.07.2016): prinyat Gos. Dumoi. 14.01.1998: odobren Sovetom Federatsii 77.01.1998 [On limited liability companies: Federal Law of the Russian Federation No. 14-FZ of February 8, 1998 (as amended on July 3, 2016): adopted by the State Duma on January 14, 1998: approved by the Federation Council on January 77, 1998] (1998). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation legislation. Art. 785], 7.
15. *Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 28.06.2013 № F03-2697/2013 po delu N A51-19176/2012* [Decree of the Federal Arbitration Court of the Far Eastern District of June 28, 2013 No. F03-2697 / 2013 on the case N A51-19176/2012]. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=85695#0 [Accessed 2/05/17].
16. *Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Tsentral'nogo okruga ot 01.08.2013 po delu № A35-8814/2012* [Decree of the Federal Arbitration Court of the Central District of August 1, 2013 in case No. A35-8814 / 2012]. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=75529#0 [Accessed 2/05/17].
17. Rotko S.V., Timoshenko D.A. (2008) Teoreticheskie i prakticheskie problemy nasledovaniya aktsii [Theoretical and practical problems of inheritance of shares]. *Notarius* [Notary], 1, pp. 22-24.
18. Soldatenko S.A. (2009) *Osobennosti nasledovaniya imushchestva, vovlechennogo v kommercheskii oborot: avtoreferat dis... kand. yurid. nauk* [Features of inheritance of property involved in commercial turnover. Doct. Diss. Abstract]. St. Petersburg.
19. Uvakina T.V. (2015) Problemy realizatsii naslednikami prava obshchei sobstvennosti na aktsii [Problems of exercising the co-ownership right to shares by successors]. *Yurist* [Jurist], 18, pp. 31-35.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.2/.3

Правовой режим археологических предметов, находящихся во владении частных лиц

Зубенко Юлия Сергеевна

Кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского права и процесса,

Горно-Алтайский государственный университет,

649000, Российская Федерация, Горно-Алтайск, ул. Ленина, 9/1;

e-mail: zubenkoyulia@mail.ru

Чиконова Людмила Валентиновна

Кандидат политических наук,

доцент кафедры гражданского права и процесса,

Горно-Алтайский государственный университет,

649000, Российская Федерация, Горно-Алтайск, ул. Ленина, 9/1;

e-mail: tchikonowa@yandex.ru

Аннотация

Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» законодатель обязал физических и юридических лиц, владеющих археологическими предметами зарегистрировать их в негосударственной части музейного фонда. В связи с этим возникает необходимость в обозначении контуров правового режима археологических предметов, находящихся во владении частных лиц. В статье исследованы правовые основания владения археологическими предметами, хранящимися в составе частных коллекций. Рассмотрена юридическая судьба археологических коллекций, имеющих незаконное происхождение. Случайное обнаружение археологической находки рассмотрено как отдельное основание приобретения права собственности на такие вещи. Обосновывается, что норма об обязанности передавать государству археологические предметы, обнаруженные в результате земляных, строительных, хозяйственных и иных работ представляется малоэффективной. Исследован опыт зарубежных стран по рассматриваемым вопросам.

Для цитирования в научных исследованиях

Зубенко Ю.С., Чиконова Л.В. Правовой режим археологических предметов, находящихся во владении частных лиц // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 89-100.

Ключевые слова

Археологические предметы, владение, право, закон, негосударственный музейный фонд, коллекционирование, находка, вознаграждение.

Введение

Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» в ч. 3 ст. 8 предусматривает, что физические и юридические лица, владеющие археологическими предметами, вправе помимо передачи их государству и универсального правопреемства отчуждать археологические предметы в порядке, установленном законодательством РФ о Музейном фонде РФ и музеях в РФ, при условии включения указанных археологических предметов не позднее 1 сентября 2016 года в состав негосударственной части Музейного фонда РФ (ФЗ № 245). Включение археологических предметов в состав негосударственной части музейного фонда производится на основании заявления собственника предмета федеральным органом исполнительной власти после проведения соответствующей экспертизы (ФЗ № 54, ст. 8, 20). Для того, чтобы предметы, находящиеся во владении, получили статус «археологических предметов» экспертиза должна выяснить из какого именно зарегистрированного объекта археологического наследия был изъят исследуемый предмет, либо доказать что этот предмет был обнаружен случайно. Однако если сам факт находки не был задокументирован, включая состав клада и археологический контекст, то ни один специалист не возьмется с уверенностью ответить на этот вопрос без документального свидетельства. Частное лицо, приобретая какой-либо старинный предмет, не обязано было задумываться об обстоятельствах его обнаружения, поскольку археологические предметы появились в правовом поле лишь с принятием ФЗ № 245 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части пресечения незаконной деятельности в области археологии». Учитывая, что коллекционирование археологических предметов в России имеет продолжительную историю (по данным Большой советской энциклопедии первые частные коллекции археологических находок в России появились в начале XVIII в. [Коллекционирование, www]), многие коллекции археологических предметов являются частью семейных реликвий. Поэтому, рассуждать о незаконном происхождении коллекций

археологических предметов нецелесообразно, потому что установить истинный источник их приобретения не представляется возможным.

Механизм регистрации археологических находок в рамках существующей правовой системы

Обнаружение археологических предметов в результате находки является одним из источников попадания этих предметов в частные коллекции. Законодатель определяет, что информацию об археологических предметах получают в результате находок, видимо имея в виду случайное обнаружение этих вещей. Однако законодатель не поясняет, что конкретно понимается под находкой. Для того чтобы получить информацию о таких вещах, необходимо провести экспертизу не только этих вещей, но и земельного участка, на котором они были обнаружены, с целью выявления объекта археологического наследия. В связи с этим с п. 11 ст. 36 ФЗ от 25 июня 2002 г. № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» возлагает на физических и юридических лиц обязанность передать государству обнаруженные ими в результате земляных, строительных, хозяйственных и иных работ археологические предметы (ФЗ № 73). Лицо, обнаружившее археологический предмет в процессе хозяйственных работ и уклонившееся от обязанности передать ее государству, может быть привлечено к уголовной ответственности только в случае обнаружения «культурных ценностей в крупном размере» (т. е. если их стоимость превышает 100 000 рублей) (ст. 243 3 УК РФ). С 25 июля 2015 г. действует редакция ст. 7.33 Кодекса РФ об административных правонарушениях, в соответствии с которой к административной ответственности должны привлекаться «исполнители земляных, строительных, хозяйственных и иных работ», обнаружившие культурные ценности в результате таких работ, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Физическим лицам будет грозить наказание в размере от 1500 до 2500 рублей. Считаем, что эта норма мало эффективна и не обеспечит исполнение данной обязанности лица, поскольку единичные археологические предметы стоят во много раз дороже 2500 рублей (если подумать о сумме, которую можно получить от ее продажи), но дешевле 100 000 рублей (что исключает опасность привлечения к уголовной ответственности). К тому же после изъятия археологического предмета из земли невозможно доказать, что она была обнаружена в процессе каких-либо земляных работ и тем более, что закон предусматривает возможность владения археологическими предметами физическими лицами. Конечно, стоимость археологических предметов могут определить только специалисты, но вполне понятно, что старинную глиняную посуду, единичные металлические предметы передавать государству никто не станет, хотя они могут быть источником информации.

Возникает вполне закономерный вопрос: может ли лицо, обнаружившее археологический предмет, рассчитывать на вознаграждение или на возмещение убытков, связанных с исследованием, изъятием объекта археологического наследия.

Известно, что в гражданском праве «находка» выступает основанием приобретения права собственности. В соответствии со ст. 228 ГК РФ в течение шести месяцев с момента заявления о находке в полицию или в орган местного самоуправления лица, должно быть установлено лицо, управомоченное получить найденную вещь, в противном случае нашедший вещь приобретает право собственности на нее (ст. 228 ГК РФ). Если режим находки применить к ситуации случайного обнаружения археологического предмета частным собственником земельного участка в процессе сельскохозяйственных работ, то нашедший вещь вправе потребовать от лица, управомоченного на получение вещи, вознаграждение за находку в размере до двадцати процентов стоимости вещи, а также возмещение необходимых расходов, связанных с хранением, сдачей или реализацией вещи (ст. 229 ГК РФ). Право на вознаграждение не возникает только в том случае, если нашедший вещь не заявил о находке или пытался ее утаить. Итак, если управомоченным лицом на получение археологического предмета станет сотрудник Министерства культуры РФ (действующий от лица государства), то с него можно потребовать вознаграждение, однако непонятно, кто будет оценивать стоимость археологической находки, кроме того вознаграждение будет выплачено из бюджета Министерства культуры РФ. Возможность получения вознаграждения в размере 20% от стоимости вещи (например, старинной монеты) явно не станет стимулом передать ее в уполномоченные органы. Кроме того, найденная вещь станет основанием для проведения археологических разведок в целях выявления объектов археологического наследия (например, «с осуществлением локальных земляных раскопов не более 20 квадратных метров на каждом объекте археологического наследия… изъятием археологических предметов из раскопов» ст. 451 ФЗ РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ») (ФЗ № 73, ст. 451). Собственник участка будет вправе потребовать возмещения убытков, но явно такая перспектива его не привлечет. Однако очевидно, что собственника археологического предмета установить невозможно. Известно, что право собственности на бесхозяйные движимые вещи может быть приобретено в силу приобретательной давности. В отношении старинных вещей, случайно обнаруженных в земле, необходима государственная историко-культурная экспертиза с целью установления их относимости к культурным ценностям. Механизм приобретения права собственности на вещи, обнаруженные в земле, обладающие культурной ценностью, собственника которых установить невозможно, предусмотрен ст. 233 ГК РФ (ст. 233 ГК РФ).

В ст. 233 ГК РФ не выделяется «случайность» как признак обнаружения клада, однако

подразумевается, что клад может быть обнаружен как целенаправленно, так и случайно (ст. 233 ГК РФ). Например, в соответствии с Гражданским кодексом Франции, «кладом является всякая вещь, спрятанная или зарытая, на которую никто не может удовлетворить свою собственность и которая открыта в результате чистого случая» [Бердникова, 2002, 60]. Получается, что, по французскому законодательству, клад можно найти только случайно. Поскольку в российском праве невозможно найти примеры правоприменительной практики по данной проблеме, считаем необходимым обратиться к опыту зарубежных стран. Например, в Англии совсем недавно прошло судебное разбирательство: девушка, которой сейчас 26 года, в девятилетнем возрасте, работая в саду с матерью, откопала редчайшую золотую монету времен Карла IV. После смерти матери она хранила монету как память, пока кто-то из экспертов местного музея случайно ее не увидел. Девушке было выслано несколько предупреждений, что она должна сообщить о находке коронеру (специальная служба, регистрирующая такие находки). Девушка проигнорировала несколько писем и звонков, и дело закончилось судом, по решению которого монету у нее отобрали, присудили ей 3 месяца условно и штраф 25 евро [Woman who found…, 2010, www]. Споры по поводу справедливости наказания ведутся до сих пор.

В Великобритании действует закон «Dealing in Cultural Objects (Offences) Act 2003», который предусматривает наказание за незаконный оборот археологических находок и обязывает находки, случайно или целенаправленно обнаруженные, регистрировать в течение 14 дней (Dealing in Cultural Objects (Offences) Act 2003). Несоблюдение этого правила карается тюремным заключением до 3 месяцев и штрафом до £5 000. Регистрировать необходимо не все археологические находки, а только те, которые отвечают следующим требованиям: старше 300 лет, металлические предметы должны содержать не менее 10% золота или серебра. Если клад из монет как целое не содержит 10% золота или серебра, то как минимум 10 отдельных монет из клада должны содержать минимум 10% благородных металлов. Эти требования содержатся в «Treasure Act 1996». Кроме того, согласно этому документу археологическая находка может быть обнаружена не только путем археологических раскопок, которые относятся к специальным случаям. Археологические находки из обычного металла и неметаллические не подпадают под действие «Treasure Act 1996», а потому такие предметы не регистрируются и не считаются ценностью (Treasure Act 1996). Для заполнения этого пробела в Великобритании существует программа правительства (The Portable Antiquities Scheme (PAS)), призванная отслеживать постоянно растущее количество небольших находок археологической значимости. Программа стартовала в 1997 г. и в настоящее время действует на территории Англии и Уэльса. Программа нацелена на металлоискателей-любителей, находящих артефакты посредством своего хобби, которые в противном случае, возможно, не

были бы найдены совсем. Граждане также могут сообщать о находках неметаллических предметов, которые обнаружили случайно.

В настоящее время ответственность за сокрытие случайно обнаруженных археологических предметов, которые не относятся «к культурным ценностям в крупном размере», в российском законодательстве не предусмотрена. В качестве примера обратимся к международному опыту, в частности к Европейской конвенции о правонарушениях в отношении культурных ценностях от 23 июля 1985 г., в которой Российская Федерация не участвует. В данной конвенции в системе составов правонарушений выделено ряд ситуаций, предусматривающих ответственность за сокрытие случайно обнаруженных археологических находок, а именно:

1) нарушение норм законодательства, в соответствии с которыми лицо, случайно обнаружившее археологические предметы, обязано сообщить об этих предметах компетентным органам;
2) сокрытие или отчуждение случайно найденных археологических находок;
3) приобретение случайно найденных археологических находок, если лицо полностью осознает, что эти предметы были получены с нарушением законодательства.

В России механизм регистрации археологических находок, обнаруженных случайно в составе клада, не разработан. В качестве основы в обеспечении защиты культурных ценностей Е.Ю. Егорова рассматривала формы учетных документов, особенности их заполнения, порядок хранения [Егорова, 1996]. Считаем, что необходимо гражданско-правовыми методами стимулировать граждан регистрировать археологические находки, передавая их в частную собственность. Передача в собственность должна подтверждаться документами: паспортом археологической находки и свидетельством о праве собственности на нее. Кроме того, необходимо создание Реестра археологических находок, в котором будут регистрироваться факт существования находки (с присвоением номера) и другие сведения: место обнаружения, возраст, состав материала, т. е. сведения, указанные в ее паспорте. Присвоенный номер в Реестре должен быть внесен в свидетельство о праве собственности. Сделки в отношении археологических находок должны быть зарегистрированы в этом же Реестре. Это обеспечит контроль государства за количественной численностью археологических находок, а также латентный контроль за их оборотом.

Полагаем, что на археологические находки, обнаруженные случайно, приобретается право собственности по правилам ч. 2 ст. 233 ГК РФ и ст. 225 ГК РФ (ст. 233 ГК РФ, ч. 2; ст. 225 ГК РФ). Во-первых, археологические находки нельзя отнести к потерянным, брошенным вещам. Во-вторых, клад сокрыт от внешнего обозрения при обнаружении. В-третьих, клад зачастую обнаруживают случайно. В-четвертых, общие положения о кладе предусматривают

обнаружение вещей, обладающих культурной ценностью.

Предложения по организации контроля за владением и отчуждением археологических находок

Считаем, что законность владения археологическими находками призвано, будет подтвердить свидетельство, которое будет выдано после экспертизы предметов и включения их в состав Музейного фонда РФ (ФЗ № 54, ст. 8). В состав негосударственной части музейного фонда включаются музейные предметы и музейные коллекции, находящиеся в собственности, в том числе физических лиц. Именно в отношении таких коллекций государство имеет преимущественное право покупки в случае принятия решения владельцем об их отчуждении. Сущность преимущественного права заключена в праве определенного лица приобрести отчуждаемое имущество (археологический предмет) в первую очередь по сравнению с другими лицами, но на условиях, обозначенных лицом, которое отчуждает имущество. В противовес этому праву стоит «обязанность» лица, отчуждающего имущество, в первоочередном и обязательном порядке предложить заключить сделку лицу, которое обладает этим преимущественным правом.

В ныне действующем Гражданском кодексе РФ отсутствует норма о преимущественном праве государства на приобретение отчуждаемых культурных ценностей. Однако преимущественное право покупки государством некоторых культурных ценностей, все-таки, содержится в ст. 25 ФЗ № 54 «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ФЗ № 54, ст. 25). В п. 12 Постановления Правительства РФ от 12 февраля 1998 г. № 179 «Об утверждении положений о Музейном фонде Российской Федерации, о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, о лицензировании деятельности музеев в Российской Федерации» предусмотрено обеспечение преимущественного права покупки государством отчуждаемых музейных предметов, поскольку, на собственнике лежит обязанность уведомить в письменной форме государственный орган за три месяца до совершения сделки купли-продажи (Постановление Правительства РФ № 179). Однако в законодательстве не установлен срок, в течение которого государство обязано принять одно из двух решений, либо отказаться от данного права или осуществить его. Считаем, что это упущение, допущенное законодателем, должно быть устранено: законодатель должен установить срок, в течение которого должно быть принято решение и уведомление о нем собственника. При этом указанный срок не должен создать какие-либо препятствия для оборота археологических предметов. Так необходимо установить, что владелец археологических предметов за определенный срок обязан письменно уведомить федеральный орган исполнительной власти о намерении совершить соответствующую сделку

по отчуждению предмета. Федеральный орган исполнительной власти также в течение определенного срока должен уведомить продавца о намерении государства осуществить предоставленное ему право или отказаться от его осуществления. При этом уведомление должно быть предоставлено в письменной форме, поскольку на основе данного документа собственник археологического предмета будет правомочен искать покупателя.

Заключение

Итак, существующее законодательство о владении археологическими предметами имеет тенденцию обеспечения регистрации таких коллекций и прозрачность их оборота. Эту тенденцию следует оценить положительно, поскольку это обеспечит не только прозрачность владения коллекциями археологических предметов, но защитить права их титульных владельцев и государства.

Библиография

1. Бердникова С.А. Гражданский кодекс Франции 1804 г. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. университета, 2002. 125 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон Рос. Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.12.1995: ввод. федер. законом Рос. Федерации от 26.01.1996 № 15-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Егорова Е.Ю. Государственно-правовая защита культурных ценностей (сравнительный анализ российского и французского права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 26 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собрания Рос. Федерации 20.12.2001; одобрен Советом Федерации Федер. Собрания Рос. Федерации 26.12.2001 // Собрание Законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Коллекционирование // Большая советская энциклопедия. URL: http://allencyclopedia.ru/35215
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: федер. закон от 23 июля 2013 г. № 245 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30. Ст. 4078.
7. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: федер. закон от 26 мая 1996 г. № 54: принят Гос. Думой 24 апр. 1996 г.: одобрен Советом Федерации //

Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 22. Ст. 2591.

8. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73: принят Гос. Думой 24 мая 2002 г.: одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 26. Ст. 2519.
9. Об утверждении положений о Музейном фонде Российской Федерации, о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, о лицензировании деятельности музеев в Российской Федерации: Постановления Правительства РФ от 12 февраля 1998 г. № 179 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 8. Ст. 949.
10. Основы законодательства о культуре от 09 октября 1992 г. № 3612-I // Ведомости съезда народ. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 46. Ст. 2615.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Dealing in Cultural Objects (Offences) Act 2003 // Department for Culture, Media and Sport. 2004. URL: www.culture.gov.uk
13. European Convention on Offences relating to Cultural Property. Delphi, June 23, 1985. URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007a085
14. The Portable Antiquities Scheme (PAS) // Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Portable_Antiquities_Scheme
15. Treasure Act 1996 Code of Practice (2nd Revision) // Department for culture, media and sport. 2010. URL: http://finds.org.uk/documents/treasure_act.pdf
16. Woman who found coin worth £ 2000 in garden becomes first to be prosecuted for not reporting treasure // Mailonline. 2010. URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1253991/Woman-coin-worth-2-000-garden-prosecuted-reporting-treasure.html

The legal regime of privately-owned archaeological objects

Yuliya S. Zubenko

PhD in Law,

Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure,

Gorno-Altai State University,

649000, 9/1 Lenina str., Gorno-Altaisk, Russian Federation;

e-mail: zubenkoyulia@mail.ru

Lyudmila V. Chikonova

PhD in Political Sciences,
Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure,
Gorno-Altai State University,
649000, 9/1 Lenina str., Gorno-Altaisk, Russian Federation;
e-mail: tchikonowa@yandex.ru

Abstract

In accordance with the requirements of the Federal Law No. 245 of July 23, 2013 « On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the suppression of illegal activity in the field of archeology» natural and legal persons who own archeological objects are obliged to register them in the non-state part of the museum fund. Therefore, hence the need to identify the legal framework regulating the archaeological objects in private possession. The article studies the legal grounds for the possession of archaeological objects kept in private collections. This paper will examine the legal destiny of illegal archaeological collections. The accidental discovery of an archaeological find is considered as a separate basis for acquiring ownership of such things. The norm on the obligation to transfer to the state archaeological items discovered as a result of excavation, construction, economic and other works is ineffective. It is substantiated that the person who discovered the archaeological find in the treasure must transfer it for examination in order to ascertain the category of cultural and historical value of these things and register a find with a description of the location of its discovery. The paper analyzes the experience of foreign countries on the items under consideration.

For citation

Zubenko Yu.S., Chikonova L.V. (2017) Pravovoi rezhim arkheologicheskikh predmetov, nakhodyashchikhsya vo vladenii chastnykh lits [The legal regime of privately-owned archaeological objects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (7A), pp. 89-100

Keywords

Object of archaeological interest, ownership, right, law, non-state part of museum fund, museum fund, collecting, archaeological finds, reward.

References

1. Berdnikova S.A. (2002) *Grazhdanskii kodeks Frantsii 1804 g.* [Civil code of France 1804]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ.
2. Dealing in Cultural Objects (Offences) Act 2003 (2004). *Department for Culture, Media and Sport*. Available at: www.culture.gov.uk [Accessed 15/05/17].
3. Egorova E.Yu. (1996) Gosudarstvenno-pravovaya zashchita kul'turnykh tsennostei (sravnitel'nyi analiz rossiiskogo i frantsuzskogo prava). Doct. Diss. Abstract [State legal protection of cultural values (comparative analysis of the Russian and French law). Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
4. European Convention on Offences relating to Cultural Property. Delphi, June 23, 1985. Available at: http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007a085 [Accessed 15/05/17].
5. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 26.01.1996 No. 14-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.12.1995: vvod. feder. zakonom Ros. Federatsii ot 26.01.1996 No. 15-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law of the Russian Federation No. 14-FZ of January 26, 1996] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* (St. 410) [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 410)], 5.
6. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 No. 195-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 20.12.2001: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 26.12.2001 [Code of administrative offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 1)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 1)], 1 (1).
7. Kollektsionirovanie [Collecting]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Available at: http://allencyclopedia.ru/35215 [Accessed 15/05/17].
8. O Muzeinom fonde Rossiiskoi Federatsii i muzeyakh v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 26 maya 1996 g. No. 54: prinyat Gos. Dumoi 24 apr. 1996 g.: odobren Sovetom Federatsii [On the Museum Fund of the Russian Federation and museums in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 54-FZ of May 5, 1996] (1996). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii (St. 2591)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 2591)], 22.
9. O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti presecheniya nezakonnoi deyatel'nosti v oblasti arkheologii: feder. zakon ot 23 iyulya 2013 g. No. 245 [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the suppression of illegal activity in the field of archeology No. 245 of July 23, 2013] (2013). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii (St. 4078).* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 4078)], 30.

10. Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 25 iyunya 2002 g. No. 73: prinyat Gos. Dumoi 24 maya 2002 g.: odobren Sovetom Federatsii 14 iyunya 2002 g. [On the objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the people of the Russian Federation: the Federal Law of the Russian Federation No. 73-FZ of June 25, 2002] (2002). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii (St. 2519)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 2519)], 26.
11. Ob utverzhdenii polozhenii o Muzeinom fonde Rossiiskoi Federatsii, o Gosudarstvennom kataloge Muzeinogo fonda Rossiiskoi Federatsii, o litsenzirovanii deyatel'nosti muzeev v Rossiiskoi Federatsii: Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 12 fevralya 1998 g. No. 179 [On the approval of the provisions on the Museum Fund of the Russian Federation, the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation, the licensing of museums in the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 179 of February 12, 1998] (1998). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii (St. 949)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 949)], 8.
12. Osnovy zakonodatel'stva o kul'ture ot 09 oktyabrya 1992 g. No. 3612-I [On General Principles of the Legislation of the Russian Federation on Culture No. 3612-I of October 9, 1992] (1992). *Vedomosti s"ezda narod. deputatov Ros. Federatsii i Verkhov. Soveta Ros. Federatsii (St. 2615)* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the Russian Federation (Art. 2615)], 46.
13. *The Portable Antiquities Scheme (PAS)*. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/Portable_Antiquities_Scheme [Accessed 15/05/17].
14. Treasure Act 1996 Code of Practice (2nd Revision) (2010). *Department for culture, media and sport*. Available at: http://finds.org.uk/documents/treasure_act.pdf [Accessed 15/05/17].
15. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 06.07.2016): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996 [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on July 6, 2016)] (1996). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii (St. 2954)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 2954)], 25.
16. Woman who found coin worth £ 2000 in garden becomes first to be prosecuted for not reporting treasure (2010). *Mailonline*. Available at: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1253991/Woman-coin-worth-2-000-garden-prosecuted-reporting-treasure.html [Accessed 15/05/17].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347

Договорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав

Тлявгулов Глеб Рамилевич

Аспирант,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,

117279, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а;

e-mail:tlyavgulov@rambler.ru

Аннотация

В настоящей статье анализируются существующие договорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав. Автор отмечает, что к договорным способам распоряжения исключительными правами относятся распоряжение патентными правами по следующим договорам: договор об отчуждении исключительных прав; лицензионный договор о предоставлении права использования изобретения/полезной модели/промышленного образца; договор коммерческой концессии; договор залога исключительных прав; договор доверительного управления. На основе общенаучных (анализ, синтез, сравнение, обобщение и др.) и частнонаучных методов исследованы наиболее значительные аспекты договорных способов распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав. Отмечая особенности правового регулирования распоряжения патентными правами по договорам, анализируя существующие пробелы правового регулирования указанных способов распоряжения, автор предлагает внесение изменений в действующее российское гражданское законодательство с целью устранения выявленных в нем пробелов. Отмечается, что значительный объем исследуемой области не позволяет описать все особенности распоряжения патентными правами по договорам в данной статье в полной мере.

Для цитирования в научных исследованиях

Тлявгулов Г.Р. Договорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С.101-110.

Ключевые слова

Распоряжение исключительными правами, объекты патентных прав, государственная регистрация распоряжения исключительным правом.

Введение

К объектам патентных прав в Российской Федерации относятся: изобретения, полезные модели и промышленные образцы (глава 72 Гражданского кодекса (далее – ГК РФ)). В центре нашего внимания договорные способы распоряжения исключительными прав: «Законодатель допускает следующие договорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав: договор об отчуждении исключительного права (пункт 1 ст. 1365 ГК РФ); лицензионный договор о предоставлении права использования объекта патентных прав (ст. 1367 ГК РФ); договор коммерческой концессии (пункт 1 статьи 1027 ГК РФ); договор залога исключительного права (пункт 1 статьи 358.18 ГК РФ); договор доверительного управления исключительными правами (статья 1012 ГК РФ)» [Тлявгулов, 2016, 137]. В соответствии с пунктом 2 ст. 1232 ГК РФ распоряжение исключительным правом на объекты патентных прав по договору подлежит государственной регистрации. Согласно пункту 6 ст. 1232 ГК РФ распоряжение патентными правами по договору считается состоявшимся после государственной регистрации такого распоряжения. Государственная регистрация распоряжения исключительным правом по договору осуществляется по заявлению сторон договора (пункт 3 ст. 1232 ГК РФ). Заявление может быть подано сторонами договора или одной из сторон договора. В случае подачи заявления одной из сторон договора к нему должен быть приложен по выбору заявителя один из следующих документов: подписанное сторонами договора уведомление о состоявшемся распоряжении исключительным правом; удостоверенная нотариусом выписка из договора; сам договор.

Предоставление государственной услуги по государственной регистрации распоряжения исключительным правом на объект патентных прав по договору регулируется следующими документами:

1) Правила государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 24.12.2015 № 1416;
2) Административный регламент предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации распоряжения по договору исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронных

вычислительных машин, базу данных, утвержденный приказом Минэкономразвития России от 10.06.2016 № 371.

Договорные формы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав

В литературе встречается критика наименования одного из прилагаемых к заявлению документа – уведомления о состоявшемся распоряжении исключительным правом, подписанного сторонами договора [Ревинский, Петров, 2015]. Как справедливо отмечают Е.Н. Петров и О.В. Ревинский, «…здесь речь должна идти не о состоявшемся распоряжении исключительным правом, а о согласованном намерении сторон договора осуществить такое распоряжение исключительным правом или же о согласии сторон на такое распоряжение, которое не состоится без государственной регистрации» [Ртам же, 4].

При рассмотрении договорных конструкций, которыми возможно осуществление распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав следует отметить, что в настоящее время правовое регулирование таких договорных конструкций имеет ряд недостатков. Поэтому представляется целесообразным внести в пункт 3 ст. 1232 ГК РФ изменения и назвать указанное уведомление – «уведомление о заключении договора».

Часть из таких недостатков уже подвергалась критике отдельными правоведами, часть же недостатков ввиду малого срока прошедшего с момента их появления в законодательстве еще не успела подвергнуться критическому анализу в правовой литературе. Специалистами критикуется замена термина «уступка» на термин «отчуждение», при этом отмечается, что термином «отчуждение» обозначается цель уступки исключительного права, вместе с тем термин «отчуждение» является категорией вещного права. Законодатель не стал принимать во внимание мировую патентную практику, в соответствии с которой принято использовать термины «цедент»/«цессионарий» в области уступки патента [Еременко, Евдокимова, Основные договорные формы…, 2008, 2]. Как отмечают В.И. Еременко и В.Н. Евдокимова, «в отличие от ранее действовавшего патентного законодательства, в настоящее время установлено, что исключительное право на соответствующий результат интеллектуальной деятельности передается в полном объеме, то есть целиком. Сказанное означает, что не допускается передача, например, одного из пунктов формулы изобретения или какой-либо части перечня существенных признаков промышленного образца, с сохранением остальных пунктов или частей у патентообладателя – передающей стороны договора» [там же, 2008]. При этом в российском гражданском законодательстве отсутствует запрет относительно количества сопатентообладателей и поэтому возможна передача исключительного права на

объект патентных прав в части прав, принадлежащих одному из сопатентообладателей (по договору об отчуждении исключительного права, в результате которого меняется состав сопатентообладателей). Следует отметить, в качестве стороны договора, в соответствии с которым правообладатель осуществляет распоряжение исключительными правами, не могут выступать представительства, филиалы и другие обособленные подразделения юридического лица.

При анализе правового регулирования договора коммерческой концессии следует отметить, что, как указывалось выше после вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 12.03.2014 № 35-ФЗ Федеральная служба по интеллектуальной собственности осуществляет государственную регистрацию не договора, а распоряжения исключительным правом по договору. Вместе с тем, ст. 1028 ГК РФ в настоящее время продолжает именоваться «Форма и регистрация договора коммерческой концессии». Данное наименование ст. 1028 ГК РФ представляется неверным, целесообразно исключить из него слова «... и регистрация».

Как указывалось, выше, распоряжение исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности, которые подлежат государственной регистрации, также подлежит государственной регистрации. Указанные требования применяются к договору об отчуждении исключительного права, лицензионному договору, договору коммерческой концессии, договору залога исключительных прав и вместе с тем не применяются к передаче исключительного права в доверительное управление.

В целях совершенствования законодательства необходимо предусмотреть обязательную государственную регистрацию передачи исключительных прав в доверительное управление в случаях, когда результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации подлежит в соответствии с ГК РФ государственной регистрации.

Нельзя не отметить наличие в российском гражданском законодательстве пробела, связанного с залогом исключительных прав. Он существует из-за того, что законодатель при установлении законодательной базы по правовому регулированию договорной конструкции залога исключительных прав проигнорировал положения пункта 2 ст. 1369 ГК РФ и пункта 3 ст. 358.18 ГК РФ. В соответствии с пунктом 2 ст. 1369 ГК РФ отчуждение исключительного права на промышленный образец не допускается, если оно может явиться причиной введения потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя. Вместе с тем в соответствии с пунктом 3 ст. 358.18 ГК РФ к договору залога исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации применяются

общие положения о залоге. Таким образом, возможны случаи, когда исключительное право на промышленный образец (или на товарный знак) невозможно было бы передать по договору об отчуждении исключительного права (на промышленный образец/товарный знак), поскольку такое отчуждение может явиться причиной введения потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя (пункт 2 ст. 1369 ГК РФ, пункт 2 ст. 1488 ГК РФ). Однако в случае обращения взыскания на предмет залога, такое исключительное право может быть передано стороне выступающей в договоре залога в качестве залогодержателя.

В целях устранения указанной ситуации целесообразно дополнить ст. 358.18 ГК РФ пунктом 3.1 в следующей редакции:

«3.1. Залог исключительного права на товарный знак (знак обслуживания) или на промышленный образец допускается при условии соблюдения правил, предусмотренных пунктом 2 статьи 1365 ГК РФ, пунктом 2 статьи 1488 ГК РФ».

Заключение

В настоящей статье автором был дан анализ особенностей распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав. Следует отметить, что при написании настоящей статьи автор не претендовал на создание труда, который бы охватил все аспекты рассматриваемой темы, поскольку исследуемая область имеет большой объем, а лишь попытался отметить ряд важных проблем и предложил возможные способы их решения.

Библиография

1. Административный регламент предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации распоряжения по договору исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронных вычислительных машин, базу данных: утвержден приказом Минэкономразвития России от 10.06.2016 № 371. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192025/
2. Гражданский кодекс РФ. Часть вторая от 26.01.1996: принят Гос. Думой 22.12.1995 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. 29 января. Ст. 410.
3. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30.11.1994: принят Гос. Думой 21.11.1994 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. 5 декабря Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс РФ. Часть четвертая от 18.12.2006: принят Гос. Думой 24.11.2006:

одобрен советом Федерации 08.12.2006 // Собрание законодательства Рос. Федерации от 2006 г. № 52. Ст. 5496.

5. Евдокимова В.Н. Правовая квалификация договоров о передаче технологий: проблемы и решения // Патенты и лицензии. 2004. № 8. С. 32 - 44.
6. Еременко В.И., Евдокимова В.И. Некоторые формы распоряжения исключительным правом на объекты промышленной собственности в части четвертой ГК РФ //Адвокат. 2008. № 4. С. 28-36.
7. Еременко В.И., Евдокимова В.Н. Основные договорные формы распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель или промышленный образец в части четвертой ГК РФ // Изобретательство. 2008. Т. VIII. № 3. С. 1-9.
8. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ (ред. от 02.07.2013): принят Гос. Думой 24.11.2006: одобрен советом Федерации 08.12.2006 // Российская газета. 2006. № 289.
9. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 12.03.2014 №35-ФЗ: принят Гос. Думой 25.02.2014: одобрен советом Федерации 05.03.2014 // Российская газета. 2014. № 59.
10. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 № 5/29. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86879/
11. Правила государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора: утверждены Постановлением Правительства РФ от 24.12.2015 № 1416. URL: http://docs.cntd.ru/document/420326066
12. Ревинский О.В., Петров Е.Н. Нестыковки в четвертой части ГК РФ// Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2015. № 3. С. 2-9.
13. Тлявгулов Г.Р. Понятие распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 12А. С. 134-145.

Contractual ways of disposing of exclusive rights to objects of patent rights

Gleb R. Tlyavgulov

Postgraduate,

Russian State Academy of Intellectual Property,

117279, 55a Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: tlyavgulov@rambler.ru

Abstract

The article analyzes existing contractual ways of disposing of exclusive rights to objects of patent rights. The author notes that the contractual ways of disposing of exclusive rights include the disposal of patent rights under the following contracts: an agreement on the alienation of exclusive rights; license agreement granting the right to use the invention / utility model / industrial design; contract of commercial concession; a contract of pledge of exclusive rights; contract of trust management. On the basis of general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization, etc.) and private scientific methods, the most significant aspects of contractual methods for disposing of exclusive rights to objects of patent rights are investigated. Noting the peculiarities of the legal regulation of the management of patent rights under contracts, analyzing the existing gaps in the legal regulation of these methods of disposal, the author proposes amendments to the current Russian civil legislation with a view to eliminating the gaps identified therein. It is observed that a significant amount of the study area does not allow us to describe all the features of the patent rights management under the agreements in this article in full.

For citation

Tlyavgulov G.R. (2017) Dogovornye sposoby rasporyazheniya isklyuchitel'nymi pravami na ob"ekty patentnykh prav [Contractual ways of disposing of exclusive rights to objects of patent rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp.101-110.

Keywords

Disposal of exclusive rights, objects of patent rights, state registration of disposal of exclusive rights.

References

1. *Administrativnyi reglament predostavleniya Federal'noi sluzhboi po intellektual'noi sobstvennosti gosudarstvennoi uslugi po gosudarstvennoi registratsii rasporyazheniya po dogovoru isklyuchitel'nym pravom na izobretenie, poleznuyu model', promyshlennyi obrazets, tovarnyi znak, znak obsluzhivaniya, zaregistrirovannye topologiyu integral'noi mikroskhemy, programmu dlya elektronnykh vychislitel'nykh mashin, bazu dannykh: utverzhden prikazom Minekonomrazvitiya Rossii ot 10.06.2016 № 371* [Administrative regulations for the provision by the Federal Service for Intellectual Property of a state service for the state registration of an order under the contract with the exclusive right to an invention, utility model, industrial design, trademark, service mark, registered topology of an integrated circuit, program for electronic computers, database: approved by the Order of the Ministry of Economic Development of Russia of June 10, 2016 No. 371]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192025/ [Accessed 30/05/17].
2. Evdokimova V.N. (2004) Pravovaya kvalifikatsiya dogovorov o peredache tekhnologii: problemy i resheniya [Legal qualification of technology transfer agreements: problems and solutions]. *Patenty i litsenzii* [Patents and licenses], 8, pp. 32 - 44.
3. Eremenko V.I., Evdokimova V.I. (2008) Nekotorye formy rasporyazheniya isklyuchitel'nym pravom na ob"ekty promyshlennoi sobstvennosti v chasti chetvertoi GK RF [Some forms of disposal of the exclusive right to industrial property objects in the Part Four of the Civil Code of the Russian Federation]. *Advokat* [Advocate], 4, pp. 28-36.
4. Eremenko V.I., Evdokimova V.N. (2008) Osnovnye dogovornye formy rasporyazheniya isklyuchitel'nym pravom na izobretenie, poleznuyu model' ili promyshlennyi obrazets v chasti chetvertoi GK RF [The main contractual forms of disposal of the exclusive right to an invention, utility model or industrial design in the Part Four of the Civil Code of the Russian Federation]. *Izobretatel'stvo* [Invention], 8 (3), pp. 1-9.
5. O vvedenii v deistvie chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 18.12.2006 № 231-FZ (red. ot 02.07.2013): prinyat Gos. Dumoi 24.11.2006: odobren sovetom Federatsii 08.12.2006 [On the implementation of the Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2006 No. 231-FZ (as amended on July 2, 2013): adopted by the State Duma on November 24, 2006: approved by the Federation Council on December 8, 2006] (2006). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 289.
6. O vnesenii izmenenii v chasti pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 12.03.2014 №35-FZ: prinyat Gos. Dumoi 25.02.2014: odobren sovetom Federatsii 05.03.2014 [Amendments to the first, second and fourth parts of the Civil Code of the Russian Federation and certain legislative

acts of the Russian Federation: Federal Law of March 3, 2014 No. 35-FZ: adopted by the State Duma on February 25, 2014: approved by the Federation Council on March 5, 2014] (2014). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 59.

7. O nekotorykh voprosakh, voznikshikh v svyazi s vvedeniem v deistvie chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF i Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 26.03.2009 № 5/29 [On some issues that arose in connection with the enactment of the Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Highest Court of Arbitration of the Russian Federation of March 26, 2009 No. 5/29]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86879/ [Accessed 30/05/17].
8. *Pravila gosudarstvennoi registratsii rasporyazheniya isklyuchitel'nym pravom na izobretenie, poleznuyu model', promyshlennyi obrazets, tovarnyi znak, znak obsluzhivaniya, zaregistrirovannye topologiyu integral'noi mikroskhemy, programmu dlya EVM, bazu dannykh po dogovoru i perekhoda isklyuchitel'nogo prava na ukazannye rezul'taty intellektual'noi deyatel'nosti bez dogovora: utverzhdeny Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 24.12.2015 № 1416* [The rules of state registration of the disposal of the exclusive right to an invention, utility model, industrial design, trademark, service mark, registered topology of an integrated microcircuit, computer program, database on the contract and transfer of the exclusive right to the specified results of intellectual activity without an agreement: approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of December 24, 2015 No 1416]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/420326066 [Accessed 30/05/17].
9. Revinskii O.V., Petrov E.N. (2015) Nestykovki v chetvertoi chasti GK RF [Disagreements in Part IV of the Civil Code of the Russian Federation]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava* [Patents and licenses. Intellectual property], 3, pp. 2-9.
10. Tlyavgulov G.R. (2016) Ponyatie rasporyazheniya isklyuchitel'nymi pravami na ob"ekty patentnykh prav [The concept of the disposal of the exclusive rights on the patent rights objects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 6 (12A), pp. 134-145.
11. Grazhdanskii kodeks RF. Chast' pervaya ot 30.11.1994: prinyat Gos. Dumoi 21.11.1994 [Civil Code of the Russian Federation. Part One of November 30, 1994: adopted by the State Duma on November 11, 1994] (1994). *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of Russian Federation Legislation. Art. 3301], 32.
12. Grazhdanskii kodeks RF. Chast' vtoraya ot 26.01.1996: prinyat Gos. Dumoi 22.12.1995 [Civil Code of the Russian Federation. Part Two of January 26, 1996: adopted by the State Duma on December 22, 1995] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of Russian

Federation Legislation. Art. 410], 5.

13. Grazhdanskii kodeks RF. Chast' chetvertaya ot 18.12.2006: prinyat Gos. Dumoi 24.11.2006: odobren sovetom Federatsii 08.12.2006 [Civil Code of the Russian Federation. Part Four of December 18, 2006: adopted by the State Duma on November 24, 2006: approved by the Federation Council on December 8, 2006] (2006). *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of Russian Federation Legislation. Art. 5496], 52.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347

Внедоговорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав

Тлявгулов Глеб Рамилевич

Аспирант,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,

117279, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а;

e-mail:tlyavgulov@rambler.ru

Аннотация

В настоящей статье анализируются существующие внедоговорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав. Автор отмечает, что к внедоговорным способам распоряжения исключительными правами относятся такие формы распоряжение патентными правами без договора, как передача по наследству; отказ правообладателя от исключительного права; передача исключительных прав на объект патентных прав при реорганизации, проводимой по решению правообладателя; принятие правообладателем решения о продлении срока действия исключительного права на изобретение или на промышленный образец; перевод права приобретателя исключительного права; принудительная лицензия. Автор исследует наиболее значительные аспекты внедоговорных способов распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав, отмечает особенности правового регулирования распоряжения патентными правами без договора, анализирует существующие пробелы правового регулирования указанных способов распоряжения, а также предлагает возможные пути устранения таких пробелов посредством внесения изменений в действующее российское гражданское законодательство. Методология исследования основана на использовании, как общенаучных (анализ, синтез, сравнение, обобщение и др.), так и частнонаучных методов. Автор отмечает, что исследуемая область имеет большой объем, что не позволяет в одной статье описать все особенности распоряжения патентными правами без договора.

Для цитирования в научных исследованиях

Тлявгулов Г.Р. Внедоговорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 111-119.

Ключевые слова

Распоряжение исключительными правами, внедоговорные способы распоряжения исключительными правами, патент, объекты патентных прав, государственная регистрация распоряжения исключительным правом; принудительная лицензия, универсальное правоприемство.

Введение

В соответствии с главой 72 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) к объектам патентных прав относятся: изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Как известно распоряжение исключительными правами на объекты патентных прав возможно не только договорными, но и внедоговорными способами [Тлявгулов, 2016, 135].

Внедоговорные формы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав

Согласно ст. 1241 ГК РФ переход исключительного права на объект интеллектуальной собственности к другому лицу без заключения договора с правообладателем допускается в случаях и по основаниям, которые установлены законом, в том числе в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) и при обращении взыскания на имущество правообладателя. По мнению Э.П. Гаврилова и В.И. Еременко, реализация данной нормы представляется довольно сложной, поскольку ГК РФ и иные правовые акты «не содержат норм, относящихся к бездоговорному переходу исключительных прав как таковых (хотя отдельные упоминания, касающиеся некоторых категорий объектов, на которые возникают исключительные права, в законах упоминаются)» [Гаврилов, Еременко, 2009].

Распоряжение исключительными правами на объекты патентных прав без договора возможно следующими внедоговорными способами: «указание в завещании (передача по наследству) (ст. 1241 ГК РФ); отказ правообладателя от исключительного права (как активный, так и пассивный) (абз. 2 и 3 ст. 1399 ГК РФ); передача исключительных прав на объект патентных прав при реорганизации, проводимой по решению правообладателя (ст. 1241 ГК РФ); принятие правообладателем решения о продлении срока действия исключительного права на изобретение (пункт 2 ст. 1363 ГК РФ) или на промышленный образец (пункт 3 ст. 1363 ГК РФ); перевод права приобретателя исключительного права (абз. 1 п. 5 ст. 1234 ГК РФ); принудительная простая (неисключительная) лицензия (п. 1 ст. 1362 ГК РФ)» [подр. Тлявгулов, 2016, 139].

При анализе положения пункта 6 ст. 1232 ГК РФ, можно сделать вывод, что в случае несоблюдения требования о государственной регистрации распоряжения исключительным правом на объект патентных прав, такое распоряжение считается несостоявшимся. Подробно вопросы государственной регистрации распоряжения исключительным правом на объекты патентных прав без договора урегулированы в следующих документах:

1) Правила государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора (Постановление Правительства РФ от 24.12.2015 № 1416);
2) Административный регламент предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации перехода исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронных вычислительных машин, базу данных без договора (приказ Минэкономразвития РФ от 30.09.2015 № 707).

Одной из наиболее актуальных потребностей по изменению действующего российского гражданского законодательства в части внедоговорных форм распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав, по нашему мнению, является потребность по внесению изменений в правовое регулирование принудительного лицензирования. Как известно, нормативной базой, заложившей основы принудительного лицензирования в мировой патентной практике стала Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883) (далее – Парижская конвенция). В соответствии с подпунктом 2 раздела А ст. 5 Парижской конвенции государство-участник в целях предотвращения злоупотреблений может предусмотреть в национальном законодательстве положения, касающиеся принудительного лицензирования. В соответствии с пунктом 4 раздела А ст. 5 Парижской конвенции процедура по выдаче принудительной лицензии не может быть инициирована ранее четырех лет после подачи заявки или трех лет с даты выдачи патента. При этом должен применяться срок, который истекает позднее. Если патентообладатель докажет, что его бездействие было обусловлено уважительными причинами, в выдаче принудительной лицензии должно быть отказано. В соответствии с пунктом 5 раздела А ст. 5 Парижской конвенции положения, касающиеся принудительных лицензий на изобретения распространяются также на полезные модели.

Если мы обратимся к российскому законодательству, то в российском гражданском законодательстве имеются следующие основания для принудительного лицензирования:

1) При наличии следующих условий:

– если изобретение или промышленный образец не используется либо недостаточно используется патентообладателем в течение четырех лет со дня выдачи патента, а полезная модель – в течение трех лет со дня выдачи патента, что приводит к недостаточному предложению соответствующих товаров, работ или услуг на рынке;

– имеется лицо, заинтересованное в использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца;

– патентообладатель отказался от заключения с заинтересованным лицом лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике.

2) При наличии следующих условий:

– имеется изобретение, являющееся зависимым от другого изобретения или полезной модели;

– зависимое изобретение представляет собой важное техническое достижение и имеет существенные экономические преимущества перед изобретением или полезной моделью, по отношению к которому оно является зависимым;

– патентообладатель зависимого изобретения не может использовать изобретение, на которое он имеет исключительное право, не нарушая при этом прав обладателя другого патента на изобретение или полезную модель;

– правообладатель изобретения или полезной модели, от которого изобретение является зависимым, отказался от заключения лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике.

Очевидно, что одно из двух оснований для принудительного лицензирования предусмотренных ст. 1362 ГК РФ установлено законодателем в соответствии с положениями Парижской конвенции.

По мнению автора, в вопросах принудительного лицензирования законодателю есть смысл обратиться к опыту КНР в части принудительного лицензирования. В соответствии со ст. 48 Патентного закона КНР принудительные лицензии могут выдаваться на изобретения и полезные модели. Существуют следующие основания для инициирования процесса принудительного лицензирования (ст. 48 Патентного закона КНР):

1) отсутствие использования или недостаточное использование в течение трех лет с даты выдачи на них патента или четырех лет с даты подачи заявки в Патентное ведомство КНР изобретения/полезной модели;

2) необходимость использования ранее зарегистрированного изобретения/ полезной

модели для использования изобретения/ полезной модели, зарегистрированного позднее, если более позднее изобретение/ полезная модель имеет большие технологические преимущества экономического характера;

3) признание исключительного права на изобретение/ полезную модель патентно-правовой монополией в соответствии с действующим антимонопольным законодательством, негативное воздействие на конкурентные отношения которого требует исключения или снижения;
4) национальная необходимость;
5) экстренная ситуация;
6) общественная необходимость;
7) необходимость использования в общественном здравоохранении, изобретения в области лекарственных средств. При этом порядок принудительного лицензирования при данном основании установлен «Мерами по осуществлению принудительного лицензирования, связанного с общественным здравоохранением КНР» от 01.01.2006 [Haijun Jin, 2009, 93].

Перечень оснований для принудительного лицензирования в КНР слишком широк. Вместе с тем, перечень оснований для принудительного лицензирования в РФ, предусмотренных ст. 1362 ГК РФ, представляется целесообразным дополнить следующими основаниями:

– национальная необходимость;
– необходимость использования в общественном здравоохранении, изобретения в области лекарственных средств.

Заключение

Таким образом, в настоящей статье автором был дан анализ особенностей распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав без договора, а также были высказаны предложения по совершенствованию российского гражданского законодательства в части процедуры принудительного лицензирования.

Следует отметить, поскольку исследуемая область имеет большой объем, автор не претендовал на создание труда, который бы охватил все аспекты рассматриваемой темы, а лишь попытался отметить ряд важных проблем и предложил возможные способы их решения.

Библиография

1. Административный регламент предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации перехода

исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронных вычислительных машин, базу данных без договора: утвержден приказом Минэкономразвития России от 30.09.2015 № 707: зарегистрирован в Минюсте России 25.12.2015 № 40246. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192025/

2. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. 973 с.
3. Гражданский кодекс РФ. Часть четвертая от 18.12.2006: принят Гос. Думой 24.11.2006: одобрен советом Федерации 08.12.2006 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2006 г. № 52. Ст. 5496.
4. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ (ред. от 02.07.2013): принят Гос. Думой 24.11.2006: одобрен советом Федерации 08.12.2006 // Российская газета. 2006. № 289.
5. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 12.03.2014 №35-ФЗ: принят Гос. Думой 25.02.2014: одобрен советом Федерации 05.03.2014 // Российская газета. 2014. № 59.
6. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации № 29 от 26.03.2009 // Российская газета. 2009. № 70.
7. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20.03.1883 // Публикация № 201 (R). Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1990.
8. Патентный закон КНР от 01.04.1985. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=178664
9. Правила государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора: утверждены Постановлением Правительства РФ от 24.12.2015 № 1416. URL: http://docs.cntd.ru/document/420326066
10. Тлявгулов Г.Р. Понятие распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 12А. С. 134-145.
11. Haijun Jin. Reality and Potentiality: compulsory patent licensing in China from a Comparative

perspective // European Intellectual Property Report. 2009. Issue 2. P. 93-100.

Non-contractual ways of disposing of exclusive rights to objects of patent rights

Gleb R. Tlyavgulov

Postgraduate,

Russian State Academy of Intellectual Property,

117279, 55a Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: tlyavgulov@rambler.ru

Abstract

The article considers the existing non-contractual ways of disposing of exclusive rights to objects of patent rights. The author notes that non-contractual ways of disposing of exclusive rights include such forms as the disposal of patent rights without a contract, such as inheritance; the rightholder's waiver of the exclusive right; transfer of exclusive rights to the object of patent rights in case of reorganization conducted by the right holder's decision; the right holder's decision to extend the validity of the exclusive right to an invention or industrial design; transfer of the right of the acquirer of the exclusive right; compulsory license. The author examines the most significant aspects of non-contractual ways of disposing of exclusive rights to objects of patent rights, observes the peculiarities of legal regulation of the disposal of patent rights without a contract, analyzes existing gaps in the legal regulation of these disposal methods, and also suggests possible ways of eliminating such gaps by amending the current Russian civil legislation. The methodology of the research is based on the use of both general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization, etc.) and private-scientific methods. The author concludes that the study area has a large scope, which does not allow for the description of all the features of the disposal of patent rights without an agreement in one article.

For citation

Tlyavgulov G.R. (2017) Vnedogovornye sposoby rasporyazheniya isklyuchitel'nymi pravami na ob"ekty patentnykh prav [Non-contractual ways of disposing of exclusive rights to objects of patent rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp.111-119.

Keywords

Disposal of exclusive rights, non-contractual ways of disposal of exclusive rights, patent,

objects of patent rights, state registration of the disposal of an exclusive right, compulsory license, universal legal succession.

References

1. *Administrativnyi reglament predostavleniya Federal'noi sluzhboi po intellektual'noi sobstvennosti gosudarstvennoi uslugi po gosudarstvennoi registratsii rasporyazheniya po dogovoru isklyuchitel'nym pravom na izobretenie, poleznuyu model', promyshlennyi obrazets, tovarnyi znak, znak obsluzhivaniya, zaregistrirovannye topologiyu integral'noi mikroskhemy, programmu dlya elektronnykh vychislitel'nykh mashin, bazu dannykh: utverzhden prikazom Minekonomrazvitiya Rossii ot 10.06.2016 № 371* [Administrative regulations for the provision by the Federal Service for Intellectual Property of a state service for the state registration of an order under the contract with the exclusive right to an invention, utility model, industrial design, trademark, service mark, registered topology of an integrated circuit, program for electronic computers, database: approved by the Order of the Ministry of Economic Development of Russia of June 10, 2016 No. 371]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192025/ [Accessed 30/05/17].
2. Gavrilov E.P., Eremenko V.I. (2009) *Kommentarii k chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow: Ekzamen Publ.
3. Grazhdanskii kodeks RF. Chast' chetvertaya ot 18.12.2006: prinyat Gos. Dumoi 24.11.2006: odobren sovetom Federatsii 08.12.2006 [Civil Code of the Russian Federation. Part Four of December 18, 2006: adopted by the State Duma on November 24, 2006: approved by the Federation Council on December 8, 2006] (2006). *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of Russian Federation Legislation. Art. 5496], 52.
4. Haijun Jin (2009) Reality and potentiality: compulsory patent licensing in China from a comparative perspective. *European Intellectual Property Report*, 2, pp. 93-100.
5. *O nekotorykh voprosakh, voznikshikh v svyazi s vvedeniem v deistvie chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF i Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 26.03.2009 № 5/29* [On some issues that arose in connection with the enactment of the Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Highest Court of Arbitration of the Russian Federation of March 26, 2009 No. 5/29]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86879/ [Accessed 30/05/17].
6. O vnesenii izmenenii v chasti pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 12.03.2014 №35-FZ: prinyat Gos. Dumoi 25.02.2014: odobren sovetom Federatsii 05.03.2014 [Amendments to the

first, second and fourth parts of the Civil Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of March 3, 2014 No. 35-FZ: adopted by the State Duma on February 25, 2014: approved by the Federation Council on March 5, 2014] (2014). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 59.

7. O vvedenii v deistvie chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 18.12.2006 № 231-FZ (red. ot 02.07.2013): prinyat Gos. Dumoi 24.11.2006: odobren sovetom Federatsii 08.12.2006 [On the implementation of the Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2006 No. 231-FZ (as amended on July 2, 2013): adopted by the State Duma on November 24, 2006: approved by the Federation Council on December 8, 2006] (2006). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 289.
8. Parizhskaya konventsiya po okhrane promyshlennoi sobstvennosti ot 20.03.1883 [Paris Convention for the Protection of Industrial Property, adopted in 1883] (1990). *Publikatsiya № 201 (R)* [Publication No 201 *(R)*]. Genève: WIPO, 1990.
9. *Patentnyi zakon KNR ot 01.04.1985* [Patent Law of the People's Republic of China of January 1, 1985]. Available at: http://www.wipo.int/wipolex/ en/text.jsp?file_id=178664 [Accessed 30/05/17].
10. *Pravila gosudarstvennoi registratsii rasporyazheniya isklyuchitel'nym pravom na izobretenie, poleznuyu model', promyshlennyi obrazets, tovarnyi znak, znak obsluzhivaniya, zaregistrirovannye topologiyu integral'noi mikroskhemy, programmu dlya EVM, bazu dannykh po dogovoru i perekhoda isklyuchitel'nogo prava na ukazannye rezul'taty intellektual'noi deyatel'nosti bez dogovora: utverzhdeny Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 24.12.2015 № 1416* [The rules of state registration of the disposal of the exclusive right to an invention, utility model, industrial design, trademark, service mark, registered topology of an integrated microcircuit, computer program, database on the contract and transfer of the exclusive right to the specified results of intellectual activity without an agreement: approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of December 24, 2015 No 1416]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/420326066 [Accessed 30/05/17].
11. Tlyavgulov G.R. (2016) Ponyatie rasporyazheniya isklyuchitel'nymi pravami na ob"ekty patentnykh prav [The concept of the disposal of the exclusive rights on the patent rights objects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 6 (12A), pp. 134-145.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.7

Обязательства по отчуждению будущих объектов недвижимости

Петрова Елена Анатольевна

Аспирант,

кафедра гражданского права,

Российский государственный университет правосудия,

117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;

e-mail: el-sidor@yandex.ru

Аннотация

Купля-продажа недвижимого имущества является неотъемлемой частью гражданско-правовых отношений в современном российском обществе. Соблюдение соответствующих правовых норм при совершении сделок купли продажи недвижимости не только обусловлено требованиями действующего законодательства, но и гарантирует сторонам договора соблюдение их прав и законных интересов.

Понятие недвижимого имущества и связанные с ним правоотношения являются предметом значительного числа научных и научно-практических дискуссий. В настоящее время особую актуальность приобретают вопросы защиты прав и законных интересов сторон при проведении таких сделок. Кроме того, актуальными являются вопросы применения договора купли-продажи с учетом наиболее выгодных условий для каждой из сторон при отчуждении будущих объектов недвижимости.

Актуальность исследования также обусловлена отсутствием комплексного правового обеспечения процесса купли-продажи будущей недвижимости при одновременном широком распространении данного рода отношений. Регулирование правоотношений, связанных с отчуждением объектов будущей недвижимости, требует тщательного исследования ввиду особого правового статуса таких объектов.

В данной статье рассматриваются особенности обязательств по отчуждению будущих объектов недвижимости, существенные условия договора купли-продажи объекта будущей недвижимости, а также основополагающие характеристики правового статуса объектов будущей недвижимости.

Для цитирования в научных исследованиях

Петрова Е.А. Обязательства по отчуждению будущих объектов недвижимости // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 120-128.

Ключевые слова

Будущая недвижимость, договор, купля-продажа, недвижимость, отчуждение.

Введение

Договоры, связанные с оборотом будущих объектов недвижимости, характеризуются высокой степенью специфичности по причине того, что правовой режим будущих объектов недвижимости отличается от режима уже существующих объектов. Будущие объекты, как следует из их названия и правового статуса, физически еще не существуют и ввиду этого не могут быть переданы в определенный момент при заключении договора по причине их юридической неоформленности за отчуждателем.

Согласно ст. 549 Гражданского кодекса РФ, сферой регулирования договора купли-продажи недвижимого имущества (договора продажи недвижимости) является обязанность продавца передать в собственность покупателя объект недвижимости, в качестве которого может выступать земельный участок, здание, сооружение, квартира, иное недвижимое имущество. Таким образом, договор купли-продажи недвижимого имущества является основанием возникновения двух обязательств: продавца – передать объект недвижимости и покупателя – принять объект недвижимости [Бабич, 139-143].

Статья 550 ГК РФ закрепляет обязательную письменную форму договора купли-продажи недвижимого имущества. Как следует из общих правил гражданского законодательства, несоблюдение обязательной письменной формы является основанием для признания договора недействительным, а сделки, сопровождаемой его заключением, – ничтожной.

Обязательства по отчуждению будущих объектов недвижимости

Обязанность по продаже будущей вещи предусматривает также действия по ее созданию или приобретению, которые, в свою очередь, не свойственны природе отношений по купле-продаже. Продажа недвижимости является договором об отчуждении индивидуально-определенного объекта; продажа будущей недвижимости налагает на продавца обязательства по созданию либо приобретению будущего объекта продажи.

Модель отчуждения будущего объекта предполагает заключение договора с обязательствами произвести отчуждение объекта, который еще отсутствует у отчуждателя в момент заключения договора. При этом подразумевается обязательство отчуждателя приобрести или создать такой объект в будущем. Указанное свойство является основополагающим фактором отличия данной модели от модели продажи под условием создания или приобретения, которая не подразумевает обязанности отчуждателя приобрести

или создать такой объект в будущем, а подразумевает обязательство передать вещь при условии ее создания или приобретения [Галустян, 2015, 24-27].

Таким образом, в качестве основного отличительного признака отношений купли-продажи будущей недвижимости следует рассматривать отсутствие ее в материальной форме на момент заключения договора. Очевидно, что обязательство продавца по созданию объекта недвижимости является его основным обязательством, вытекающим из такого договора.

Правовая природа договора продажи недвижимости, в том числе будущей, характеризуется следующими свойствами [Бацоев, Каболов, 2016, 78-282]:

– возмездность – договор предусматривает выплату продавцу покупателем денежных средств в размере стоимости объекта недвижимости;
– консенсуальность – данная характеристика предполагает начало действия договора с момента его подписания;
– взаимность – договор является основанием возникновения новых прав и обязанностей как для покупателя, так и для продавца.

Существенными условиями договора купли-продажи недвижимого имущества являются предмет договора и цена.

Статья 554 ГК РФ закрепляет порядок определения предмета договора. Так, договор должен содержать в себе сведения, позволяющие однозначно идентифицировать объект недвижимости; таким образом, необходимо наиболее полно описывать данный объект в целях исключения возможности разночтения и неверного определения свойств объекта. При этом особенно тщательно следует подходить к описанию объектов будущей недвижимости, строительный адрес которых может впоследствии измениться. В число указываемых сведений могут входить: адрес объекта, кадастровый номер, описание месторасположения, площадь земельного участка и т.п.

Цена имущества, согласно ч. 1 ст. 555 ГК РФ, выступает в качестве второго существенного условия договора купли-продажи недвижимости. При этом, согласно ч. 2 той же статьи, если отсутствует прямое указание на иное, цена объекта недвижимости, расположенного на земельном участке, включает в себя и стоимость передаваемого земельного участка. Кроме того, законодательством разрешено устанавливать цену как за объект в целом, так и за единицу его площади (ч. 3 ст. 555 ГК РФ) [Гафарова, 2014, 96-98].

Помимо существенных условий, договор купли-продажи недвижимого имущества может содержать прочие положения, присущие гражданско-правовым отношениям и необходимые для регламентации поведения продавца и покупателя в рамках совершаемой сделки: порядок расчетов, порядок передачи имущества, ответственность сторон, порядок урегулирования споров и т.д.

Таким образом, целью заключения договора купли-продажи недвижимого имущества является совершение сделки по передаче права собственности на объект недвижимости. На стадии составления договора в него необходимо включить, помимо существенных, все необходимые условия, которые позволят совершить сделку не только в соответствии с законодательством, но и с максимальной степенью комфорта для участвующих сторон. Невключение какого-либо условия в договор купли-продажи недвижимого имущества влечет за собой необходимость его определения в соответствии с действующим российским законодательством. ГК РФ однозначно определяет, что письменная форма договора является обязательной [Кочои, 2013, 105-107].

Отношения, направленные на отчуждение имущества, т.е. предусматривающие прекращение собственности одного лица с последующим переходом ее к другому лицу, являются предметом регулирования Гражданского кодекса. Так, согласно п. 2 ст. 218 ГК РФ, основанием приобретения права собственности может являться договор купли-продажи, мены, дарения или иной сделки. В части регулирования правоотношений, связанных с отчуждением объектов, остается открытым вопрос о том, что именно следует понимать под отчуждением или возможностью отчуждения прямо либо косвенно. Ни закон, ни разъяснения к нему не раскрывают определения указанных терминов [Галустян, 2014, 22-26].

Термин «отчуждение», как правило, применяется в случаях, когда необходимо обозначить момент перехода права собственности; при этом может иметь место не только факт непосредственно отчуждения имущества, но и наличествующая возможность такого отчуждения, которая, в свою очередь, возникает при заключении предварительного договора либо при возникновении отношений по аренде с правом последующего выкупа. Как видно из приведенного рассуждения, юридическим значением обладает не фактическая реализация отчуждения имущества, а возможность такой реализации.

Необходимо отметить, что отчуждение будущего объекта недвижимости теоретически может стать следствием любой сделки. Так, даже если исключить неблагоприятные последствия, связанные с невыполнением обязательства, заключение сделки может в результате вызвать отчуждение имущества по различным причинам.

Судебная практика показывает, что причиной признания договора незаключенным являются недостаточно точные характеристики будущего объекта.

Заключение

Таким образом, процедура отчуждения будущей недвижимости требует комплексного правового обеспечения ввиду значительной распространенности данного рода отношений. При определении предмета сделки могут возникать определенные сложности, поскольку в

момент совершения сделки вещь, являющаяся ее предметом, отсутствует, и дать ее точное описание в договоре невозможно. Данная специфика наиболее полно проявляется в рамках правоотношений, связанных с отчуждением зданий, сооружений и помещений, и в меньшей степени – земельных участков.

Библиография

1. Бабич Т.П. Существенные условия договора купли-продажи недвижимости // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5-4. С. 139-143.
2. Бацоев Т.А., Каболов В.В. Приобретение права собственности на жилые помещения // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 22. С. 278-282.
3. Белова Т.В. К вопросу о праве собственности на жилое помещение, приобретаемое с использованием средств материнского капитала // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 4 (37). С. 222-228.
4. Галустян А.А. Недействительность договора купли-продажи квартиры // Сукиасян А.А. (отв. ред.) Сборник статей Международной научно-практической конференции «Проблемы российского законодательства и международного права». Уфа, 2015. С. 24-27.
5. Галустян А.А. Основания признания договора купли-продажи жилых помещений недействительным // Сукиасян А.А. (отв. ред.) Сборник статей Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические аспекты правовых отношений». Уфа, 2014. С. 22-26.
6. Гафарова Р.М. Некоторые актуальные вопросы правового регулирования договора купли-продажи жилых помещений // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия «Экономика». 2014. № 1 (7). С. 96-98.
7. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 16.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14.
11. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008

№ 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

13. Кочои С.М. Нормы о мошенничестве в УК РФ: особенности и отличия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 105-107.

14. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.

15. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федер. закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.

Obligation to alienate future real estate objects

Elena A. Petrova

Postgraduate,

Department of civil law,

Russian State University of Justice,

117418, 69 Novocheremushkinskaya, Moscow, Russian Federation;

e-mail: el-sidor@yandex.ru

Abstract

Purchase and sale of real property is an integral part of civil relations in modern Russian society. Compliance with the relevant legal norms in transactions of sale and purchase of real estate not only due to the requirements of the current legislation, but also guarantees the parties their rights and legitimate interests. The concept of real estate and related legal relationships is a subject of a considerable number of scientific and practical discussions. Currently questions of protection of rights and legitimate interests of the parties in the conduct of such transactions are urgent. In addition, the questions of the agreement of purchase and sale with the most favorable conditions for each of the parties in disposing of the future of real estate become relevant. The relevance of the study due to a lack of comprehensive legal support of the process of sale of future property, when the simultaneous wide distribution of this kind of relationship. Regulation of legal relations related to alienation of objects of the future real estate requires careful study because of the special legal status of such objects. This article discusses the features of liabilities for the disposal of future real property, the essential terms of the contract of sale of future property, as well as the fundamental characteristics of legal status of objects of the future of real estate.

For citation

Petrova E.A. (2017) Obyazatel'stva po otchuzhdeniyu budushchikh ob"ektov nedvizhimosti [Obligation to alienate future real estate objects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 120-128.

Keywords

Future real estate, contract, buying and selling, real estate, alienation.

References

1. Babich T.P. (2014) Sushchestvennye usloviya dogovora kupli-prodazhi nedvizhimosti [Essential terms of the contract of purchase and sale of real estate]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki* [Theoretical and applied aspects of modern science], 5-4, pp. 139-143.
2. Batsoev T.A., Kabolov V.V. (2016) Priobretenie prava sobstvennosti na zhilye pomeshcheniya [Acquisition of ownership of residential premises]. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [Priority research areas: from theory to practice], 22, pp. 278-282.
3. Belova T.V. (2016) K voprosu o prave sobstvennosti na zhiloe pomeshchenie, priobretaemoe s ispol'zovaniem sredstv materinskogo kapitala [To the question of the right of ownership of the housing purchased by using funds of the parent capital]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* [Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business], 4 (37), pp. 222-228.
4. Gafarova R.M. (2014) Nekotorye aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya dogovora kupli-prodazhi zhilykh pomeshchenii [Some topical issues of legal regulation of the contract of sale of residential premises]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya "Ekonomika"* [Bulletin of the Ufa State Petroleum Technological University. Science, education, Economics. Series "Economics"], 1 (7), pp. 96-98.
5. Galustyan A.A. (2014) Osnovaniya priznaniya dogovora kupli-prodazhi zhilykh pomeshchenii nedeistvitel'nym] [Foundations for the recognition of the contract of sale of residential premises as invalid]. In: Sukiasyan A.A. (otv. red.) *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Teoreticheskie i prakticheskie aspekty pravovykh otnoshenii"* [Collected Articles of Int. Conf. "Theoretical and practical aspects of legal relations]. Ufa, pp. 22-26.
6. Galustyan A.A. (2015) Nedeistvitel'nost' dogovora kupli-prodazhi kvartiry [the invalidity of the contract of purchase and sale of apartments]. Sukiasyan A.A. (otv. red.) *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Problemy rossiiskogo zakonodatel'stva i mezhdunarodnogo prava"* [Collected articles of Int. Conf. "Problems of Russian legislation and international law"]. Ufa, pp. 24-27.

7. Gradostroitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2004 № 190-FZ (red. ot 29.07.2017) [Urban Development Code of the Russian federation No. 190-FZ of December 29, 2004 (as amended on July 29, 2017)] (2005). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 16)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 16)], 1.
8. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 29.07.2017) [Civil Code of the Russian Federation (part one) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on July 29, 2017) (1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 3301)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 3301)], 32.
9. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 28.03.2017) [Civil Code of the Russian Federation (part two) No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on March 28, 2017)] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 410*) [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 410)], 5.
10. Kochoi S.M. (2013) Normy o moshennichestve v UK RF: osobennosti i otlichiya [Standards on fraud in the criminal code of the Russian Federation: peculiarities and differences]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological magazine of the Baikal State University of Economics and Law], 4, pp. 105-107.
11. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote (referendum) on December 12, 1993)] (2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 4398)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4398)], 31.
12. O gosudarstvennoi registratsii nedvizhimosti: feder. zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ (red. ot 29.07.2017) [On state registration of real estate: Federal Law No. 218-FZ of July 13, 2015 (as amended on July 29, 2017)] (2015). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 4344)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4344)], 29.
13. O gosudarstvennoi registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim: feder. zakon ot 21.07.1997 № 122-FZ (red. ot 03.07.2016) [On state registration of rights to immovable property and transactions with it: Federal Law No. 122-FZ of July 21, 1997 (as amended on July 03, 2016)] (1997). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 3594)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 3594)], 30.
14. Zemel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 25.10.2001 № 136-FZ (red. ot 29.07.2017) [Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended on July 29, 2017)] (2001). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 4147)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4147)], 44.

15. Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2004 № 188-FZ (red. ot 29.07.2017) [Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ of December 29, 2004 (as amended on July 29, 2017)] (2005). *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 14)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 14)], 1.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.96

Корпоративность профессиональных юридических сообществ судей и адвокатов

Добрева Аннета Петкова

Аспирант,

кафедра судебной власти,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;

e-mail: anndobreva23@gmail.com

Аннотация

Корпоративность является одним из базовых принципов организации профессиональных юридических сообществ. Тем не менее, лишь небольшое число число научных работ посвящено специфике корпоративности профессиональных юридических сообществ, исполняющих публичные функции, а также критической оценке проблем данных сообществ, возникающих в связи с недостаточным учетом такой специфики. В статье рассмотрена корпоративность как форма организации профессиональных сообществ. Приводятся характерные черты корпоративности. Рассмотрены особенности корпоративности профессиональных юридических сообществ судей и адвокатов, обусловленные их конституционно значимыми публичными функциями по обеспечению доступа к правосудию и квалифицированной юридической помощи. Обосновывается необходимость разумного ограничения корпоративности профессиональных юридических сообществ. Выявлены некоторые актуальные проблемы корпоративной организации профессиональных юридических сообществ и предложены возможные пути их решения.

Для цитирования в научных исследованиях

Добрева А.П. Корпоративность профессиональных юридических сообществ судей и адвокатов // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 129-144

Ключевые слова

Корпоративность, профессиональные юридические сообщества, судейское сообщество, адвокатское сообщество, представители общественности.

Введение

Принцип корпоративности является одним из базовых принципов организации и деятельности профессиональных юридических сообществ, тесно связанным с принципами независимости и самоуправления. Как общекультурный феномен, корпоративность имеет междисциплинарный характер и довольно подробно исследована в целом ряде работ философов [Ширшов, 2013, 198-205; Филатов, 2009, 198-203; Тульчинский, 2009, 25-44], психологов [Бусыгина, 2011, 43-52], специалистов в области управления [Черноскутов, 2001, 56-61], правоведов [Резепкин, 2016, 78-81; Иванова, 2016, 11-16; Анисимов, Акинина, 2013, 97-108; Клеандров, 2012, 8-17], культурологов [Цукерман, 2016, 60-68], филологов [Евтушенко, 2013] и т. д. Тем не менее, несмотря на значительный объем литературы по теме корпоративности и растущую популярность корпоративной формы организации различных общественных институтов, четкого определения данного понятия ни в законодательстве, ни в научной литературе до сих пор не закрепилось.

Такая форма корпоративности, как корпоративность профессиональных юридических сообществ, характеризуется не только отсутствием устоявшегося определения, но и серьезным недостатоком исследований по данной теме. Между тем, необходимость в таких исследованиях существует и обусловлена проблемами корпоративного уклада, периодически возникающими в деятельности профессиональных юридических сообществ и способными нанести серьезный урон их независимости, подорвать доверие общества к их деятельности.

Критическая оценка принципа корпоративности профессиональных юридических сообществ

Чаще всего в научных исследованиях корпоративность профессиональных юридических сообществ рассматривается в рамках принципов их организации и деятельности и в лучшем случае ограничивается изложением сути принципа. В редких работах можно встретить критическую оценку принципа корпоративности. В основном такие оценочные исследования посвящены судейскому сообществу [Полудняков, 2003]. Можно предположить, что особое внимание именно к этому сообществу обусловлено специфической функцией судебной власти, требующей повышенных гарантий независимости и самостоятельности. Реализация Постановления ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» (далее – Концепция) позволила России сделать серьезный шаг на пути к сильной и самостоятельной судебной власти. Однако, как справедливо отметила А.А. Дроздова: «Любую реформу, в том числе и судебную можно считать завершенной, если есть соответствие между целями реформы, ее нормативной базой и внеинституциональными факторами,

обуславливающими ее развитие» [Дроздова, 2016]. Исходя из этого приходится констатировать, что не все задачи, поставленные Концепцией, были решены. Сохраняет актуальность задача обеспечения реальной независимости судей, что требует корректировки ряда аспектов корпоративной организации судейского сообщества. Среди таких аспектов можно выделить: повышение открытости судейского сообщества, изменение кадрового состава судейского корпуса, изменение механизма ротации председателей судов, ограничение их полномочий по распределению дел и др.

Адвокатское сообщество столкнулось с проблемой противостояния корпоративности и публично-правовых начал деятельности. 20 апреля 2017 г. был созван VIII Всероссийский съезд адвокатов, на котором делегатами была утверждена новая редакция Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА). Статья 9 КПЭА была дополнена ч. 5, расширяющей дисциплинарную ответственность адвоката за пределы собственно профессиональной деятельности и делающей недопустимой критику адвокатского сообщества его членами. Поправками, внесенными в ст. 25 КПЭА, устанавливается, что решение совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката может быть обжаловано в суд исключительно в связи с нарушением процедуры его принятия.

Надо полагать, поводом для внесения данных поправок стало дело адвоката И.Л. Трунова, публично раскритиковавшего недостатки действующей системы адвокатуры и лишенного в 2016 г. Советом Адвокатской палаты Московской области статуса адвоката за нарушение норм профессиональной этики [Адвоката Игоря Трунова…, www]. Однако 30 декабря 2016 г. Лефортовский районный суд восстановил И.Л. Трунова в членах Адвокатской палаты Московской области. Важно отметить, что принимая решение, суд исходил из того, что к критике деятельности публичных лиц применяются более широкие пределы, чем в отношении частных лиц (Решение Лефортовского суда по делу№ 02-5873/2016).

Понять дуальную природу корпоративности профессиональных юридических сообществ и вытекающие из этой дуальности проблемы можно, рассмотрев два взаимосвязанных аспекта: исторический, свойственный корпоративности как форме организации объединенных совместной деятельностью групп людей, и публичный, свойственный сообществам, осуществляющим социально значимые функции и выходящим в своей деятельности за пределы внутригрупповых интересов.

Профессиональные союзы получили широкое распространение уже в XIII-XIV вв. (в основном в Англии). Это были преимущественно гильдии купцов и ремесленников, целью которых являлась защита интересов и привилегий своих членов, отстаивание правовых и таможенных льгот, а также регулирование внутрикорпоративных отношений [Капто, 2004, 365]. А.С. Капто выделяет следующие характеристики классических корпоративных

организаций: приоритет узкогрупповых интересов в рамках определенных профессиональных структур; корпоративная, «цеховая» солидарность; корпоративная замкнутость; корпоративный эгоизм; подчеркнутая ритуальность; культ геральдики и символики, корпоративный престиж. При этом автор подчеркивает, что корпоративная солидарность имеет два измерения: позитивное (стремление корпорации защитить интересы своих членов, обеспечить их должный профессиональный уровень и т. п.) и негативное (выгораживание своих коллег за совершенные ими проступки, стремление «не выносить сор из избы») [там же, 363-364].

Если обратиться к словарным определениям понятия «корпоративность», то можно увидеть дефиниции, существенно отличающиеся не только по форме, но и по содержанию. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля под корпорацией понимается «община, общество, братство, товарищество, сословие, союз людей одного звания, ремесла» [Даль, 1994, 240]. Данное определение можно дополнить определением, предложенным в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова, и рассматривающим корпоративность в неразрывной связи с корпоративной честью и корпоративным духом [Ушаков, 1935, www]. Иная точка зрения на корпоративность предложена в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, которые определяют значение слова «корпоративный» как «узкогрупповой, замкнутый пределами корпорации; корпоративные интересы» [Ожегов, Шведова, www].

Именно на последствия этой «замкнутости» часто обращают свое внимание исследователи корпоративности. Весьма показательной в этом отношении является следующая цитата: «Корпоративная культура превращает трудовой коллектив в «сектантскую организацию», которая интенсивно культивирует свою собственную корпоративную (организационную) «религию», и нередко превращает его в «тоталитарное государство», где развита система механизмов репрессий и санкций» [Кузнецова, 2005, 7; Евтушенко, 2013, 70]. Схожие позиции представлены и в работах других авторов [Филатов, 2009, 200; Черноскутов, 2001, 508].

Не отрицая негативных сторон корпоративности, нельзя допускать и недооценки ее потенциала. Мы полностью разделяем точку зрения И.С. Бусыгиной, рассматривающей корпоративность как условие безопасности сообщества, «социальный клей», помогающий удержать его целостность, обеспечить стабильность его деятельности и объединить его участников не только по функциями деятельности, но также по межличностным отношениям и отношению к миссии и целям сообщества [Бусыгина, 2011, 45-46].

В связи с вышеизложенным возникают следующие вопросы: «Почему классическая, «замкнутая» модель корпоративной организации не в полной мере применима к профессиональным юридическим сообществам? Что должно препятствовать развитию

негативных аспектов корпоративности этих сообществ?»

Полагаем, суть ответов на данные вопросы должна заключаться в том, что принцип корпоративности профессиональных юридических сообществ (равно как и принципы независимости и самоуправления) нужно рассматривать через призму конституционно значимых публичных функций профессиональных юридических сообществ по обеспечению независимого отправления правосудия и оказания квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, возникает необходимость найти разумный баланс между публичной функцией профессиональных юридических сообществ и принципом корпоративности, на что обратил особое внимание Конституционный Суд РФ в одном из своих определений: «Особый правовой статус таких корпоративных образований, как адвокатские палаты субъектов Российской Федерации, предопределяет право федерального законодателя определить в законе принципы внутренней организации их деятельности, в том числе порядок формирования их органов, их структуру, порядок принятия ими решений с учетом, однако, необходимости обеспечения баланса между государственно-властными и внутрикорпоративными началами регулирования деятельности адвокатских палат» (Определение КС РФ № 211-О). В качестве примера соблюдения такого баланса можно привести другое постановление Конституционного Суда РФ, в котором подчеркивается, что проверка конституционности корпоративных нормативных актов, в том числе Кодекса судейской этики, не относится к его компетенции (Постановление КС РФ № 19-П).

Существенным ограничением принципа корпоративности в его узкогрупповом понимании является также такой аспект публичной сущности профессиональных юридических сообществ как открытость. Открытость обязательно предполагает гласность деятельности профессиональных юридических сообществ, ее известность неограниченному кругу лиц, и беспрепятственное наблюдение за нею общества [Воробьев, Еньков, Силков и др., 2008, 144]. В преамбуле Бангалорских принципов поведения судей подчеркивается, что «доверие общества к судебной системе, а также к авторитету судебной системы в вопросах морали, честности и неподкупности судебных органов играет первостепенную роль в современном демократическом обществе» (Бангалорские принципы поведения судей).

Одним из аспектов открытости является широкое участие общественности в деятельности профессиональных юридических сообществ. Особенно это справедливо в отношении профессионального сообщества судей как одного из самых закрытых профессиональных сообществ. Одним из первых, кто указал на необходимость открытости в деятельности судейского сообщества, стал российский юрист, публицист и писатель М.А. Филиппов. Еще в 1871 в работе «Судебная реформа в России» он критиковал корпоративность за такие ее негативные черты как отсталость, рутина, привилегии, нетерпимость и полагал, что причиной,

по которой проявляются все эти недостатки, является бессрочность выборов судей. Однако он видел способ решения этой проблемы не в отмене бессрочности, а в законодательстве, которое «должно изыскать такие меры, которые бы не делали это сословие совершенно замкнутым» [Филиппов, 1875]. По мнению В.И. Полуднякова, посредством общественности «судебная власть доведет до сведения всех, что судейская корпоративность существует, но не абсолютная, а достаточно разумная и взвешенная» [Полудняков, 2002, 82].

Важно отметить, что наличие представителей общественности в органах судейского сообщества необходимо для обеспечения баланса между независимостью судебной власти и возможностью осуществления общественного контроля над ее деятельностью, что является одной из ключевых задач органов судейского сообщества практически во всех странах. Такие представители юридической общественности как адвокаты, ученые, известные юристы входят в состав органов судейского самоуправления в США, Аргентине, Македонии, Испании, Бельгии и ряде других стран [Очередько, Ковбенко, 2015, 452-455].

Ради справедливости стоит отметить, что в России представители общественности представлены в таких органах судейского сообщества, как квалификационные коллегии судей и экзаменационные комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи (ФЗ № 30). Тем не менее, данные органы до сих пор не предусматривают в своем составе адвокатов. В качестве сравнения можно привести квалификационные комиссии адвокатских палат, включающих в свой состав двух судей (ФЗ № 63).

По нашему мнению, данный шаг выглядит вполне обоснованным в свете разработки новой судебной реформы. Эксперты Столыпинского клуба предлагают не только увеличить представительство и роль общественности в квалификационных коллегиях судей с целью предотвращения издержек корпоративности, но также ставят довольно амбициозную задачу привлечь до 2019 г. в судебный корпус не менее 1 000 адвокатов (к 2025 году доля адвокатов и прокуроров должна составить около 50%) [Дать вольную Фемиде…, www]. Такой шаг обусловлен не только необходимостью наладить диалог между профессиональными юридическими сообществами (хотя и это является очень важной задачей), но также преодолеть кризис доверия населения к судебной власти. Согласно результатам опроса, проведенного в ноябре 2016 года Всероссийским центром изучения общественного мнения, суды имеют наименьший рейтинг доверия общественных институтов. Только ¼ часть населения оценила их работу как «хорошую» и «скорее хорошую» [Оценка деятельности судов…, www].

Еще одним важным шагом на пути реформирования судейской корпорации должна стать поддержка Предложения Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека о мерах по обеспечению гарантий независимости

судей, гласности и прозрачности при осуществлении правосудия, особенно в части, касающейся отмены права председателей судов участвовать в процедурах отбора кандидатов на должности судей и распределять дела между судьями [Предложения Совета…, www].

Что касается адвокатуры, то здесь, по точному замечанию Г.Б. Мирзоева, любые предложения по ее реформированию «можно рассматривать только с одновременным восстановлением в адвокатуре подлинных демократических начал» [Адвокаты идут на поправку…, www]. В первую очередь это касается принципа выборности при формировании органов адвокатского самоуправления, которая, по словам президента Гильдии российских адвокатов, сегодня фактически отсутствует [там же].

Исходя из необходимости обеспечения демократических начал адвокатуры, следует также признать последние изменения КПЭА не соответствующими основополагающим принципам правового государства, поскольку данные изменения необоснованно и неограниченно расширяют пределы дисциплинарной ответственности адвокатов, ограничивают принцип равенства адвокатов и их право на свободу слова, лишают адвокатов права на судебную защиту и делают органы адвокатского сообщества «судьями в собственном деле».

Следующими направлениями совершенствования адвокатской корпорации могут и должны стать повышение качества юридического образования будущих адвокатов, его большая направленность на практические и этические аспекты деятельности, а также более тщательный отбор кадров. С.В. Филатов писал, что «если «общество знания» не метафора, то знание должно рассматриваться в качестве организующего принципа социальных связей, а не только как конститутивное ядро постиндустриальной экономики» [Филатов, 2009, 198]. Между тем, согласно аналитическому обзору «Юридическое образование в России: анализ количественных данных», российское юридическое образование характеризуется такими чертами как массовость, растущий спрос на заочную форму обучения, а также непрофильность вузов, готовящих юристов [Моисеева, 2015, 16-17], что не может не сказаться на уровне профессиональной подготовки молодых адвокатов.

Помимо необходимости обеспечения высокого уровня теоретической подготовки, нельзя забывать и о нравственных качествах адвокатов. А. Леви и А. Папкин предлагают включить в процедуру допуска к квалификационному экзамену проверку претендентов на соответствие профессионально-нравственным качествам [Леви, Папкин, 2003, www]. Не отрицая важности такого рода проверки, остается открытым вопрос о критериях оценки. В.Ю. Панченко и И.В. Пикулева предлагают два возможных подхода. Первый подход основан на методе исключения факторов, ведущих к профессиональной деформации личности (грубость, несдержанность, отсутствие мотивации и т. п.). Второй подход предполагает включение в Кодекс профессиональной этики адвоката необходимого набора личностных качеств [Панченко,

Пикулева, 2015, www]. В любом случае, какой бы вариант не был выбран, подходить к этому вопросу нужно весьма осторожно, тщательно проработав различные аспекты проверки, исключив из нее, насколько это возможно, факторы пристрастности.

Заключение

Корпоративность, являясь одним из базовых принципов организации профессиональных юридических сообществ, рассматривается как условие безопасности сообщества, «социальный клей», помогающий удержать его целостность, обеспечить стабильность его деятельности и объединить его участников не только по функциями деятельности, но также по межличностным отношениям и отношению к миссии и целям сообщества. В работе подчеркивается необходимость найти разумный баланс между публичной функцией профессиональных юридических сообществ и принципом корпоративности. В результате чего, выявлены актуальные проблемы корпоративной организации профессиональных юридических сообществ и предложены возможные пути их решения такие, как увеличение представительства и роли общественности в квалификационных коллегиях судей; обеспечение гарантии независимости судей, гласности и прозрачности правосудия; одновременное восстановление подлинных демократических начал в адвокатуре; признание несоответствия последних изменений КПЭА принципам правового государства; совершенствование адвокатской корпорации (повышение качества юридического образования будущих адвокатов, проверку претендентов на соответствие профессионально-нравственным качествам).

Библиография

1. Адвоката Игоря Трунова лишили статуса «за умаление престижа адвокатуры». URL: http://www.bbc.com/russian/news-36781550
2. Адвокаты идут на поправку. Защитники считают опасными изменения в адвокатском законе // Российская Газета. 2015. № 6754 (183). URL: https://rg.ru/2015/08/19/advocat.html
3. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Российская адвокатура: общая характеристика и принципы правозащитной деятельности // Мир политики и социологии. 2013. № 11. С. 97-108.
4. Бангалорские принципы поведения судей: Приняты 27.07.2006 Резолюцией 2006/23 Экономического и Социального Совета ООН). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=60356#0

5. Бусыгина И.С. Корпоративность как основание безопасности организации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 4. С. 43-52.
6. Воробьев А.В., Еньков А.Л., Силков П.Ю. и др. «Дело Йукоса» как зеркало русской адвокатуры (комплексное исследование в защиту российской адвокатуры и правосудия). М.: Изд-во «Идел-Пресс», 2008. 800 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Терра, 1994. 2732 с.
8. Дать вольную Фемиде: рецепты реформирования судебной системы от Алексея Кудрина и Бориса Титова. URL: https://realnoevremya.ru/articles/60123-recepty-reformirovaniya-sudebnoy-sistemy-ot-kudrina-i-titova
9. Дроздова А.А. Развитие судебной системы и судебной реформы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 95-102.
10. Евтушенко О.А. Корпоративность: современная характеристика организационной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-2 (23). С. 69-73.
11. Иванова В.В. Независимость российской адвокатуры // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1 (40). С. 11-16.
12. Капто А.С. Корпоративная этика // Безопасность Евразии. 2004. № 1. С. 363-375.
13. Клеандров М.И. Становление и развитие российских органов судейского сообщества // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 3. С. 8-17.
14. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят Всероссийским съездом адвокатов 31 янв. 2003 г. // Российская газета. 2005. № 222.
15. Кузнецова В.В. Реализация принципа корпоративности в английском групповом профессиональном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 22 с.
16. Леви А., Папкин А. Нравственные и этические требования к адвокату // Российская юстиция. 2003. № 3. URL: http://for-expert.ru/articles/rossiiskaya_justicia-3-2003.shtml
17. Моисеева Е. Юридическое образование в России: анализ количественных данных. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2015. 20 с.
18. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. ст. 1435.
19. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. ст. 2102.

20. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 02.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. ст. 1022.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12011
22. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 211-О. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71518148/
23. Оценка деятельности судов в РФ. URL: https://wciom.ru/database/open_projects/otsenka_deyatelnosti_sudov_v_rossii/
24. Очередько В.П., Ковбенко Н.Д. Органы судейского сообщества зарубежных стран // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 39. С. 452-455.
25. Панченко В.Ю., Пикулева И.В. О некоторых современных проблемах реформирования адвокатуры как основного института оказания квалифицированной юридической помощи // Адвокатская практика. 2015. № 6.
26. Полудняков В.И. Современная российская судебная реформа. На пути в мир правосудия. СПб.: Нева, 2002. 317 с.
27. Полудняков В.И. Эссе председателя городского суда Санкт-Петербурга. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 350 с.
28. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31. ст. 4809.
29. Предложения Совета о мерах по обеспечению гарантий независимости судей, гласности и прозрачности при осуществлении правосудия. URL: http://www.president-sovet.ru/files/37/38/37387b96adcfd4026b561a03257ae0ee.pdf
30. Резепкин А.М. Основополагающие начала российской адвокатуры // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2016. № 28. С. 78-81.
31. Решение Лефортовского районного суда г. Москвы по делу № 02-5873/2016 от 30.12.2016. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/civil/details/b7239b1f-b8d0-491a-b0e8-2d6e2663019f
32. Тульчинский Г.Л. Корпоративность как социальная технология и свободы, и ответственности // Философские науки. 2009. № 3. С. 25-44.
33. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: ОГИЗ, 1935. URL: http://enc-dic.com/ushakov/Korporativnyj-25336.html

34. Филатов С.В. Корпоративность в «обществах знания» // Эпистемология и философия науки. 2009. № 2 (20). С. 198-203.
35. Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Судоустройство. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Типография В. Тушнова, 1875. 340 с.
36. Цукерман Г.В. Корпоративность как объект культурологического осмысления: к постановке проблемы // Вестник культуры и искусств. 2016. № 2 (46). С. 60-68.
37. Черноскутов Н.И. Корпоративность как форма эффективного социального управления // Вестник Челябинского государственного университета. 2001. Т. 8. № 1. С. 56-61.
38. Ширшов И.Е. Сплоченная корпоративность и эмпатийная коммуникация в областях экономики, культуры и гуманитарного образования // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8 (54). С. 198-205.

Corporatism of professional legal communities of judges and lawyers

Anneta P. Dobreva

Postgraduate at the Department of Judiciary;
National Research University "Higher School of Economics",
101000, 20 Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: anndobreva23@gmail.com

Abstract

Corporatism is one of the basic principles of professional legal communities' organization. Nevertheless, only a small number of scientific works are devoted to the specifics of the corporate nature of professional legal communities performing public functions, as well as to a critical assessment of the problems of these communities arising from the insufficient consideration of this specificity. The article considers corporatism as a form of organization of professional communities. Characteristic features of corporatism are given. The peculiarities of corporatism of professional legal communities of judges and lawyers conditioned by their constitutionally significant public functions on providing access to justice and qualified legal assistance are considered. The necessity of a reasonable restriction of corporatism of professional legal communities is substantiated. Some actual problems of corporate organization of professional legal communities are revealed and possible ways of their solution are suggested.

For citation

Dobreva A.P. (2017) Korporativnost' professional'nykh yuridicheskikh soobshchestv sudei i advokatov [Corporatism of professional legal communities of judges and lawyers]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 7(7A), pp. 129-144

Keywords

Corporationism, professional legal communities, judicial community, advocacy community, representatives of the public.

References

1. *Advokata Igorya Trunova lishili statusa "za umalenie prestizha advokatury"* [Igor Trunov's lawyer was deprived of his status "for diminishing the prestige of the legal profession"]. Available at: http://www.bbc.com/russian/news-36781550 [Accessed 12/07/17].
2. Advokaty idut na popravku. Zashchitniki schitayut opasnymi izmeneniya v advokatskom zakone [Lawyers are on the mend. Defenders consider dangerous changes in Attorneys Law] (2015). *Rossiiskaya Gazeta* [Russian Gazette], 6754 (183). Available at: https://rg.ru/2015/08/19/advocat.html [Accessed 12/07/17].
3. Anisimov V.F., Akinina N.Yu. (2013) Rossiiskaya advokatura: obshchaya kharakteristika i printsipy pravozashchitnoi deyatel'nosti [Russian advocacy: general characteristics and principles of human rights activities]. *Mir politiki i sotsiologii* [World of Politics and Sociology], 11, pp. 97-108.
4. Bangalorskie printsipy povedeniya sudei: Prinyaty 27.07.2006 Rezolyutsiei 2006/23 Ekonomicheskogo i Sotsial'nogo Soveta OON) [Bangalore Principles of Judicial Conduct: adopted on July 27, 2006 by the UN Economic and Social Council Resolution 2006/23]. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=60356#0 [Accessed 12/07/17].
5. Busygina I.S. (2011) Korporativnost' kak osnovanie bezopasnosti organizatsii [Corporateness as the basis for the organization's security]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 14: Psychology], 4, pp. 43-52.
6. Chernoskutov N.I. (2001) Korporativnost' kak forma effektivnogo sotsial'nogo upravleniya [Corporatism as a form of effective social management]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 8 (1), pp. 56-61.
7. Dal' V.I. (1994) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language], Vol. 3. Moscow: Terra Publ.

8. *Dat' vol'nuyu Femide: retsepty reformirovaniya sudebnoi sistemy ot Alekseya Kudrina i Borisa Titova* [To give free Themis: recipes for the reform of the judiciary from Alexei Kudrin and Boris Titov]. Available at: https://realnoevremya.ru/articles/60123-recepty-reformirovaniya-sudebnoy-sistemy-ot-kudrina-i-titova [Accessed 12/07/17].
9. Drozdova A.A. (2016) Razvitie sudebnoi sistemy i sudebnoi reformy v Rossii [The Development of Judicial System and Judicial Reform in Russian Federation]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 3, pp. 95-102.
10. Evtushenko O.A. (2013) Korporativnost': sovremennaya kharakteristika organizatsionnoi kommunikatsii [Corporatism. Modern characteristic of organizational communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 5-2 (23), pp. 69-73.
11. Filatov S.V. (2009) Korporativnost' v "obshchestvakh znaniya" [Corporatism in "knowledge societies"]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2 (20), pp. 198-203.
12. Filippov M.A. (1875) *Sudebnaya reforma v Rossii. Sudoustroistvo* [Judicial reform in Russia. Shipbuilding], Vol. 1, P. 1. St. Petersburg: Tipografiya V. Tushnova Publ.
13. Ivanova V.V. (2016) Nezavisimost' rossiiskoi advokatury [Independence of the Russian Bar Association]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries], 1 (40), pp. 11-16.
14. Kapto A.S. (2004) Korporativnaya etika [Corporate Ethics]. *Bezopasnost' Evrazii* [Security of Eurasia], 1, pp. 363-375.
15. Kleandrov M.I. (2012) Stanovlenie i razvitie rossiiskikh organov sudeiskogo soobshchestva [Formation and development of the Russian bodies of the judiciary community]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal researches], 3, pp. 8-17.
16. Kodeks professional'noi etiki advokata: prinyat Vserossiiskim s"ezdom advokatov 31 yanv. 2003 g. [Code of professional ethics of Advocates: adopted by the All-Russian Congress of Lawyers 31 January 2003] (2005). *Rossiiskaya gazeta* [Russian Gazette], 222.
17. Kuznetsova V.V. (2005) *Realizatsiya printsipa korporativnosti v angliiskom gruppovom professional'nom diskurse. Doct. Diss. Abstract* [Realization of the corporative principle in English professional group discourse. Doct. Diss. Abstract]. Irkutsk.
18. Levi A., Papkin A. (2003) Nravstvennye i eticheskie trebovaniya k advokatu [Moral and ethical requirements for lawyers]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 3. Available at: http://for-expert.ru/articles/rossiiskaya_justicia-3-2003.shtml [Accessed 12/07/17].
19. Moiseeva E. (2015) *Yuridicheskoe obrazovanie v Rossii: analiz kolichestvennykh dannykh* [Legal

education in Russia: analysis of quantitative data]. St. Petersburg: Institute for the Rule of Law at the European University (Saint-Petersburg) Publ.

20. O Kontseptsii sudebnoi reformy v RSFSR: Postanovlenie VS RSFSR ot 24.10.1991 No. 1801-1 [The Resolution of the Supreme Council of USSR of 24.10.1991 № 1801-1 "On the Conception of Court Reform in RSSR"] (1991). *Vedomosti SND i VS RSFSR. St. 1435* [Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation (Art. 1435], 44.
21. Ob advokatskoi deyatel'nosti i advokature v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 31.05.2002 No. 63-FZ (red. ot 29.07.2017) [On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation: the Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of May 31, 2002 (as amended on 02.06.2016)] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 2102* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 2102)], 23.
22. Ob organakh sudeiskogo soobshchestva v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 14.03.2002 No. 30-FZ (red. ot 02.06.2016) [On the bodies of the judicial community in the Russian Federation: Federal Law No. 30-FZ of March 14, 2002 (as amended on 02.06.2016)] (2002). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 1022* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 1022)], 11.
23. Ochered'ko V.P., Kovbenko N.D. (2015) Organy sudeiskogo soobshchestva zarubezhnykh stran [Bodies of the judicial community of foreign countries] (2015). *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State Agrarian University], 39, pp. 452-455.
24. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 26.01.2017 No. 211-O [Order of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 211-O of 26 January 2017]. Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71518148/ [Accessed 12/07/17].
25. *Otsenka deyatel'nosti sudov v RF* [Assessment of the activities of courts in the Russian Federation]. Available at: https://wciom.ru/database/open_projects/otsenka_deyatelnosti_sudov_v_rossii/ [Accessed 12/07/17].
26. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12011 [Accessed 12/07/17].
27. Panchenko V.Yu., Pikuleva I.V. (2015) O nekotorykh sovremennykh problemakh reformirovaniya advokatury kak osnovnogo instituta okazaniya kvalifitsirovannoi yuridicheskoi pomoshchi [On some modern problems of reforming the Bar as the main institution for providing qualified legal assistance]. *Advokatskaya praktika* [Advocacy practice], 6.
28. Poludnyakov V.I. (2002) *Sovremennaya rossiiskaya sudebnaya reforma. Na puti v mir*

pravosudiya [Modern Russian judicial reform. On the way to the world of justice]. St. Petersburg: Neva Publ.

29. Poludnyakov V.I. (2003) *Esse predsedatelya gorodskogo suda Sankt-Peterburga* [The essay of the chairman of the city court of St. Petersburg]. St. Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ.
30. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.07.2011 No. 19-P [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.07.2011 No. 19-P] (2011). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 4809* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4809)], 31.
31. Predlozheniya Soveta o merakh po obespecheniyu garantii nezavisimosti sudei, glasnosti i prozrachnosti pri osushchestvlenii pravosudiya [Council proposals on measures to guarantee the independence of judges, transparency and transparency in the administration of justice]. Available at: http://www.president-sovet.ru/files/37/38/37387b96adcfd4026b561a03257ae0ee.pdf [Accessed 12/07/17].
32. Reshenie Lefortovskogo raionnogo suda g. Moskvy po delu No. 02-5873/2016 ot 30.12.2016 [Decision of the Lefortovo District Court of Moscow in the case No. 02-5873 / 2016 of 30 December 2016]. Available at: https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/civil/details/b7239b1f-b8d0-491a-b0e8-2d6e2663019f [Accessed 12/07/17].
33. Rezepkin A.M. (2016) Osnovopolagayushchie nachala rossiiskoi advokatury [Fundamentals of the Russian Bar Association]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law Academy], 28, pp. 78-81.
34. Shirshov I.E. (2013) Splochennaya korporativnost' i empatiinaya kommunikatsiya v oblastyakh ekonomiki, kul'tury i gumanitarnogo obrazovaniya [Complex corporatism and empathic communication in the areas of economy, culture and humanities education]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and economic phenomena and processes], 8 (54), pp. 198-205.
35. Tsukerman G.V. (2016) Korporativnost' kak ob"ekt kul'turologicheskogo osmysleniya: k postanovke problemy [Corporatism as an object of cultural understanding: to the formulation of the problem]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts], 2 (46), pp. 60-68.
36. Tul'chinskii G.L. (2009) Korporativnost' kak sotsial'naya tekhnologiya i svobody, i otvetstvennosti [Corporatism as a social technology of freedom and responsibility]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 3, pp. 25-44.
37. Ushakov D.N. (1935) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictio-nary of the Russian language]. Moscow: Association of state book and magazine publishing houses Publ. Available at: http://enc-dic.com/ushakov/Korporativnyj-25336.html [Accessed 12/07/17].

38. Vorob'ev A.V., En'kov A.L., Silkov P.Yu. et al. (2008) *"Delo Iukosa" kak zerkalo russkoi advokatury (kompleksnoe issledovanie v zashchitu rossiiskoi advokatury i pravosudiya)* ["Yukos Case" as a mirror of the Russian Bar Association (a comprehensive study in defense of the Russian legal profession and justice)]. Moscow: Idel-Press Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.717

Некоторые аспекты статуса вынужденных мигрантов как субъектов-получателей социально-обеспечительных предоставлений

Кручек Ирина Владимировна

Преподаватель,
кафедра гражданско-правовых дисциплин,
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
295006, Российская Федерация, Республика Крым, Симферополь,
ул. Павленко / пер. Студенческий, 5/2;
e-mail: kruchek.irina@gmail.com

Аннотация

Масштабы и сложности современной миграции диктуют необходимость научного осмысления не только проблематики правового регулирования социального обеспечения вынужденных мигрантов (беженцев и переселенцев), но и его организации. Целью статьи является анализ отдельных аспектов статуса лиц, ищущих убежище, и экологических мигрантов с позиции права социального обеспечения, степень научной разработанности которых в настоящее время недостаточна. Автор высказывает свои предположения о путях совершенствования механизма социального обеспечения вынужденных мигрантов: беженцев, вынужденных переселенцев, лиц, ищущих убежище, и экологических мигрантов. В работе использован метод анализа документов и официальных материалов, а также общие методы юридической науки – формально-правовой и исторически-правовой. В отличие от правового статуса беженца и вынужденного переселенца, которые детально проработаны как в российском законодательстве, так и в международном праве, правовой статус лиц, ищущих убежище, и экологических мигрантов ни в международном праве, ни в законодательстве Российской Федерации не определен. Рассматривая правовой статус беженца и вынужденного переселенца в том виде, в котором он зафиксирован в Российском законодательстве, автор вносит ряд конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования социального обеспечения экологических мигрантов и лиц, ищущих убежище.

Для цитирования в научных исследованиях

Кручек И.В. Некоторые аспекты статуса вынужденных мигрантов как субъектов-получателей социальнообеспечительных предоставлений // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 145-159

Ключевые слова

Экологический мигрант; лицо, ищущее убежище; пособие; компенсация, социальные выплаты.

Введение

Сложившиеся в современном мире характер, структура и объем вынужденной миграции обуславливают необходимость более пристального изучения правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев как субъектов права социального обеспечения.

В результате эволюции международно-правового регулирования положения и социального обеспечения беженцев и переселенцев под влиянием конвергенции международного и российского законодательства сегодня национальные гарантии социально-экономического статуса беженцев и вынужденных переселенцев соответствуют положениям Конвенции ООН от 28 июля 1951 года «О статусе беженцев», к которой Россия присоединилась в декабре 1992 года.

Конкретный механизм реализации прав беженцев и переселенцев на социальное обеспечение устанавливается национальным законодательством, состоящим из федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов федерального уровня, в которых, как правило, определяются условия, порядок предоставления тех или иных видов социального обеспечения, их размеры и порядок индексации.

Конституционные основы правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации заждутся на принципе национального режима, который предполагает предоставление иностранным гражданам такого же правового режима, какой предоставляется российским гражданам. В своих правах на социальное обеспечение, в том числе на пенсии, пособия, льготы, социальные и медицинские услуги, все граждане равны независимо от пола, расы, национальности, возраста и иных факторов.

В соответствии с Конвенцией о статусе беженцев государство, ратифицировавшее Конвенцию, обязано предоставлять беженцам меры социальной поддержки только в том случае, если они получили статус беженца или переселенца, и, в соответствии с национальным законодательством, вправе пользоваться всеми видами социального обеспечения в полном объеме, установленном для российских граждан, только в течение периода наличия у них

этого статуса. Установление, изменение и прекращение статуса регулируется исключительно уполномоченным государственным органом Российской Федерации.

Так, например, лицо, обратившееся за назначением страховой или государственной пенсии, страхового или государственного пособия, семьям с детьми, должно предъявить документ, удостоверяющий гражданство Российской Федерации. Иностранный гражданин или лицо без гражданства предъявляет документы, подтверждающие законность нахождения его на территории Российской Федерации (действительный вид на жительство), а также документ (отметку) о регистрации по месту жительства или по месту пребывания (Приказ ФМС России № 215).

Особенности статуса беженца и переселенца как субъекта социально обеспечительных правоотношений

Для законодательства РФ в области социального обеспечения, в основном, характерен единообразный подход к беженцам и вынужденным переселенцам. Но, в отличие от беженцев, которым особый правовой статус необходим в силу того, что они утратили защиту своей собственной страны и вынуждены искать ее на территории чужого государства, вынужденные переселенцы не нуждаются в особом статусе, т. к. продолжают оставаться гражданами данного государства, не покидают его территорию и не утрачивают свои права на социально-обеспечительные предоставления по законодательству своего государства. В этом случае речь идет только о предоставлении им дополнительных гарантий и упрощении или оптимизации процедур их предоставления в связи или в условиях вынужденного оставления места жительства и обустройства в местах переселения.

Согласно ст. 4 ФЗ № 4528-1 решение о признании лица беженцем принимает соответствующий территориальный орган МВД в течение трех месяцев со дня регистрации ходатайства гражданина о признании его в этом качестве.

Лицу, признанному беженцем или вынужденным переселенцем, выдается соответствующее удостоверение беженца или вынужденного переселенца, форма и порядок выдачи которого определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, и которое действительно на территории всей Российской Федерации.

Статус вынужденного переселенца предоставляется на пять лет, и этот срок может быть продлен в заявительном порядке на каждый последующий год в случае, если имеются обстоятельства, препятствующие его обустройству на новом месте жительства.

На основании вышеизложенного представляется справедливым вывод о том, что установленные Конституцией РФ гарантии социального характера для вынужденных мигрантов не распространяются на лиц, которые имеют намерение получить статус беженца в

Российской Федерации.

Проблемы правового регулирования лиц, ищущих убежище, и экологических мигрантов еще на стали предметом научного изучения. Большинство исследований посвящено анализу вопросов вынужденной миграции, относящихся к диалектико-материалистическому пониманию истории или к причинам демографических проблем, направлений национальной миграционной политики. В научных трудах по праву социального обеспечения рассмотрены общие условия доступа вынужденных мигрантов к социально-экономическим правам, в том числе к социальному обеспечению [Карташкин, 2011, 275].

В связи с вышеизложенным, представляется своевременным вынести на рассмотрение вопрос о статусе и проблемах социального обеспечения экологических мигрантов и лиц, ищущих убежище, которые также подпадают под мандат Управления Верховного комиссара ООН.

Лица, ищущие убежище, Д.К. Бекяшевым определяются как лица, которые претендуют на признание за собой статуса беженца, однако в силу определенных причин еще не приобрели его [Бекяшев, 2015, 8].

В научной периодике высказывалось мнение о том, что к категории лиц, ищущих убежище, могут быть отнесены:

1) лица, бегущие от преследований, которые не достигли предполагаемого государства убежища или, оказавшись на его территории, еще не заявили о предоставлении убежища;
2) лица, подавшие ходатайство о признании беженцами;
3) лица, в отношении которых отсутствует возможность применить надлежащую процедуру рассмотрения ходатайств о признании беженцами, например, в результате «массового исхода»;
4) лица, ищущие убежище, которым была предоставлена временная защита в форме временного убежища;
5) лица, не получившие убежища по причине нерешенности вопроса о государстве убежища (так называемые пинг-понг беженцы);
6) лица, чьи ходатайства о признании беженцами были отклонены [Иванов, Бобринский, 2009, 27].

Представляется, что предложенная классификация для рассмотрения вопроса о сближении статуса беженцев, переселенцев и лиц, ищущих убежище, с точки зрения права социального обеспечения нуждается во внутренней дифференциации. В указанном круге лиц можно выделить:

1) группу лиц, вступивших в процедурные отношения, связанные с доказыванием права на социально обеспечительные предоставления (лица, подавшие ходатайства о

признании беженцами; лица, ищущие убежище, которым была предоставлена временная защита в форме временного убежища);

2) лица, для установления статуса беженца которых нет законных оснований (лица, в отношении которых отсутствует возможность применить надлежащую процедуру рассмотрения ходатайств о признании беженцами, например в результате «массового исхода» и лица, чьи ходатайства о признании беженцами были отклонены);

3) лица, которые покинули страну пребывания, но еще не обратились или не имели возможности обратиться за установлением статуса беженца в государстве предполагаемого убежища в силу определенных как значимые на законодательном уровне причин (лица, бегущие от преследований, которые не достигли предполагаемого государства убежища или, оказавшись на его территории, еще не заявили о предоставлении убежища и лица, не получившие убежища по причине нерешенности вопроса о государстве убежища).

С учетом вышесказанного о безусловной необходимости наличия соответствующего статуса у гражданина для признания его субъектом правоотношений по социальному обеспечению, принимая во внимание, что статус может быть установлен или изменен только государством в лице уполномоченного органа государственной власти и только в порядке, установленном действующим законодательством, представляется, что лица, из числа ищущих убежище, объединенные нами в группы 2 и 3, не могут выступать в качестве субъектов в правоотношениях по социальному обеспечению. Помощь и поддержка, как в денежной, так и в натуральной форме, им может быть оказана, например, в рамках региональных программ социальной защиты населения, которые создаются на региональном и местном уровнях, как правило, на основе категориального или адресно-категориального подхода с использованием различных критериев нуждаемости, и реализуются за счет средств субъекта федерации или местного бюджета соответственно.

Что касается лиц, ищущих убежище, которых мы включили в первую группу, то социально обеспечительные предоставления им, по нашему мнению, возможно предусмотреть в рамках такой организационно-правовой формы социального обеспечения как государственная социальная помощь, на региональном уровне – как расходное обязательство субъекта Российской Федерации, с учетом таких критериев нуждаемости, как, например, малообеспеченность, наличие у одинокого родителя несовершеннолетних детей, преклонный возраст и отсутствие родственников, обязанных по закону содержать лицо.

Предложения по совершенствованию социального обеспечения

вынужденных мигрантов

В настоящее время лицу, получившему свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу, а также лицу, получившему свидетельство о регистрации ходатайства о признании его вынужденным переселенцем, выплачивается единовременное денежное пособие, размер которого незначителен, даже с учетом увеличения его размера на каждого прибывшего с ним несовершеннолетнего члена семьи в возрасте до восемнадцати лет, а также в случае признания лица малообеспеченным по 100% и на 50% соответственно (Постановления Правительства РФ № 484, № 724).

Кроме этого, лицам, получившем свидетельство о регистрации ходатайства о признании их вынужденными переселенцами, оказывается содействие в обеспечении их проезда и провоза багажа к месту временного поселения (месту пребывания) путем выдачи направления на приобретение в транспортной организации за счет собственных средств билетов и багажных квитанций. Представляется, что эта мера социальной поддержки при современном уровне обслуживания на транспорте, как пригородного, так и дальнего сообщения, утратила актуальность.

Малообеспеченные лица, получившие свидетельство о регистрации ходатайства о признании их вынужденными переселенцами, имеют право еще и на компенсацию расходов на проезд и провоз багажа (не более 100 кг на одного человека) от места регистрации ходатайства о признании вынужденным переселенцем к месту временного поселения (месту пребывания) в размере, не превышающем стоимость проезда определенного законодательством уровня комфортности в разрезе вида транспорта (Постановление Правительства РФ от № 713).

В процедурные правоотношения по предоставлению вышеуказанных предоставлений вовлечено достаточно большое число государственных органов и служб, созданных для решения задач, находящихся за пределами сферы социального обеспечения: территориальные органы Министерства внутренних дел Российской Федерации, транспортные организации.

Таким образом, представляется справедливым вывод о том, что сложившаяся в РФ в начале девяностых годов прошлого столетия и не претерпевавшая существенных изменений ни в части объема социально обеспечительных мер, ни в части повышения их размеров, система мер социальной поддержки беженцев и переселенцев, теряет актуальность. Несоблюдение баланса между сложностью социально обеспечительной процедуры и незначительностью размеров социально обеспечительных предоставлений не способствует повышению эффективности реализации материально-правовых норм. Указанные пособия и

компенсации как самостоятельные виды социального обеспечения перестают быть наполненными реальным содержанием и не могут играть в такого рода жизненных ситуациях ту существенную роль, какую должны выполнять и выполняют многие социально обеспечительные предоставления (пенсии, пособия, и т. д.) в контексте основных функций социального обеспечения.

Принимая во внимание научную полемику по вопросу о разграничении пособий и компенсационных выплат как самостоятельных видов социального обеспечения и разделяя точку зрения Н.Л. Смирновой, согласно которой основное отличие заключается в самой сущности пособий и компенсационных выплат [Смирнова, 2002, 62], представляется необходимым отметить следующее. Для того чтобы эти компенсационные выплаты не растворились в системе пособий и укрепили свой статус самостоятельного вида социальных выплат, на законодательном уровне необходимо учитывать и развивать особую природу этих предоставлений как адекватного механизма восстановления имущественного положения, возмещения фактически понесенных расходов в случаях, признаваемых государством социально значимыми. В нормативно-правовых актах должна явно прослеживаться именно компенсаторная функция. Компенсации должны соответствовать стоимости (фактической или условной) тех затрат, для возмещения которых они предназначены.

Для современного этапа развития права социального обеспечения характерен отказ от категориального критерия дифференциации социального обеспечения нуждающихся граждан и конкретизация круга обеспечиваемых посредством принципа адресности, в результате которого социальное обеспечение предоставляется действительно нуждающимся лицам. Но к таким субъектам-получателям социально-обеспечительных предоставлений, как беженцы и вынужденные переселенцы, в значительной степени продолжает применяться категориальный подход, в котором, однако, все ярче прослеживаются элементы адресности путем применения такого критерия как малообеспеченность, ограничивающая круг лиц, нуждающихся в социальном обеспечении.

Считаем необходимым подчеркнуть, что в данном контексте понятие нуждаемости рассматривается как доктринальная категория, которая представляет собой общую, включающую и традиционные страховые риски, предпосылку для реализации в отношении субъекта-получателя мер социального обеспечения.

Конституционные гарантии социального характера не распространяются и на лиц, принадлежащих к категории, которая с начала девяностых годов прошлого столетия получила название «экологические мигранты». По ряду оценок, высказанных, например, на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), численность

экологических мигрантов уже в девяностые годы превысила численность «классических» беженцев [Булешева, 2007, 56; Костыря, 2006, 64].

Правовой статус жертв экологических катастроф и экологических мигрантов ни в международном праве, ни в законодательстве Российской Федерации не определен.

Наиболее часто в юридической литературе экологическую миграцию определяют как разновидность вынужденной миграции. Так, например, в докладе Глобальной комиссии по международной миграции дано следующее определение: экологические мигранты – это люди, которые были вынуждены переселяться вследствие экологических катастроф [Миграция во взаимосвязанном мире…, 2006, 64].

Субъектами-получателями в праве социального обеспечения являются лица, пострадавшие от катастроф техногенного характера. Более того, в данном случае речь идет о гражданах, пострадавших от радиационного воздействия, вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча и др.

Сравнительный анализ правового статуса экологического мигранта и вынужденного мигранта (беженца и переселенца) позволяет утверждать, что в обоих случаях причиной оставления места жительства являются обоснованные опасения за свою жизнь и здоровье или жизнь и здоровье членов совей семьи. Напомним, что одним из важнейших элементов определения беженца является то, что человек испытывает вполне обоснованные опасения за свою жизнь и здоровье или жизнь и здоровье своих близких и это его состояние подкреплено объективной ситуацией. Произошедшая экологическая катастрофа или постепенное ухудшение экологической обстановки в месте постоянного проживания экологических мигрантов, согласно высказываемому в научной периодике мнению, может быть отнесена к такой объективной ситуации [Евтушенко, 2009, 126].

В этом случае конституционно закрепленная обязанность государства по гарантированию социального обеспечения нуждающихся граждан, обуславливается тем, что государство обязано нести ответственность за необеспечение безопасности жизни и здоровья своих граждан (Конституция РФ, ст. 42).

Заключение

Проанализировав правовой статус вынужденного мигранта в том виде, в котором он зафиксирован в Российском законодательстве, представляется целесообразным и своевременным рассмотреть следующие вопросы:

1) об определении понятия лица, ищущего убежище, установив, что лицом, ищущим

убежище, является лицо, которое претендует на признание за собой статуса беженца, подало ходатайство о признании беженцем в установленном порядке, однако еще не приобрело его в связи с тем, что ходатайство о признании лица беженцем находится на рассмотрении компетентного органа; а также лицо, которому была предоставлена временная защита в форме временного убежища;

2) о предоставлении мер социальной поддержки лицам, ищущим убежище, в виде государственной социальной помощи на региональном уровне;

3) об использовании при установлении мер социальной поддержки для лиц, ищущих убежище, таких критериев нуждаемости, как малообеспеченность, преклонный возраст и отсутствие родственников, обязанных по закону содержать лицо, наличие у одинокого родителя несовершеннолетних детей и др., обеспечивающих как усиление адресности социальной поддержки нуждающихся граждан, так и адресность использования бюджетных средств в целях создания адекватного механизма восстановления имущественного положения вынужденного мигранта, возмещения ему фактически понесенных расходов.

4) об определении понятия экологического мигранта, установив, что экологический мигрант – это лицо, которое вынуждено покинуть свое постоянное место жительства в силу вполне обоснованных опасений причинения вреда здоровью вследствие произошедшей экологической катастрофы либо вследствие постоянно ухудшающейся экологической обстановки;

5) о сближении статуса вынужденного переселенца со статусом экологического мигранта как субъекта правоотношений по социальному обеспечению, определив право экологического мигранта на дополнительные социально-обеспечительные предоставления и упрощение или оптимизацию процедур их предоставления в условиях вынужденного оставления места жительства и обустройства в местах переселения.

Библиография

1. Бекяшев Д.К., Иванов Д.В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции. М.: Проспект, 2015. 392 с.
2. Булешева Д.Д. Экологическая миграция сегодня: проблемы и возможные решения // Управление персоналом. 2007. № 15. С. 49-51.
3. Евтушенко В.И. Особенности правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев и экологических мигрантов: сравнительно-правовой анализ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 10. С. 125-129.

4. Иванов Д.В., Бобринский Н.А. Правовой статус лиц, ищущих убежище в современном международном праве. М.: Стаут, 2009. 301 с.
5. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. 288 с.
6. Конвенция о статусе беженцев: принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
8. Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности: Доклад Глобальной комиссии по международной миграции. М.: Оргсервис-2000, 2006. 64 с.
9. О беженцах: Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-I. URL: http://base.garant.ru/10105682/
10. О порядке оказания содействия лицам, получившим свидетельство о регистрации ходатайства о признании их вынужденными переселенцами, и вынужденным переселенцам в обеспечении проезда и провоза багажа, а также выплаты соответствующей компенсации малоимущим лицам из числа указанных граждан (с изменениями на 10 августа 2016 года): Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 713 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 50. Ст. 5063.
11. О размерах единовременного денежного пособия и Порядке его выплаты лицу, получившему свидетельство о регистрации ходатайства о признании его вынужденным переселенцем: Постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 724 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1997. № 25. Ст. 2943.
12. О размере единовременного денежного пособия и порядке его выплаты лицу, получившему свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу: Постановление Правительства РФ от 23 мая 1998 г. № 484 в ред. от 25 мая 2017 г. № 631 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2017. № 23. Ст. 3330.
13. Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации: Приказ ФМС России от 22 апреля 2013 г. № 215. URL: http://base.garant.ru/70575626/
14. Смирнова Н.Л. Пособия по временной нетрудоспособности как вид страхового

обеспечения по праву социального обеспечения современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2002. 222 с.

Some aspects of the forced migrant status as recipients of social security grants

Irina V. Kruchek

Lecturer,

Department of civil and legal disciplines,

Crimean branch of the Russian State University of Justice,

295006, Russian Federation, Republic of Crimea,

Pavlenko str. / Studenchesky ln., 5/2;

e-mail: kruchek.irina@gmail.com

Abstract

The scale and complexity of modern migration dictate the necessity of scientific understanding not only of the problems of legal regulation of social security of forced migrants (refugees and immigrants) and its organization. The purpose of this article is analysis of certain aspects of the status of asylum seekers and ecological migrants from the position of social security law, the degree of scientific elaboration of which is currently insufficient. The author gives own suggestions concerning the ways of improving the mechanism of social security of forced migrants: refugees, forced migrants, asylum seekers and ecological migrants. Method of analysis of documents and official materials, and also general methods of legal science – the formal-legal and historical-legal are used in this article. In contrast to the legal status of refugee and forced migrant, which are elaborated in the Russian legislation and international law, the legal status of asylum seekers and environmental migrants neither in international law, nor in Russian legislation is not defined. Only some of legal provisions in different legislative acts of the Russian Federation partially regulate some legal aspects of the problem. Considering the legal status of refugee and forced migrant in the form in which they are fixed in the Russian legislation, the author makes a number of specific proposals concerning the improvement of legal regulation of social security of environmental migrants and asylum seekers.

For citation

Kruchek I.V. (2017) Nekotorye aspekty statusa vynuzhdennykh migrantov kak sub"ektov-poluchatelei sotsial'noobespechitel'nykh predostavlenii [Some aspects of the forced migrant status as recipients of social security grants]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 7(7A), pp. 145-159

Keywords

Ecological migrants, asylum seekers, cash benefits, compensations, social benefits.

References

1. Bekyashev D.K., Ivanov D.V. (2015) *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vynuzhdennoi i trudovoi migratsii* [International legal regulation of forced and labour migration]. Moscow: Prospekt Publ.
2. Bulesheva D.D. (2007) Ekologicheskaya migratsiya segodnya: problemy i vozmozhnye resheniya [Environmental migration today: problems and possible solutions]. *Upravlenie personalom* [Personnel Management], 15, pp. 49-51.
3. Evtushenko V.I. (2009) Osobennosti pravovogo statusa bezhentsev i vynuzhdennykh pereselentsev i ekologicheskikh migrantov: sravnitel'no-pravovoi analiz [Peculiarities of the legal status of refugees and forced migrants and environmental migrants: a comparative legal analysis]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Belgorod Governmental University], 10, pp. 125-129.
4. Ivanov D.V., Bobrinskii N.A. (2009) *Pravovoi status lits, ishchushchikh ubezhishche v sovremennom mezhdunarodnom prave* [The legal status of asylum seekers in contemporary international law]. Moscow: Staut Publ.
5. Kartashkin V.A. (2011) *Prava cheloveka: mezhdunarodnaya zashchita v usloviyakh globalizatsii* [Human Rights: international protection in the context of globalization]. Moscow: Norma, INFRA-M Publ.
6. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 [Constitution of the Russian Federation: adopted by the nation-wide voting (referendum) on December 12, 1993 (2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 4398)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4398)], 31.
7. Konventsiya o statuse bezhentsev: prinyata 28 iyulya 1951 goda Konferentsiei polnomochnykh predstavitelei po voprosu o statuse bezhentsev i apatridov, sozvannoi v sootvetstvii s rezolyutsiei 429 (V) General'noi Assamblei ot 14 dekabrya 1950 goda [Convention relating to the Status of Refugees: Adopted on 28 July 1951 by the United Nations Conference of Plenipotentiaries on the Status of Refugees and Stateless Persons convened under General Assembly resolution 429 (V) of 14 December 1950]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml [Accessed 06/06/17].
8. *Migratsiya vo vzaimosvyazannom mire: novye napravleniya deyatel'nosti: Doklad Global'noi komissii po mezhdunarodnoi migratsii* [Migration in an interconnected world: new directions: Report of the Global Commission concerning international migration] (2006). Moscow: Orgservis-2000 Publ.
9. O bezhentsakh: Federal'nyi zakon ot 19 fevralya 1993 g. No. 4528-I [About Refugees: Federal Law

No. 4528-I of February 19, 1993]. Available at: http://base.garant.ru/10105682/ [Accessed 06/06/17].

10. O poryadke okazaniya sodeistviya litsam, poluchivshim svidetel'stvo o registratsii khodataistva o priznanii ikh vynuzhdennymi pereselentsami, i vynuzhdennym pereselentsam v obespechenii proezda i provoza bagazha, a takzhe vyplaty sootvetstvuyushchei kompensatsii maloimushchim litsam iz chisla ukazannykh grazhdan (s izmeneniyami na 10 avgusta 2016 goda): Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 1 dekabrya 2004 g. No. 713 (2004) [About procedure for rendering assistance to persons who received the registration certificate of the petition for recognition by their displaced persons and to displaced persons in ensuring journey and conveyance, and also payment of the corresponding compensation to needy persons from among the specified citizens (The last edition from 10.08.2016): Resolution of the Russian Government of December 1, 2004 No. 713]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. St. 5063* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 5063)], 50.
11. O razmerakh edinovremennogo denezhnogo posobiya i Poryadke ego vyplaty litsu, poluchivshemu svidetel'stvo o registratsii khodataistva o priznanii ego vynuzhdennym pereselentsem: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16 iyunya 1997 g. No. 724 (1997) [About the sizes of one-time money allowance and the procedure for its payment to person who received the registration certificate of the petition for recognition as a displaced person: Resolution of the Russian Government of June 16, 1997 No. 724]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. St. 2943* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 2943)], 25.
12. O razmere edinovremennogo denezhnogo posobiya i poryadke ego vyplaty litsu, poluchivshemu svidetel'stvo o rassmotrenii khodataistva o priznanii bezhentsem na territorii Rossiiskoi Federatsii po sushchestvu: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23 maya 1998 g. No. 484 v red. ot 25 maya 2017 g. No. 631 (2017) [About the size of a one-time money allowance and the procedure for its payment to person who received the registration certificate of the petition for recognition as refugee in the Russian Federation on the merits: Resolution of the Russian Government of May 23, 1998 No. 484 (as amended on May 25, 2017 No. 631)]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. St. 3330* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 3330)], 23.
13. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta predostavleniya Federal'noi migratsionnoi sluzhboi gosudarstvennoi uslugi po vydache inostrannym grazhdanam i litsam bez grazhdanstva vida na zhitel'stvo v Rossiiskoi Federatsii: Prikaz FMS Rossii ot 22 aprelya 2013 g. No. 215 [Approval of the Administrative Regulations of Public Service delivery to foreign citizens and stateless persons a residence permit in the Russian Federation by the Federal Migration Service: Order of the Russian Federal Migration Service of April 22, 2013 No. 215]. Available at: http://base.garant.ru/70575626/ [Accessed 06/06/17].

14. Smirnova N.L. (2002) *Posobiya po vremennoi netrudosposobnosti kak vid strakhovogo obespecheniya po pravu sotsial'nogo obespecheniya sovremennoi Rossii. Doct. Diss.* [Benefits for temporary disability as a kind of insurance coverage under the social security law in modern Russia. Doct. Diss.]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.7

Реализация конституционного законодательства во внутренней политике Брунея

Рогов Александр Цезаревич

Соискатель,

Национальный институт бизнеса,

111395, Российская Федерация, Москва, ул. Юности, 5;

e-mail: rogovac@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию двух главных слагаемых конституционного права – человека, его прав и свобод, с одной стороны, и государства, с другой. Дан анализ конституционной практики в Государстве Бруней; выявлены общие черты и специфические признаки статуса личности в стране, включая права и свободы человека и гражданина. В статье рассмотрено законодательство и документальные источники, касающееся основных аспектов внутриполитической жизни страны. В контексте системного анализа осуществляется задача по всеобъемлющему исследованию брунейской конституционно-правовой системы с акцентом на изучение тех элементов, опыт функционирования которых может быть полезным для развития и совершенствования российской политико-правовой системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Рогов А.Ц. Реализация конституционного законодательства во внутренней политике Брунея // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 160-**Ошибка! Закладка не определена.**.

Ключевые слова

Бруней, Конституция, чрезвычайное положение, права личности, права женщин, профсоюзы, политические партии, внутренняя политика.

Введение

Россия и Бруней – дружественные партнеры в рамках АСЕАН. Изучение конституционного законодательства Брунея – залог успешного развития совместных экономических проектов. Бруней – монархия, имеет Конституцию, в которой прописана

неограниченная власть Султана. Бруней является уникальным образцом страны, находящейся в режиме чрезвычайного положения уже 55 лет. Особенностью Конституции страны является отсутствие в ней положений об основах правового статуса личности. Напротив, возможные ограничения прав и свобод граждан и прав юридических лиц в период чрезвычайного положения указаны в ст. 83 Конституции. В качестве официальной религии в Конституции провозглашен ислам. Поэтому представляет определенный интерес изучение прав и свобод личности, прав женщин, национальной политики в сфере образования, национальных и международных неправительственных организаций, профсоюзов, политических партий и компаний.

Практические механизмы внедрения концепции «Малайской Исламской Монархии»

Несмотря на чрезвычайное положение, существующее в Брунее с 1962 года (очередная декларация о чрезвычайном положении вышла в феврале 2017 года, Constitution of Brunei…), внутриполитическая ситуация в Брунее остается стабильной уже более 50 лет). Действия властей поддерживаются большинством граждан. В 1990 году Султан Хассанал Болкиях султан призвал брунейцев принять концепцию Мелаю-Ислам-Бераджа («Малайская Исламская Монархия»), которая является официальной идеологией страны. Эта идеология основана на Конституции. 1 апреля 2017 года султан Брунея Хассанал Болкиах в беседе с первым заместителем Генерального директора ТАСС М.С. Гусманом так определяет эту концепцию: «Три составляющих нашей национальной идентичности и ценности – „малайская, исламская, монархия“ – неразделимы и тесно переплетены друг с другом. Эти ценности представляют уникальную идентичность Брунея – и политическую, и культурную. Они также отражают силу малайских и исламских традиций в стране, которые существовали веками и которые продвигают взаимное уважение, дружелюбие и толерантность. Поэтому Бруней практикует религиозную толерантность, что записано в конституции, и другие религии (христианство и буддизм) здесь можно свободно исповедовать. Эти давние ценности принесли стабильность, умеренность и единство в многонациональное и многоконфессиональное общество страны. Оно также сохраняет нашу идентичность и приветствует перемены».

Руководство страны заботится о каждом гражданине Брунея с момента рождения и до старости. «В обязанности моего правительства всегда входило обеспечение должной социальной защищенности подданных Брунея. Правительство Брунея не взимает с них налог на доходы, у всех есть доступ к бесплатному высшему образованию и медицинскому обслуживанию. Я счастлив, что Бруней обладает такими богатствами, как природные ресурсы, что позволяет нам обеспечивать достойную жизнь народа. Помимо этого, мы делаем акцент

на хорошее управление и транспарентность, что позволяет обеспечить развитие и процветание нашей страны», – подчеркнул Султан [Гусман, 2017, www].

Услуги здравоохранения и лекарственного обеспечения бесплатны в государственных медицинских учреждениях (многофункциональный госпиталь RIPAS и сеть государственных поликлиник). В августе 2011 года стартовала система информации и менеджмента в здравоохранении (Brunei Darussalam Heathcare Information and Management Systems, Bru-HIMS) [Ministry of Health…, www]. Это система медицинского страхования и учета, при которой каждый пациент имеет свой уникальный номер. Девиз этой системы: «Один человек – одна запись» (One patient – one record). Результаты лабораторных исследований и назначения врачей вносятся в электронную карточку пациента, которая доступна любому врачу, при обращении брунейца.

В стране 4 госпиталя, 19 центров здоровья, 16 клиник. Благодаря этому средняя продолжительность жизни 77,4 года. Главной больницей в стране является Госпиталь Раджа Истери Пенджиран Анак Салеха (Hospital RIPAS – Raja Isteri Pengiran Anak Saleha Hospital**)** (Ripas). Госпиталь назван в честь королевы Салехи (Her Majesty Pengiran Anak Saleha The Raja Isteri (Queen). Ее Величество королева Салеха является лидером в решении проблем женщин внутри страны и является патроном различных организаций, среди которых Женский Институт (the Women's Institute,WI), Pertiwi Association, PEKERTI, the Girl Guides Association of Brunei Darussalam, the Brunei Government Senior Officers Wives Welfare Association (BISTARI), Совет женщин Брунея (CWBD, Women's Council of Brunei Darussalam, The Women Graduates' Association, and the Brunei Shell Women Association).

В стране отсутствует дискриминация по половому признаку, женщины пользуются уважением и в семье, и в обществе, занимают значимые должности, соответствующие их квалификации. Так, конституционное назначение – пост Генерального прокурора занимает брунейка почетный юрист Датин Падука Хаджиах Хаджияти **(**Datin Paduka Hajjah Hayati Bin Pehin Orang Kaya Shahbandar Dato Seri Paduka Haji Mohd Salleh**).** Датин Падука Хаджиах Хджияти получила образование в колледже в Брунее-Даруссаламе. В 1974 году продолжила учебу в Великобритании, при финансовой поддержке правительства Брунея, а затем в 1979 году получила степень бакалавра юриспруденции, а в 1980 году магистра. Она начала свою юридическую карьеру на родине в палатах Генерального прокурора в качестве заместителя государственного прокурора и юрисконсульта. Позднее была переведена в Государственный судебный департамент в качестве магистрата, а затем в качестве главного магистрата / заместителя главного секретаря Верховного суда, главного секретаря / судьи промежуточного суда и судебного комиссара Верховного суда. 15 июля 1999 года Датин Падука Хаджиах Хджияти была награждена самым почетным орденом короны Брунея второй степени (Order of

the Crown of Brunei), которому соответствует титул Датин Падука Его Величества Султана и Ян Ди-Пертуан из Брунея-Даруссалама (DPMB Datin Paduka by His Majesty, The sultan and Yang Di-Pertuan of Brunei Darussalam). 1 января 2001 года Датин Падука Хаджиах Хаджияти была Султаном назначена судьей Верховного суда, и стала первой женщиной, которая удостоена такого назначения. Помимо своих судебных обязанностей, она является членом различных комитетов, в том числе Комитета по пересмотру законодательства, Национального совета по вопросам образования и члена «Бадана Перенкана Кемачуана Джанка Панджанга», органа, ответственного за разработку долгосрочного развития в Брунее-Даруссаламе и контроль за его осуществлением. Она также является председателем Рабочей комиссии по закону о профессиональной деятельности [Attorney General's Chambers, www]. Карьера Хаджиях Хаджиятти (HAJJAH HAYATI) яркий пример успешной национальной кадровой политики.

В Брунее пристальное внимание уделяется формированию собственных национальных кадров. Успевающие ученики получают гранты от правительства на обучение в университетах Великобритании, Америки. Студентов, обучающихся за границей, поддерживает лично Султан – помимо оплаты обучения, они получают от него моральную поддержку и подарки. Национальная политика в области образования определяется законом об образовании (LAWS OF BRUNEI CHAPTER 210, 20 CAP EDUCATION S 59/03 Amended by S 86/06). Закон гласит: ст. 16. (1) Национальная политика в области образования должна основываться на национальной философии малайской исламской монархии. (2) При условии соблюдения любых требований национальной политики в области образования министр должен обеспечить, чтобы ребенок школьного возраста получил возможность посещать начальную и среднюю школу и пройти курс обучения, предусмотренный в нем.

Ст. 17. (1) Национальная система образования включает следующие уровни: A) дошкольное образование; B) начальное образование; C) среднее образование; D) послешкольное образование; E) высшее образование, но не включает в себя обучение в школах для иностранцев. (2) В этом разделе под «школой экспатриантов» понимается школа, которая в первую очередь ориентирована на образование детей с национальностью, отличной от основной в Брунее-Даруссаламе, но может также привлекать местных детей в качестве своих учеников.

Согласно ст. 18 Закона об образовании в стране существует 2 категории образовательных учреждений: государственные и частные (чаще для иностранцев).

Малайский язык является основным средством обучения во всех учебных заведениях. Английский язык может также использоваться как средство обучения вместе с малайским языком во всех учебных заведениях. Арабский язык используется в качестве средства

обучения в арабских или других школах, но малайский язык и английский язык в них должны преподаваться в качестве обязательных предметов. Министр образования может освободить учебное заведение от использования малайского языка или английского языка в качестве средства обучения в соответствующем случае.

На практике в государственной школе, начиная с младшей школы (с 3,5 лет) обучение проходит на английском языке, с уроками малайского языка.

Исламское образование является обязательным для ученика, исповедующего исламскую религию, и согласно пункту (1) ст. 32 Закона об образовании оно должно быть обеспечено в школе. Предоставление исламского образования должно соответствовать учению исламской религии в соответствии с Ahlis Sunnah Waljamaah. «Исламское образование» означает предмет в Национальной учебной программе, относящийся к вопросам, связанным с фардху айн и фардху кифаях (fardhu ‘ain and fardhu kifayah). С 1 января 2013 вступил в силу Закон об обязательном религиозном образовании («Compulsory Religious Education Order 2012»). Для всех студентов-мусульман в стране стало обязательным изучение ислама.

Под руководством министра образования построена национальная система образования и науки. Университет Брунея (UBD) представляет собой академический городок с учебными корпусами и лабораториями. Привлекаются ведущие преподаватели, талантливым ученым, выдаются гранты, а соискатели могут получить стипендию на обучение. 9 марта 2017 года на 13 сессии Законодательного совета Министр образования выразил благодарность правительству за доверие и поддержку в обеспечении образования бюджетом 666,57 миллионов долларов на 2017-2018 годы.

Руководство страны уделяет большое внимание вопросам социального благополучия граждан, поощряя благотворительность и выделяя значительные ресурсы на прямую помощь нуждающимся (порог бедности 1100 американских долларов в месяц). Нет налогов на доходы физических лиц, осуществляется строительство социального жилья, выдаются беспроцентные кредиты на покупку автомобилей.

Бруней имеет ограниченное количество неправительственных организаций: Брунейская малазийская ассоциация учителей (Brunei Malay Teacher\'s Association), Бизнес-ассоциация Белаит – Бумипутра (Belait Bumiputra Business Association), Бюро по борьбе с коррупцией в Брунее-Даруссаламе (Brunei Darussalam Anti-Coruption Bureau), Федерация местных торговцев в Брунее (Federation Of Local Traders for Brunei). Центр SEAMEO VOCTECH (SEAMEO VOCTECH Centre), Молодежное предприятие Shell Livewire (Shell Livewire Youth Enterprise), Совет по СПИДу (BDAC).

Международные НПО определяются Законом о компаниях (Laws of Brunei chapter 39 Companies act Enactment № 25 of 1956), который позволяет некоммерческим организациям

(НКО) регистрироваться в качестве компании. Для того чтобы существовать, такая компания должна быть «сформирована для содействия торговле, искусству, науке, религии, благотворительности, или любому другому полезному объекту». Единственным примером такой организации является Организация Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества [Member Economies, www], в которую Бруней вошел 7 ноября 1989 года.

В соответствии с Законом о компаниях (Laws of Brunei chapter 39 Companies act Enactment № 25 of 1956) все компании должны быть зарегистрированы в Реестре компаний Министерства финансов. Компания является юридическим лицом. Следовательно, обладает правосубъектностью, имеет право владеть собственностью, иметь бессрочное правопреемство и может обращаться за защитой в суд или быть привлечено к судебной ответственности. Компания должна иметь не менее 2 акционеров и не менее 2 директоров. Если только 2 директора, один из них обязательно должен быть резидентом Брунея. Если есть более 2 директоров, то, по крайней мере, двое из них должны быть резидентами. Зарубежная коммерческая компания может быть открыта только как филиал иностранной компании, зарегистрированной в другой стране.

1) В Брунее практически нет профсоюзной деятельности, и нет никаких законных оснований для коллективных переговоров или забастовок. Закон о профсоюзах 1961 года (Laws of Brunei chapter 128 Trade unions act 5 of 1961 12 of 1972) разрешает создание зарегистрированных правительством профсоюзов. Закон запрещает работодателям любого рода дискриминацию в отношении работников, связанных с профсоюзной деятельностью. Ст. 19. (1) называется «Защита права работников на вступление в профсоюз»: «Никому не может быть отказано в трудоустройстве исключительно по причине его отказа вступить или не вступить в профсоюз, и никто не может потребовать, чтобы какое-либо лицо становилось членом профсоюза как условие получения работы. (2) Ни один работодатель не должен дискриминировать любое нанятое лицо по причине того, является или не является оно членом профсоюза. (3) Любое лицо или работодатель, нарушивший подпункт (1) или (2), будет признан виновным в совершении преступления: казнь, штраф в размере 6000 и 6 месяцев лишения свободы».

Тем не менее, закон запрещает союзы и федерации, аффилированные с международными профсоюзными органами без предварительного письменного согласия как министра внутренних дел, так и министерства труда. Государственные служащие имеют право создавать и вступать в союзы, за исключением тех, кто служит в армии, полиции и тюрьмах: «18. (1) ни один из членов Королевской Брунейской полиции, Королевских Брунейских Вооруженных Сил и ни один сотрудник пенитенциарной службы не должен вступать или быть членом любого профсоюза. (2) любое лицо, которое нарушает подраздел (1) или кто заведомо является

стороной такого нарушения должно быть виновным в совершении преступления: наказание, штраф в размере 6000 долларов». Однако большинство трудовых законов распространяется только на граждан Брунея, что не позволяет охватить квалифицированных и неквалифицированных рабочих-мигрантов. Трудящиеся-мигранты не пользуются свободой ассоциации. При этом по заявлению правительства в начале 2008 года гражданами Брунея является едва ли 31% рабочей силы частного сектора.

В Брунее лишь одна зона экспортной обработки, зона экспорта Муара, где трудовое законодательство применяется в полном объеме.

17 января 2007 года Бруней стал членом МОТ, но пока не ратифицировал конвенции о свободе ассоциации и коллективных переговорах. Приостановление демократических прав препятствует деятельности профсоюзов: положения, касающиеся основных прав на свободу слова, ассоциации, прессы и собраний, по-прежнему приостановлены в соответствии с заявлением о чрезвычайном положении. Разрешение правительства требуется для проведения открытого собрания с участием более десяти человек, и полиция может разбить любую неофициальную встречу более пяти человек, если они считают ее способной нарушить мир.

2) По состоянию на 2016 год в стране три зарегистрированных профессиональных союза, и только Союз рабочих нефтепромыслов Бруней (BOWU) действует в качестве профсоюзной организации в настоящее время (Laws of Brunei chapter 128 Trade unions act 5 of 1961 12 of 1972).

В Брунее нет антиправительственных группировок и террористических организаций. Авторитет Султана непререкаем. В стране отсутствует оппозиция, действующие политические силы ставят задачи «быть партнером Султана». Традиционная культура предписывает избегать конфронтации и решать вопросы на основе консенсуса [10]. Партия Kebangsaan Бруней (PKDB) или Брунейская национально-демократическая партия, с членством около 3000, была образована в 1985 году, но в 1988 году была запрещена. Партия национальной солидарности Брунея (The Brunei National Solidarity Party (PPKB , лидер Абдул Латиф бен Chuchu) и Партия народного просвещения (People’s Awareness Party (PAKAR Awang Гаджи MAIDIN бин Хаджи Ахмад) были сняты с регистрации в 2007-2008 годах. Партия Пембангунан или Партия национального развития (Parti Pembangunan or the National Development Party) была основана 12 сентября 2005 года бывшим мятежником и генеральным секретарем запрещенной в 1962 Народной партии Брунея (PRB), бывшим политзаключенным Ясином Аффенди, также известным как Хаджи Мухаммад Ясин бин Абдул Рахман. Единственной политической партией, которая работает на законных основаниях в Брунее на сегодняшний день, является Национальная партия развития. Согласно ст. 4 своей Конституции Партия Развития должна:

1) поддерживать суверенитет султана Хаджи Хассанал Болкиаха и его потомства;
2) сохранять его позиции и позиции его потомков в качестве наследника престола Султаната Бруней – Даруссалам навсегда;
3) оказывать поддержку и помощь Султану и его потомкам в отстаивании и защите ислама и шариата, но без какой-либо дискриминации или несправедливости по отношению к другой религии;
4) поддерживать и оказывать помощь Султану и его потомкам в отстаивании и защите превосходства малайских мусульман в Брунее, нотакже без какой-либо дискриминации или несправедливости в отношении народов и других людей;
5) поддерживать и оказывать помощь Султану в поддержании и сохранении независимости, суверенитета и национальной безопасности в Брунее, в развитии Брунея во всех секторах, в том числе в экономическом, социальном, культурном и образовательном, в защите принципов справедливости и сострадания.

Ключевые задачи закреплены в ст. 5 Конституции Партии развития, а именно: а) развивать чувство верности среди народа к Его Величеству Султану и к его потомкам, б) прививать патриотизм, любовь к Родине, в) помогать правительству создать справедливую, прозрачную, эффективную, доброжелательную и доверительную систему управления и администрирования, г) сотрудничать с любой стороной в соответствии с видением, миссией и целями Национальной партии развития в реализации концепции партии до тех пор, пока они не вступают в противоречие с конституцией и законами страны, д) стремиться установить контакт и сотрудничество с учреждениями и международными организациями, правительственными и неправительственными организациями ради национальных интересов, и независимости нации Брунея, е) очищать, поддерживать и продвигать малайский язык (Bahasa Melayu) в качестве официального языка страны, ж) в целом, партия должна развивать страну и укреплять национальную устойчивость, з) партия развития придерживается принципа «любая глава, статья в ее Конституции, которая вступает в конфликт с Кораном и Сунной Пророка Мухаммада, дисквалифицируется». Национальная партия развития является членом Международной монархической конференции.

Поразительным примером политической мудрости и терпимости к своим политическим противникам является сам факт создания партии под руководством бывшего возмутителя спокойствия, поднявшего мятеж 1962 года. Также был прощен и политический деятель, и историк Хаджи Заини бин Хаджи Ахмад (Haji Zaini bin Haji Ahmad), один из создателей Народной партии Брунея, который в 1957 году вместе с Азахари представлял партию в Лондоне на переговорах о независимости [Collective Agreement 2004-2007…, www]. После 2001 года Хаджи Заини возглавлял центр истории Брунея в качестве приглашенного

профессора. С одной стороны, вооруженное восстание 1962 года повлекло за собой введение чрезвычайного положения, с другой, это восстание позволило избежать поглощения Брунея Малайзией. Именно угроза поглощения подняла просвещенных людей Брунея из близкого окружения Султана на вооруженную борьбу.

Активно работают в Брунее национальные агентства – государственные организации под руководством соответствующих министерств. Это Банк Ислам Бруней Berhad, Международная палата торговли и промышленности Брунея, Инвестиционное агентство Брунея, Малайская палата торговли и промышленности Брунея [Погадаев, 2015].

Заключение

Итак, защита прав и свобод человека не прописана в Конституции, однако определяется системой законов (актов). Благодаря этому брунейцы почти в полной мере пользуются теми же гражданскими и политическими правами, что и граждане других государств. Как и указано в пунктах 3 и 4 ст. 83 Конституции в условиях не отмененного в стране до сих пор чрезвычайного положения права и свободы граждан и юридических лиц ограничены в отношении публикаций, свободного хождения письменных документов; возможен также арест, содержание под стражей, запрет вьезда в страну и депортация. Также существует явная тенденция к контролю над бизнесом иностранных компаний и запрет международных организаций.

Библиография

1. Attorney General's Chambers. URL: http://www.agc.gov.bn/Theme/Home.aspx
2. Collective Agreement 2004-2007 between Brunei Oilfield Workers Union (BOWU) and Brunei Shell Petroleum Company and Brunei Liquefied Natural Gas. URL: http://www2.ilo.org
3. Constitution of Brunei darussalam proclamation of emergency, 9th. February 2017 № S 12 // Brunei Darussalam Government Gazette. 2017. Part 2. № S12.
4. Hospital RIPAS – Raja Isteri Pengiran Anak Saleha Hospital. URL: http://www.moh.gov.bn
5. Laws of Brunei chapter 128 Trade unions act 5 of 1961 12 of 1972.
6. Laws of Brunei chapter 137 Brunei investment agency S 4/1984 1984 Edition, Chapter 137 Amended by S 20/1985 S 7/1987 S 43/1992 S 24/1998 S 22/1999 2002 Edition, Chapter 137 Amended by S 14/2003 S 64/2004 S 15/2008 S 78/2008 Revised edition, 2014.
7. Laws of Brunei chapter 39 Companies act Enactment № 25 of 1956 Amended by Enactment № 21 of 1957 S 89/1957 S 99/1959 E 20 of 1983, Schedule 4 1984 Edition, Chapter 39 Amended by S 26/1998 S 23/1999 S 69/2001 S 10/2003 S 45/2006 S 96/2008 S 118/2010 S 31/2012 S 61/2014 S

62/2014 S 6/2015 Revised edition, 2015.
8. Member Economies // Asia-Pacific Economic Cooperation. URL: http://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Member-Economies.aspx
9. Ministry of Health Brunei Darussalam. URL: http://www.moh.gov.bn/SitePages/Bru-HIMS.aspx
10. Гусман М. Спор держит меня в тонусе // Российская газета. Федеральный выпуск № 7238 (72). 2017. 5 апреля. URL: https://rg.ru/2017/04/05/sultan-bruneia-molodezh-eto-budushchee-nacii-i-v-nee-nuzhno-investirovat.html
11. Никитин А.Н., Рогов А.Ц. История формирования Конституции – путь к независимости государства Бруней Даруссалам // История государства и права. 2017. № 3. С. 40-45.
12. Погадаев В. Бруней. Краткий справочник. М.: Ключ-С, 2015. 192 с.

Implementation of constitutional legislation in the domestic policy of Brunei

Aleksandr Ts. Rogov

Postgraduate,

National Institute of Business,

111395, 5 Yunosti str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: rogovac@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of two main components of constitutional law - a person, his rights and freedoms, on the one hand, and the state, on the other. An analysis of constitutional practice in the State of Brunei is conducted. Common features and specific characteristics of the status of the individual in the country, including the rights and freedoms of man and citizen, are identified. The author reviews legislation and documentary sources concerning the main aspects of the domestic political life of the country. In the context of the systemic analysis, the task of a comprehensive study of the Brunei constitutional and legal system is carried out with an emphasis on the study of those elements, the operational experience of which can be useful for the development and improvement of the Russian political and legal system.

For citation

Rogov A.Ts. (2017) Realizatsiya konstitutsionnogo zakonodatel'stva vo vnutrennei politike Bruneya [Implementation of constitutional legislation in the domestic policy of Brunei**].** *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp.160-**Ошибка! Закладка не определена.**.

Keywords

Brunei, Constitution, state of emergency, individual rights, women's rights, trade unions, political parties, domestic policy.

References

1. *Attorney General's Chambers*. Available at: http://www.agc.gov.bn/Theme/Home.aspx [Accessed 2/06/17].
2. *Collective Agreement 2004-2007 between Brunei Oilfield Workers Union (BOWU) and Brunei Shell Petroleum Company and Brunei Liquefied Natural Gas*. Available at: http://www2.ilo.org [Accessed 2/06/17].
3. Constitution of Brunei Darussalam proclamation of emergency (2017). *Brunei Darussalam Government Gazette*, S12, 9th Feb.
4. Gusman M. (2017) Spor derzhit menya v tonuse [Dispute keeps me focused]. *Rossiiskaya gazeta. Federal'nyi vypusk* [Russian newspaper. Federal issue], 7238 (72), 5th Apr. Available at: https://rg.ru/2017/04/05/sultan-bruneia-molodezh-eto-budushchee-nacii-i-v-nee-nuzhno-investirovat.html [Accessed 2/06/17].
5. *Hospital RIPAS – Raja Isteri Pengiran Anak Saleha Hospital*. Available at: http://www.moh.gov.bn [Accessed 2/06/17].
6. *Laws of Brunei chapter 128 Trade unions act 5 of 1961 12 of 1972.*
7. *Laws of Brunei chapter 137 Brunei investment agency S 4/1984 1984 Edition, Chapter 137 Amended by S 20/1985 S 7/1987 S 43/1992 S 24/1998 S 22/1999 2002 Edition, Chapter 137 Amended by S 14/2003 S 64/2004 S 15/2008 S 78/2008 Revised edition, 2014*.
8. *Laws of Brunei chapter 39 Companies act Enactment № 25 of 1956 Amended by Enactment № 21 of 1957 S 89/1957 S 99/1959 E 20 of 1983, Schedule 4 1984 Edition, Chapter 39 Amended by S 26/1998 S 23/1999 S 69/2001 S 10/2003 S 45/2006 S 96/2008 S 118/2010 S 31/2012 S 61/2014 S 62/2014 S 6/2015 Revised edition, 2015*.
9. Member Economies. *Asia-Pacific Economic Cooperation*. Available at: http://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Member-Economies.aspx [Accessed 2/06/17].
10. *Ministry of Health Brunei Darussalam*. Available at: http://www.moh.gov.bn/SitePages/Bru-HIMS.aspx [Accessed 2/06/17].
11. Nikitin A.N., Rogov A.Ts. (2017) Istoriya formirovaniya Konstitutsii – put' k nezavisimosti gosudarstva Brunei Darussalam [The history of the Constitution - a pathway to the independence of Brunei Darussalam]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 3, pp. 40-45.
12. Pogadaev V. (2015) *Brunei. Kratkii spravochnik* [Brunei. Quick reference guide]. Moscow: Klyuch-S Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.721

Конституционно-правовые ценности – конституционно-правовое выражение свободы

Ланс Андрей Николаевич

Аспирант,

кафедра конституционного и административного права,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

e-mail: lansandrey@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам свободы, безопасности и конституционно-правовых ценностей. Автор показывает, что существуют, как минимум, три представления о свободе, которые имеют конституционно-правовое значение: естественная свобода, конституционно-правовая свобода и свобода в фактически-социальном виде. При этом автор приходит к выводу, что естественная свобода и конституционно-правовая свобода есть лишь идеалы свободы, которые для лучшего понимания их сущностно-эмоционального смысла следовало бы именовать субъективной и объективной свободой соответственно. Оба идеала имеют непосредственное влияние на фактическое формирование у людей представлений о свободе. В статье показано как субъективные (естественные) и объективные (конституционно-правовые) представления о свободе наполняют конституционные нормы о правах и свободах конкретным смыслом. В статье доказывается, что конституционные права и свободы человека и гражданина являются непосредственным динамическим выражением свободы в ее естественном (субъективном) и конституционно-правовом (объективном) смыслах. При этом в статическом смысле свобода – это независимость и неприкосновенность. Конституционные права и свободы, будучи динамическим выражением свободы, выстраиваются по собственной аксиологической иерархической модели, отличной от субъективных представлений. Вершиной и одновременно фундаментом конституционно-правовой аксиологической иерархической модели является абсолютная по форме конституционно-правовая ценность «достоинство личности», выраженная в ст. 21 Конституции РФ в виде права на охрану достоинства личности. Достоинство личности, будучи элементом права на личную неприкосновенность, является абсолютной и самостоятельной конституционно-правовой ценностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Ланс А.Н. Конституционно-правовые ценности – конституционно-правовое выражение свободы // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С.171 -186.

Ключевые слова

Конституция Российской Федерации, конституционно-правовые ценности, свобода, достоинство личности, право личной неприкосновенности.

Введение

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы представляют собой высшую ценность. Очевидно, что права и свободы являются разновидностями социальных благ, поскольку без них невозможно цивилизованно приобрести другие социальные блага: «нет права – нет и обладания объектом». Логично предположить, что права и свободы человека и гражданина установлены в Конституции РФ для того, чтобы упорядочить реализацию свободы человека, устранив всякий произвол, который может чиниться на пути свободного обретения иных социальных благ.

Любая социальная ценность, являясь идеальным выражением значимости объекта человеческого интереса, занимает свое место в иерархии человеческих ценностей. Следовательно, и конституционно-правовые ценности (права, свободы, гарантии[1]), являясь разновидностями социальных ценностей, объективно имеют свою иерархию, которая, по нашему мнению, выстраивается так, чтобы устранить всякий произвол при реализации свободы. Однако и это является предположением, которое надлежит подтвердить или опровергнуть.

Представления о свободе и свобода в конституционном праве

По нашему мнению, свобода в конституционном праве имеет понимание, отличное от социального. И это объясняется следующим. В своем идеальном *статическом* смысле свобода характеризуется одномерностью. Поэтому на данном уровне абстракции «свобода» едина и неразделима и употребляется в языке в форме единственного числа – «свобода».

[1] Гарантии выделяются нами в особую группу, отличную от прав и свобод, так как они имеют свою специфику конституционно-правового выражения свободы. При этом в гарантии мы включаем и обязанности. Иногда в тесте настоящей работы гарантии не выделяются и конституционно-правовые ценности употребляются в привычном значении как права и свободы.

Между тем социальный идеал свободы, как представляется, имеет две стороны своего проявления, точнее, две стороны своего *динамического* проявления: субъективное и объективное. К субъективному проявлению относится индивидуальное восприятие конкретным человеком *своей* свободы; к объективному – представления о свободе, выраженные в массовом сознании. Вместе с тем, субъективное восприятие в каких-то моментах может учитывать объективные представления о свободе так же, как на массовое восприятие свободы может иметь влияние на индивидуальное понимание (проявление) свободы – например, понимание свободы лидером государства, партии или иного объединения людей. Хотя отделить субъективные представления о свободе от объективных порой не просто, но все же возможно.

Представляется правильным, что субъективное восприятие свободы мыслится субъектом как ничем не ограниченное распоряжение собой: своим временем, способностями, имуществом и т. п. Субъективное восприятие свободы проявляется как произвольное ее осуществление. Сложнее обстоит дело с определением свободы в объективном смысле. По нашему мнению, свободу в объективном смысле можно сравнить со свободой, в которой отсутствует произвол ее осуществления. Объективное проявление свободы ставится в своеобразные рамки при помощи разных социальных регуляторов: морали, права, религии. Однако в них такие категории как добро и зло, справедливое и несправедливое, наполняются особым смыслом. Споры, возникающие в обществе, по-разному разрешаются в рамках морали, права или религии. При осуществлении свободы в объективном смысле прекращается «война всех против всех».

Выражаясь словами Томаса Гоббса и Жан-Жака Руссо, естественное состояние сменяется гражданским. Таким образом, произвольная (субъективная) свобода человека сменяется свободой гражданской (объективной). При этом реализация гражданской свободы контролируется учрежденной для этого властью – гражданской властью. Между тем, люди, реализующие эту власть, нередко осуществляют ее не по прямому назначению. В связи с этим у людей «возрождаются» представления о естественной свободе. Через понимание естественной свободы людьми обосновывается ограничение власти: люди, добровольно отказываясь от естественной свободы, обретают свободу гражданскую, которая является, по замыслу такого отказа, свободой, лишенной произвола свободы других лиц, следовательно, власть может ограничивать естественную свободу лиц только в этих целях. Разумеется, власть не может при этом действовать произвольно. На этом, по нашему мнению, и основана идея современного *конституционного* права, которая ограничивает всякий произвол, включая произвол власти.

Интерпретируя сказанное, можно говорить, что на первом этапе исторического развития

люди, отказываясь от естественной свободы, ограничиваются или вовсе лишаются произвольного ее употребления (то есть употребления свободы в ущерб свободе другого). Для контроля за реализацией свободы властью наделяются определенные лица, которые образуются в особый общественный институт – государство. На втором – общество ограничивает власть имеющих людей от произвола ее употребления (во всяком случае, люди пытается это делать). Это вызвано тем, что свобода людей, находящих в гражданском состоянии и имеющих власть, имеет за счет власти более широкие возможности ее использования по сравнению с людьми, находящимися в гражданском состоянии и власть не имеющими. Люди, власть имеющие, используют власть не только для ограничения произвола свободы других людей, но и в угоду себе. И поскольку происхождение власти, как правило, имеет легитимное (законное) основание, то и произвол употребления власти приобретает новые формы: легитимные (законные).

Рассуждая об идеях Гоббса и Руссо по поводу естественной свободы и гражданского состояния, можно прийти к выводу, что эти идеи редуцируются до двух идеалов: идеала естественной свободы и идеала конституционно-правовой свободы[2]. Подобная редукция позволяет лучше понять предназначение конституционного права (его регулятивную функцию): исключить произвол свободы. Между двумя идеалами свободы существует свобода реальная, наличная, социальная.

Таким образом, свободу человека можно определить, как свободу в трех представлениях: 1) свободу естественную[3], 2) свободу конституционно-правовую и 3) свободу фактическую, наличную, или социальную[4].

Неприкосновенность как конституционно-правовое выражение свободы

В процессе исторического развития общества идеал естественной свободы преобразуется в ее конституционно-правовой идеал. Так, в эпоху Возрождения, Просвещения и Нового времени большинством авторов человек в естественном состоянии представляется как независимый субъект. В это время обосновывается, что человек не может быть рабом и иметь над собой хозяина, человек может находиться в подчинении лишь в силу добровольно

[2] Идеалы естественной и конституционно-правовой свободы было бы правильно именовать идеалами свободы в субъективном и объективном пониманиях соответственно. Это лучше, по нашему мнению, отображает их сущностно-эмоциональный смысл.

[3] О естественной свободе с исторической точки зрения нам вряд ли что-то может быть достоверно известно. Поэтому правильно было бы говорить об этой форме свободы лишь как об идеале.

[4] К такому пониманию можно прийти путем интерпретации известных произведений Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического Права» (главы VI и VIII) и Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (главы VI и XIV).

принятых на себя обязательств и практически в любом состоянии человек обладает неприкосновенностью (исключения составляют лишение или ограничение свободы за совершенные проступки)[5]. То есть в идеальном естественном состоянии свобода человека – это независимость и неприкосновенность. В современном конституционном праве эти идеи находят выражение в праве на свободу и личную неприкосновенность. При этом право личной неприкосновенности разделяется на несколько элементов.

Например, И.Л. Петрухин разделяет её на четыре элемента: 1) физическая неприкосновенность, то есть право на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, половую свободу; 2) нравственная неприкосновенность, то есть право на защиту чести, достоинства, нравственной свободы; 3) психическая неприкосновенность, то есть право на нормальное течение психических процессов; 4) личная безопасность, то есть право индивидуальной свободы, заключающейся в возможности располагать собой, своим временем, по своему усмотрению определять место своего пребывания, не находиться под чьим-либо наблюдением или охраной [Петрухин, , 195].

На первый взгляд, такое деление кажется вполне обоснованным: физическая, нравственная и психические неприкосновенность – разные проявления права на личную неприкосновенность. Личная безопасность – разновидность правомочия на защиту, являющегося элементом любого субъективного права человека (по другому это правомочие в теории права иногда называют правом притязания, что, может быть, не совсем верный термин) [Перевалов, 2007, 222-223; Суханов, 2004, 121-122[6]]. И, следовательно, с этой позиции под личной безопасностью понимаются не только возможности располагать собой, своим временем, по своему усмотрению определять место своего пребывания, не находиться под чьим-либо наблюдением или охраной, но и *существование человека без какой-либо опасности вообще*.

Между тем Конституция РФ впрямую не разделяет право личной неприкосновенности на перечисленные элементы. В главе 2 ст. 22 Конституции РФ содержится лишь норма о том, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Глава 2 Конституции РФ, помимо права на свободу и личную неприкосновенность, содержит иные права, раскрывающие правовое содержание свободы. Например, в ст. 20, 21, 23, 25, 41 Конституции РФ перечислены такие права, как право на *жизнь*, *достоинство личности*,

[5] Начиная с эпохи Возрождения, развиваются естественно-правовые идеи (Ж. Боден, Дж. Локк), которые в эпоху Просвещения (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо и др.) и нового времени приводят к утверждению и постепенному расширению личных и политических прав и свобод, а также отмене рабства [подроб. см. Нерсесянц, 2002, 179-183, 269-300].

[6] Однако нельзя признать верным, что другие элементы субъективного права, помимо правомочия (права) на защиту, выделяемые в названных учебниках, всегда являются элементом любого субъективного права.

неприкосновенность частной жизни, *личную и семейную тайну*, защиту *чести* и *доброго имени*, *неприкосновенность жилища*, *охрану здоровья*. Можно сказать, что содержащиеся в этих статьях права (в определенной совокупности или по-отдельности) охраняются почти все элементы права личной неприкосновенности по классификации И.Л. Петрухина. Так, права на жизнь и охрану здоровья защищают в совокупности физическую, и отчасти психическую, неприкосновенность личности. Права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища охраняют частные случаи нравственной неприкосновенности. Права на охрану достоинства, защиту чести и доброго имени защищают одновременно другие частные случаи нравственной и психической неприкосновенности. Исключение составляет личная безопасность. Она впрямую в этих статьях Конституции РФ не названа (впрочем, как и в других ее статьях). Но она с очевидностью выводится из этих конституционных прав как разновидность правомочия на защиту.

Между тем, в ст. 55 (часть 3), которая находится так же, как и ст. 20-23, 25, 41, в главе 2 Конституции РФ, содержится такое конституционно-правовое понятие (близкое по форме «личной безопасности») как «безопасность государства». Как сказано в ст. 55 (часть 3) Конституции РФ права и свободы человека могут быть ограничены (во всяком случае, большинство из них, и это бесспорно) в целях обеспечения безопасности государства.

«Безопасность» и «свобода» в конституционном праве

Понятие «безопасность государства» в конституционной практике и науке конституционного права все чаще толкуется не как безопасность каждого человека, а как безопасность общества в целом. При таком понимании предполагается, что права отдельно взятого человека могут быть ограничены, если большинство отдает предпочтение иным правам, нежели меньшинство. Считается, что большинство оказывает предпочтение безопасности. Это предпочтение выражается в требовании ограничить конституционные права в ее пользу. Сторонники ограничений конституционных прав и свобод в пользу безопасности обосновывают свои требования тем, что в новых условиях глобальных угроз в определенной степени необходимо ограничить конституционные права и свободы человека, переустраивая, тем самым, конституционные приоритеты в пользу ценности безопасности перед свободой [Зорькин, 2015, 3, 11]. Они считают, что «безопасность – фундаментальнейшая из человеческих свобод. Это безусловный императив всегда. И тем более сейчас в условиях объявленной миру террористической войны. В этих условиях ключевая и приоритетная обязанность государства – гарантировать гражданам главные человеческие свободы, то есть право на жизнь и безопасность. Особое значение этого приоритета в условиях войны определяет и возможные (частичные и соразмерные) ограничения других свобод, и

необходимые (соразмерные и достаточные) трансформации правовой системы в направлении более выраженной «военной» суровости [там же, 11].

Однако у сторонников этой точки зрения имеются оппоненты, которые считают, что необходимо не ограничивать конституционные права и свободы человека, а защитить их посредством установления надлежащего баланса между свободой и безопасностью [Баум, 2015, 33]. Представители данной точки зрения выступают *против* дисбаланса свободы и безопасности, обосновывая это тем, что главная задача государства заключается «не в отражении возможных угроз, а в защите людей от реальных опасностей» [там же, 37]. Поэтому государством должна быть установлена «*возможность для разумного обсуждения* баланса между свободой и безопасностью в рамках конституции, позволяющая не впадать в крайности» [там же, 33] (курсив наш. – А. Л.), так как в противном случае государство, «подобно Левиафану, в ответ на обеспечение безопасности и порядка требует от своих граждан послушания, а то и полного отказа от свободы» [там же]. Они считают, что с установлением тотального режима безопасности человек не избежит опасности, а лишь утратит свою свободу. Надо помнить, пишут они, что опасность есть неотъемлемая часть свободы [там же, 38].

Несмотря на противоречие указанных точек зрения друг другу, каждая из них кажется обоснованной и убедительной. Тем более что обе исходят от людей, которые имеют или имели непосредственное отношение к государственной юстиции и до сих пор стоят на страже конституции и прав личности, хотя и выступают при этом в разных ролях[7]. Но если посмотреть более внимательно, вторая точка зрения видится более обоснованной. Тем не менее, на наш взгляд, и та и другая точка зрения не могут быть приняты в полной мере по следующим основаниям.

1. Свой анализ хотелось бы начать со второй точки зрения, так как он является не столь объемным как первой, так как вторая точка зрения практически не вызывает у нас возражений, за исключением следующего. Трудно согласиться со *второй точкой зрения* в той части, что опасность есть неотъемлемая часть свободы. Опасность есть неотъемлемая часть любой жизни: свободной, несвободной или ограниченно свободной. Вот только степень опасности у несвободных и ограниченно свободных людей *обычно* выше, чем у людей свободных, так как несвободные или ограниченные в ней люди не принадлежит себе, нередко (это в первую очередь касается рабов) являясь вещью в руках своего хозяина. Только для истинно

[7] Валерий Дмитриевич Зорькин – действующий Председатель Конституционного Суда РФ. Герхард Баум – бывший Министр внутренних дел ФРГ (1978-1982), а ныне адвокат, специализирующийся на защите прав граждан, прежде всего, в Федеральном Конституционном Суде Германии.

свободного человека не существует опасности и этому способствует конституционное право, то есть реализации свободы без опасности.

Поэтому не опасность, а безопасность, с правовой точки зрения, может восприниматься как проявление человеческой свободы. Следовательно, нельзя противопоставлять свободу и безопасность, последняя есть проявление конституционно-правовой или объективной (но не субъективной или естественной) свободы.

2. Безопасность, по определению представителей *первой точки зрения* (сторонников ограничений конституционных прав и свобод в пользу безопасности), есть «фундаментальнейшая свобода». Но Конституция РФ не определяет безопасность как свободу. Это видно даже из текстуального анализа российской Конституции. В ней слово «безопасность» упоминается 12 раз. Из них один раз употребляется в названии органа («Совет Безопасности Российской Федерации» – пункт «ж» ст. 82). Четыреждыа слово «безопасность» употребляется в словосочетаниях «безопасность государства» и «безопасность людей»[8]. В ст. 71 (пункт «м»), в которой речь идет о компетенции Российской Федерации, понятие «безопасность» употребляется в сочетании «оборона и безопасность». В ст. 72 (часть 1, пункты «б» и «д»), закрепляющей предметы совместного ведения, оно употребляется в словосочетаниях «общественная безопасность» и «экологическая безопасность».

Хотя используемое в Конституции РФ понятие «безопасность государства» в конституционно-правовой теории и в практике Конституционного Суда РФ[9] названа конституционно-правовой ценностью (и с этим мы согласны), напрямую Конституция РФ это ценностью не называет. Впрочем, Конституция РФ за редкими исключениями (ст. 2, 44, 74) не употребляет слово «ценность». Казалось бы поэтому ставить безопасность и свободу на одну чашу весов нет никаких формально-юридических оснований. Однако для этого есть формально-логические основания.

Понятия «*безопасность*» и «*правомочие защиты субъективного права*» – понятия, как минимум, пересекающиеся. Их пересечение наглядным образом видно в праве на личную неприкосновенность *в части* ее неотъемлемого элемента – права личной безопасности. В этом случае понятию «безопасность» формально-логически подчинено понятие «личная безопасность». Между тем знание о том, что понятие «безопасность», будучи родовым

[8] Понятие «безопасность государства» упоминается в ст. 13 (часть 5); ст. 55 (часть 3); ст. 82 (часть 1, абз. 2); ст. 114 (часть 1, пункт «д») Конституции РФ. Понятие «безопасность людей» – ст. 37 (часть 3); ст. 56 (часть 1); ст. 74 (часть 2); ст. 98 (часть 1) Конституции РФ.

[9] См.: абз. 4 пункта 4 Постановления КС РФ № 14-П от 22.11.2000; абз. 4 пункта 2 Определения КС РФ № 61-О от 06.03.2001; абз. 2 пункта 4.1. Постановления КС РФ № 9-П от 23.04.2004; абз. 5 пункта 2 Постановления КС РФ № 9-П от 16.07.2008; абз. 1 пункта 2.1. Постановления КС РФ № 16-П от 29.06.2012; абз. 3 пункта 2 Постановления КС РФ № 23-П от 10.11.2016 и др.

понятием по отношению к понятию «личная безопасность», но частично совпадая с понятием «правомочие защиты субъективного права», проясняет лишь то, что свобода, воплощенная в праве на личную неприкосновенность и в других конституционных правах и свободах, обретает механизмы для безопасного ее использования. Однако оно не проясняет того, как субъективное право может быть ограничено в пользу безопасности или как при помощи правовых средств можно достичь баланса между свободой и безопасностью. И нам ясно, почему этого сделать нельзя.

Невозможно установить баланс между родом и видом, так как род всецело поглощает вид (если считать, что безопасность – это вид свободы, то есть «фундаментальнейшая свобода»), а уж тем более нельзя ограничить вид в пользу рода, так как вид есть некоторая (ограниченная) *часть* рода. С формально-логической точки зрения понятия «безопасность» и «свобода», будучи понятиями, максимально общими, есть понятия разных классов. Однако видовые отличия этих понятий образуют новый класс понятий. На примере «личной безопасности», которая будучи элементом права на личную неприкосновенность есть выражение социальной свободы, видно, как на данном уровне абстракции свобода и безопасность (в этом видовом отличии) образуют новый класс. Остается лишь разобраться с родом этого класса, что, вероятно, невозможно без ценностного измерения – аксиологической модальности.

Достоинство личности в конституционном праве как фундаментальное выражение свободы

Набольшее затруднение при выявлении общего понятия класса в контексте «свобода-безопасность» видится в соотнесении между собой видовых понятий из рода «безопасность». Поэтому, на наш взгляд, начать анализ необходимо именно с них.

Очевидно, что формально-логически понятие «личная безопасность» не совпадает с приведенными формами словосочетаний, используемых в ст. 13 (часть 5), 37 (часть 3), 55 (часть 3), 56 (часть 1), 74 (часть 2), 82 (часть 1, абз. 2), 114 (часть 1, пункт «д»), 98 (часть 1) Конституции РФ: «безопасность государства», «безопасность людей» и т. д. Однако, как это ни парадоксально, все видовые отличия этих понятий связаны с понятием «государство». Объяснение кроется в том, что понятие «государство» имеет разные определения. Омонимия понятия «государства» связана с тем, что оно по-разному определяется (представляется в сознании людей) при его контекстном употреблении.

Государство иногда воспринимается как некоторая условная личность, что неизбежно порождает противопоставление государства человеку, обществу. Это отчетливо видно, когда государство выступает в роли субъекта управления, а общество, человек – в качества объекта

управления. В первом случае субъекту управления (А) формально-логически противостоит объект управления (Б). Следовательно, в этом смысле под «безопасностью государства» мыслится не что иное, как безопасность его представителей или как безопасность самой государственной системы. Поэтому «личная безопасность» и «безопасность государства» с формально-логической точки зрения в данном смысле есть понятия несовместимые, поскольку акцент понятия «безопасность государства» в этом случае делается на государстве-личности, то есть на представителях, действующих в государственной системе от имени условной личности (фикции) – государства. В этом смысле «безопасность государства» является элементом права на защиту представителей государства и/или государственной системы в целом, тогда как «личная безопасность» – элементом права на неприкосновенность человека (личную неприкосновенность), то есть безопасность лица, действующего от собственного имени.

Порой государство воспринимается и как публично (государственно) организованное общество, где общество первично по отношению к государственной власти [Мамут, 2001, 5-14]. В этом смысле понятие «личная безопасность» подчиняет себе понятие «безопасность государства», так как под последним мыслится «*личная безопасность каждого человека*». Следовательно, понятие «личная безопасность», являясь элементом права личной неприкосновенности и подчиняя себе понятие «безопасность государства», включает понятие «безопасность государства» в состав права на личную неприкосновенность. Тем не менее в таком случае возникает противоречие между правом на личную неприкосновенность, закрепленным в ст. 22 Конституции РФ, и понятием «безопасность государства», названным в ст. 55 (часть 3) Конституции РФ в качестве основания для ограничения федеральным законом довольно широкого круга прав, перечисленных в Конституции РФ, включая и *право на личную неприкосновенность*. Элемент права не может ограничить само право.

Тогда остается лишь противопоставить личную безопасность безопасности государства. Но этого также сделать нельзя, так как это противоречит части 3 ст. 55 Конституции РФ. При ограничении права на личную неприкосновенность федеральным законом в целях безопасности государства последняя (безопасность государства) тем самым приобретает приоритет перед личной безопасностью. И в этом случае возникает некоторого рода парадокс: «безопасность государства» подчиняет себе «личную безопасность», лишая право личной неприкосновенности какой-либо защиты, тем самым превращая это право в декларацию.

Как видим, выйти из этого тупика возможно, если допустить, что какой-либо из элементов права на личную неприкосновенность не может быть ограничен в пользу ценности «безопасность государства». Таким элементом права на личную неприкосновенность, по

нашему мнению, является человеческое достоинство. Это утверждение объясняется в первую очередь с объективных (социально-психологических) позиций.

По меткому замечанию Эриха Фромма, *чувство* гордости и *достоинства* есть *духовный стержень человека* [Фромм, 2016, 88]. «Мы не можем, – писал он, – поступиться также новым демократическим принципом, утверждающим, что никто не должен голодать, что общество ответственно за всех своих членов, что никто не будет вынужден – страхом безработицы и голода – *к подчинению* и *потере* человеческого *достоинства* (курсив наш. – Л.А.)» [там же, 197]. По его мнению, независимость и достоинство человека – это свобода в ее позитивном смысле [там же, 97]. Другими словами, достоинство личности есть непоколебимый стержень человеческой свободы, утрата которого ведет к утрате человеческой личности (он становится вещью – рабом) или вовсе к уничтожению индивида (к его физической гибели[10]). А если это так, то и *право* немыслимо без непоколебимой ценности человека – его достоинства.

И действительно, существование человека немыслимо без сохранения достоинства потому, что предположим, *утрачивая телесную неприкосновенность* (например, при применении силы при его задержании как подозреваемого) человек не перестает быть человеком. Поэтому с точки зрения права он не может быть подвергнут такому насилию или иному обращению, которое может унизить его человеческое достоинство. Следовательно, это право не должно быть нарушено даже в самых чрезвычайных жизненных обстоятельствах (войнах, катастрофах и т. п.).

Можно утверждать, что *«личная безопасность»*, являясь элементом *достоинства личности, составляет нерушимый стержень человеческой неприкосновенности*. Без ценности достоинства существование человека как личности невозможно. Право на личную безопасность выражается не только в запрете ставить в опасность личное достоинство, но и в запрете *ставить в опасность* неотъемлемо связанные с личным достоинством *иные проявления неприкосновенности*: физическую (жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, половую свободу), нравственную (честь, нравственную свободу) и психическую неприкосновенность.

В содержательном системном единстве психическая и нравственная неприкосновенность в целом составляют единое правовое выражение свободы – право на *достойную жизнь человека*. Поэтому нравственная и психическая неприкосновенность не могут быть ограничены. Следовательно, можно говорить, что *существует абсолютное право личного*

[10] Не секрет, что некоторые тяжелые жизненные обстоятельства, принижающие достоинство человека, особенно такого, кто им очень дорожит, может привести даже к самоубийству.

достоинства, составным элементом которого является «личная безопасность». Лишь в этом качестве *личная безопасность* помещается на высшую ступень конституционно-правовых ценностей. И лишь в смысле «*личной безопасности*» конституционно-правовое понятие *безопасность* является фундаментальнейшей свободой (так как она в первую очередь составляет «защитительный» элемент достоинства личности). И только в смысле *личной безопасности каждого* конституционно-правовая ценность «*безопасность государства*» стоит на защите человека, его прав и свобод.

Заключение

Мы убеждены, что у читателя осталось немало вопросов относительно категорий «свобода» и «безопасность». И действительно, «свобода» и «безопасность» – те сложные понятия, над определением которых спорят в различных науках. Дискуссии по их определению не утихают и в науке конституционного права. С принятием Конституции РФ, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), они приняли новое качественное измерение – ценностное (аксиологическое) конституционно-правовое измерение.

В настоящей статье мы попытались доказать, что понятия «свобода» и «безопасность» имеют собственное конституционное наполнение, базирующиеся на фундаментальной правовой ценности – «достоинство личности». Фундаментальность ценности «достоинство личности» проявляется в том, что она является абсолютным выражением относительной социальной ценности – свободы. Достоинство личности – высшая конституционно-правовая ценность.

Разумеется, свобода под воздействием объективных потребностей проявляется в конституционном праве не только в ценности «достоинство личности», но в других конституционно-правовых ценностях. Например, она проявляется в праве на свободу (ст. 22, часть 1, Конституции РФ). Реализация этого права ставится в такие рамки, что оно не может быть осуществлено в ущерб свободе других лиц (ст. 17, часть 3, Конституции РФ).

Таким образом, Конституция РФ устанавливает такое ценностное измерение свободы, при котором формируется своеобразная иерархическая аксиологическая модель, выстраивающаяся сверху вниз от абсолютной ценности к относительным, целью которой является устранение произвола в реализации свободы.

Библиография

1. Арутюнян А.А. Конституционализм: проблемы постсоветской реальности. М.: Норма, 2013. 160 с.
2. Баум Г. Спасти права человека. М.: Сектор, 2015. 136 с.
3. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Вып. 2. М.: Юрист, 2014. 184 с.
4. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 554 с.
5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского.URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt
6. Суханов Е.А. (ред.) Гражданское право: в 4 т. Т. I. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2004. 736 с.
7. Зорькин В.Д. Право против хаоса // Российская газета. 2015. № 265 (6836). 24 ноября.
8. Нерсесянц В.С. (ред.) История политических и правовых учений. М.: НОРМА-ИНФРА, 2002.
9. Краснов М.А. Л.С. Мамут и вечные вопросы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2(54). С. 7-17.
10. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
11. Мамут Л.С. Метаморфозы восприятия государства // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: Институт государства и права РАН, 1996. С. 56-67.
12. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5-14.
13. Нерсесянц В.С. Ценность свободы как триединства свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: Институт государства и права РАН, 1996.
14. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права. URL: http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt
15. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М.: Юристъ, 2003. 256 с.
16. Перевалов В.Д. (ред.) Теория государства и права. М.: Норма, 2007.
17. Фромм Э. Бегство от свободы // А.И. Фет. Собрание переводов: Бегство от свободы. Революционный характер. Philosophical arkiv. Sweden, 2016. С. 217-231.
18. Петрухин И.Л. Комментарий к статье 21 Конституции РФ // Конституция Российской

Федерации: Научно-практический комментарий. М., Юристъ. С. 223-230.

Constitutional legal values as the constitutional and legal expression of freedom

Andrei N. Lans

Postgraduate,

Department of constitutional and administrative law,

National Research University "Higher School of Economics",

101000, 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: lansandrey@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to the problems of freedom, security and constitutional and legal values. The paper shows that there are at least three conceptions of freedom that have constitutional and legal significance: natural freedom, constitutional-legal freedom and freedom in a factually social form. At the same time, the author comes to the conclusion that natural freedom and constitutional and legal freedom are only ideals of freedom, which, for a better understanding of their essential-emotional meaning, should be called subjective and objective freedom, respectively. Both ideals have a direct influence on the actual formation of people's ideas about freedom. The study shows how subjective (natural) and objective (constitutional-legal) ideas about freedom fill the constitutional norms on rights and freedoms with concrete meaning. The author proves that constitutional rights and freedoms of man and citizen are a direct dynamic expression of freedom in its natural (subjective) and constitutional-legal (objective) senses. At the same time, in the static sense, freedom is independence and inviolability. Constitutional rights and freedoms, being a dynamic expression of freedom, are built on their own axiological hierarchical model, different from subjective representations. The top and at the same time the foundation of the constitutional-legal axiological hierarchical model is the absolute constitutional-legal value "the dignity of the individual" expressed in Art. 21 of the Constitution of the Russian Federation in the form of the right to protect the dignity of the individual. The dignity of the individual, being an element of the right to personal inviolability, is an absolute and independent constitutional and legal value.

For citation

Lans A.N. (2017) Konstitutsionno-pravovye tsennosti – konstitutsionno-pravovoe vyrazhenie svobody [Constitutional legal values as the constitutional and legal expression of freedom]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A),

pp.171-186.

Keywords

Constitution of the Russian Federation, constitutional and legal values, freedom, dignity of the individual, right to personal inviolability.

References

1. Arutyunyan A.A. (2013) *Konstitutsionalizm: problemy postsovetskoi real'nosti* [Constitutionalism: Problems of post-Soviet reality]. Moscow: Norma Publ.
2. Baum G. (2015) *Spasti prava cheloveka* [Save human rights]. Moscow: Sektor Publ.
3. Bondar' N.S. (2014) *Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya* [Axiology of judicial constitutionalism: Constitutional values in the theory and practice of constitutional justice. V. 2]. Moscow: Yurist Publ.
4. Bondar' N.S. (2016) *Sudebnyi konstitutsionalizm: doktrina i praktika* [Judicial constitutionalism: Doctrine and practice]. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.
5. Fromm E. (1941) *Escape from freedom*. (Russ. ed.: Fet A.I. (2016) *Sobranie perevodov: Begstvo ot svobody. Revolyutsionnyi kharakter.* Philosophical arkiv. Sweden, pp. 217-231).
6. Hobbes Th. (1651) *Leviathan or the matter, forme and power of common, wealth ecclesiaticall and civil*. (Russ. ed.: Gobbs T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*). Available at: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt [Accessed 11/05/17].
7. Kirillov V.I., Starchenko A.A. (2003) *Logika* [Logics]. Moscow: Yurist" Publ.
8. Krasnov M.A. (2016) L.S. Mamut i vechnye voprosy [L.S. Mamut and eternal questions]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proc. of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2 (54), pp. 7-17.
9. Mamut L.S. (1996) Metamorfozy vospriyatiya gosudarstva [Metamorphosis of the state perception]. In: *Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovlenie* [Problems of the value approach in law: traditions and renewal]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, pp. 56-67.
10. Mamut L.S. (2001) Sotsial'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava [The social state in terms of law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 7, pp. 5-14.
11. Mikeshina L.A. (2007) *Epistemologiya tsennostei* [Epistemology of values]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.
12. Nersesyants V.S. (1996) Tsennost' svobody kak triedinstva svobody, ravenstva i spravedlivosti [The value of freedom as a triune of freedom, equality and justice]. In: *Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovlenie* [The problems of the value approach in law: traditions

and renewal]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

13. Nersesyants V.S. (ed.) (2002) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and legal doctrines]. Moscow: NORMA-INFRA Publ.
14. Perevalov V.D. (ed.) (2007) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Norma Publ.
15. Petrukhin I.L. (????) Kommentarii k stat'e 21 Konstitutsii RF [Commentary on Article 21 of the Constitution of the Russian Federation]. In: *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: Nauchno-prakticheskii kommentarii* [The Constitution of the Russian Federation: Scientific and practical commentary]. Moscow: Yurist" Publ., pp. 223-230.
16. Rousseau J.-J. (1762) *The social contract, or principles of political right*. (Russ. ed.: Russo Zh.-Zh. *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo Prava*). Available at: http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt [Accessed 11/05/17].
17. Sukhanov E.A. (ed.) (2004) *Grazhdanskoe pravo: v 4 t. T. I. Obshchaya chast'* [Civil law: 4 vol. V. 1. The general part]. Moscow: Volters Kluver Publ.
18. Zor'kin V.D. (2015) Pravo protiv khaosa [The right against chaos]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 265 (6836), 24th Nov.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.924:004

Совершенствование системы законодательства об ответственности Кыргызской Республики за информационные правонарушения

Муслимов Шухрат Рахимович

Кандидат технических наук, доцент,
кафедра информационных и вычислительных технологий,
Кыргызско-Российский славянский университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина,
720001, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44;
e-mail: shmuslim50@mail.ru

Аннотация

Проанализированы пути дальнейшего совершенствования системы законодательства об ответственности Кыргызской Республики (КР) за информационные правонарушения, внесены предложения, направленные на совершенствование отечественного законодательства в целях предотвращения информационных угроз. Установлено, что в законодательстве КР понятие информации сводится, как правило, к сведениям, предоставляемым в любой форме и отражающим тот или иной контекст или содержание. Нормативную правовую базу порядка обеспечения информационной безопасности страны составляют более ста законов и нормативах правовых документов. С учетом глобализации защита информационных ресурсов и обеспечение безопасности в информационно-психологической сфере приобретают новое, особенное значение, в связи с чем данный аспект должен учитываться в процессе разработки политики государства в сфере обеспечения национальной безопасности КР. Предлагаются принципы развития системы законодательства об ответственности за правонарушения в информационной сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Муслимов Ш.Р. Совершенствование системы законодательства об ответственности Кыргызской Республики за информационные правонарушения // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 187-194.

Ключевые слова

Информационная безопасность; защита информации; техническая защита информации; информационные правонарушения.

Введение

Одной из основ совершенствования современного мира выступает научно-технический прогресс, неизменно и прочно внедряемый в наш современный быт. Сегодня практически ни один человек уже не может представить себе свою жизнь без различных видов технических пристособлений. Современное общество существует в условиях неизменного развития передовых технологий, где эволюционирование прикладной науки оказывает влияние на многочисленные открытия, которые в конечном итоге позволяют большинство ее достижений внедрять в повседневную жизнь и в производство. Переход же к таким передовым технологиям приводит к существенному ускорению информатизации общества.

Сегодня информация является одним из важнейших ресурсов мирового сообщества. Именно информация имеет ключевое значение для всех сфер экономики, политики и права. Информация выходит на новый уровень, так как содержа в себе новые знания и решения, на ней основывается развитие всего современного общества, пути его дальнейшего совершенствования. С учетом всей ценности информации особое значение приобретает совершенствование ее охраны посредством законодательных норм, с одной стороны, и противодействие злоупотреблению ею, с другой. Одна из ведущих ролей здесь принадлежит совершенствованию системы законодательства за информационные правонарушения.

Современной информации присущи такие качества, имеющие значение для правоприменения, как разнообразие, фиксация, а также наличие связи с потребителем (пользователем), придающие ей ценностную характеристику, служащую фундаментом разделения информации на общедоступную и на информацию с ограниченным доступом.

За время становления независимой Кыргызской Республики произошли качественно новые изменения в инфраструктуре связи. Однако претворение в жизнь крупнейших телекоммуникационных проектов на рубеже столетий позволило избежать значительной разницы в технологическом разрыве и информационной изолированности республики от всего мирового сообщества. Все же отметим, что стремительный процесс модернизации высоких технологий и в то же время необеспеченность некоторых регионов Кыргызской Республики основными средствами связи неизбежно ставит перед государством задачи по совершенствованию технологической базы и построению новых правил организации труда.

В законодательстве Кыргызской Республики понятие информации сводится, как правило, к сведениям, предоставляемым в любой форме и отражающим тот или иной контекст или содержание. Нормативную правовую базу порядка обеспечения информационной безопасности Кыргызской Республики составляют более ста законов и нормативах правовых документов. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Информационное законодательство Кыргызской Республики

В Конституции Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года), закреплены важнейшие принципы защиты информации в Республике, установлена обязанность и ответственность основных участников информационной сферы. Основным законом определена также роль Правительства Кыргызской Республики в сфере обеспечения национальной безопасности (ст. 88, часть 1), закреплено право каждого гражданина на получение, хранение и распространение информации (ст. 33), регламентирован порядок выражения мыслей и убеждений (ст. 31).

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики в главе 28 установлена ответственность за преступления в сфере компьютерной информации (ст. 290). При этом отметим, что уголовным законом не предусмотрена ответственность за правонарушения в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности, что, несомненно, является законодательным пробелом, так как информационно-психологическая безопасность – составная часть информационной безопасности. Кроме того, иные действующие в сфере защиты информационной безопасности нормативные акты Кыргызской Республики лишь косвенно затрагивают вопросы негативного информационно-психологического воздействия на сознание граждан и правовые институты государства, не устанавливая и не определяя при этом механизмы защиты информационно-психологической безопасности отдельно взятой личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Полагаем, что с учетом глобализационных процессов защита информационных ресурсов и обеспечение безопасности в информационно-психологической сфере приобретают новое, особенное значение, в связи с чем данный аспект должен учитываться в процессе разработки политики государства в сфере обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики.

Помимо рассмотренных нормативных документов, к числу актов в сфере защиты информации мы относим и Закон Кыргызской Республики «О гарантиях и свободе доступа к информации» (закон КР от 05.12.1997 № 89), в соответствии с требованиями ст. 3 которого «каждому гражданину гарантируется право доступа к информации. Государство защищает право каждого на поиск, получение, исследование, производство, передачу и распространение информации». Данный документ затрагивает вопросы регулирования отношений физического и юридического лица в процессе взаимодействия с информацией.

Статьей 3 Закона Кыргызской Республики «Об информатизации» установлены важнейшие направления государственной политики в сфере информатизации. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы (утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 21.01.2013 № 11) обозначила основной курс

государственной информационной политики, закрепив «обеспечение конституционного права граждан на доступ к информации; формирование единого информационно-телекоммуникационного пространства страны как базы решения задач социально-экономического, политического и культурного развития страны; разработку и реализацию действенных проектов для повышения уровня информированности населения об основных направлениях государственной политики» [Национальная стратегия…, 2013].

Проведенный анализ отдельных нормативных правовых актов в сфере защиты информации показывает, что в Кыргызской Республике в настоящее время принимаются комплексные меры, направленные на совершенствование механизма обеспечения информационной безопасности, тем не менее эта нормативная основа все же нуждается в совершенствовании, так как темпы развития современного общества свидетельствуют о постоянном росте роли информационной сферы в жизнедеятельности людей. В связи с этим полагаем, что необходимо сформировать единое целостное информационно-правовое телекоммуникационное пространство, которое стало бы индикатором социально-экономической и общественно-политической обстановки в республике, способствовало устойчивому и эффективному управлению государственными структурами в различных условиях с учетом обеспечения национальной безопасности.

При разработке ключевых задач в сфере информационной политики Кыргызской Республики, а также при совершенствовании системы законодательства об ответственности за информационные правонарушения, следует также учитывать новые тенденции в данной сфере: информационная политика государства должна быть ориентирована на право общественных объединений, граждан и государства на свободное использование, распространение, поиск и получение информации, а также на защиту интеллектуальной собственности и конфиденциальной информации.

Полагаем, что целью совершенствования системы законодательства об ответственности за информационные правонарушения должно стать создание четкого механизма регулирования информационно-коммуникационных технологий, которые выступают в качестве правовых основ для широкого использования информационных технологий в современном гражданском обществе, а также во взаимоотношениях государства с отдельно взятыми организациями и гражданами.

В настоящее время при широком использовании и повсеместном внедрении новейших информационно-коммуникационных технологий соответствующая нормативная база должна быть создана таким образом, чтобы она не только не препятствовала, но и в большей мере способствовала усовершенствованию информационно-коммуникационных технологий в Кыргызской Республике. Полагаем, что основные направления развития системы

законодательства об ответственности в Кыргызской Республике за информационные правонарушения должны базироваться на определенных принципах, к числу которых мы относим:

1) минимизацию барьеров на пути интеграции Кыргызской Республики в мировое информационное пространство, а также в международные системы по обмену информацией и информационными ресурсами;
2) ликвидацию препятствий, возникающих на пути распространения информации;
3) открытость, полноту информации, прозрачность деятельности органов государства и снятие административных барьеров, создание необходимых условий для установления «обратной связи» и взаимодействия между отдельно взятыми гражданами и государством;
4) обеспечение равного права каждого человека на доступ к открытым данным в государственных информационных ресурсах;
5) обеспечение информационной безопасности каждого отдельно взятого гражданина, общества и государства в целом, без нарушения при этом, принципа открытости информации;
6) нормативную регламентацию отношений права собственности на информацию, информационные ресурсы, информационно-телекоммуникационные технологии при условии обеспечения равенства всех форм собственности;
7) защиту прав субъектов в сфере функционирования информационного пространства на интеллектуальную собственность согласно принципам международного права.

Как справедливо отмечается исследователями, «перераспределение объемов информации, которая находится под охраной и защитой собственника (пользователя) согласно требованиям нормативных документов вносит фундаментальные изменения в теорию и практику защиты государственных, общественных, частных и иных охраняемых нормами права секторов, что требует разработки и принятия новой Концепции совершенствования нормативного обеспечения информационной безопасности Кыргызской Республики» [Куняев, 2012, 137]. С данным высказыванием хотелось бы согласиться. Добавим только следующее: основные положения данной Концепции должны базироваться на теоретических и практических разработках отечественных исследователей, мнениях зарубежных специалистов относительно проблем законодательного обеспечения информационной безопасности личности, общества, государства в Кыргызской Республике. В целях минимизации дублирования и систематизирования работы с информацией ограниченного доступа, необходимо в числе первоочередных задач законодательно закрепить соответствующие виды охраняемой информации.

В Концепции также должна найти место характеристика правонарушений в режиме охраняемой информации, содержащая в себе, по нашему мнению, определенный набор признаков, которые:

1) помогают уяснить распространенность и состав правонарушений, в которых они распределены в зависимости от из вида охраняемой законом тайны (государственная, служебная и коммерческая);
2) определяют область профессиональной деятельности лиц, выступающих в качестве исполнителей секретной документации или выполняющих работы, содержащие в себе признаки правонарушений в режиме охраняемой информации;
3) отражают особенности субъектов, виновных в совершении правонарушений в режиме охраняемой информации;
4) способствуют возникновению угроз для информационной безопасности.

Первая из указанных групп признаков должна служить информационной базой, необходимой для оценки степени актуальности борьбы с правонарушениями в режиме охраняемой информации, для определения важнейших направлений данной деятельности, для достижения оптимальных результатов использования сил, средств профилактического воздействия.

Вторая группа признаков отражает среду, в рамках которой правонарушения в режиме охраняемой законом информации могут существовать, а при определенных условиях и обеспечивать собственное «воспроизводство».

Третья группа признаков базируется на наличии неразрывной взаимосвязи между деянием и исполнителем. Она позволит при постановке и последующем решении задач в сфере борьбы с правонарушениями в сфере обращения информации с ограниченным доступом проводить анализ важнейших функциональных особенностей проявления данных нарушений, которые обусловлены специфическими характеристиками личности тех, кто совершает подобные правонарушения, и учитывать их при разработке профилактических мероприятий.

Четвертая группа признаков выступает объективным отражением социальных явлений и процессов, которые обусловливают правонарушения в сфере обращения информации с ограниченным доступом, наглядно демонстрирует единство объективных и субъективных признаков в характеристике составов правонарушений режима охраняемой информации и убеждает в необходимости учитывать подобные данные в законотворчестве и при разработке профилактических мероприятий.

Результаты исследований некоторых современных авторов [Бородин, 2016, 13; Мишина, 2013, 492] показывают, что сегодня правонарушения чаще всего имеют место на каналах оперативной связи (телефон, телеграф, радиосвязь), при использовании информационных и

телекоммуникационных систем, служебной переписке, публикации печатных материалов в открытом доступе, в передачах по радио- и телевидению, в процессе ведения секретного делопроизводства, лицензионно-разрешительной работе, транспортировке специальных изделий и секретных документов; в результате использования технических средств, которые демаскируют объект остаточным излучениями, при визуальном обзоре объекта с помощью оптических средств; при приеме и увольнении работников организации, приеме командированных лиц, проведении совещаний под грифом «совершенно секретно».

В части борьбы с компьютерными преступлениями, ответственность за которые установлена ст. 290 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, необходимым видится создание эффективных мер по вопросам хакерства и мошенничества в компьютерных сетях. Здесь считаем необходимым:

1) обеспечить гласность и открытость разработки норм права с привлечением общественности при подготовке проектов нормативных документов и их обсуждении в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;
2) организовать системный подход, направленный на совершенствование действующего законодательства в сфере создания и последующего использования информационных ресурсов и инфраструктуры;
3) гармонизировать законодательство Кыргызской Республики и привести его в соответствие с нормами международного права и международных договоров с участием Кыргызской Республики.

Заключение

Реализация указанных мер и принципов, по нашему мнению, позволит создать механизм четкого и интенсивного развития информационного общества в Кыргызской Республике и будет способствовать развитию системы законодательства об ответственности за информационные правонарушения. Полагаем, что модернизация современного законодательства поможет решить задачу построения информационного общества, а решение данных задач должно совершенствоваться посредством:

4) систематизации законодательства (приведении действующих нормативных документов в единую четко структурированную, упорядоченную и согласованную систему);
5) актуализации и обновления системы законодательства (своевременное изменение и отмена устаревших актов);
6) совершенствования процесса подготовки и принятия нормативных актов (законотворческие процессы должны быть прозрачными и открытыми);

7) создания четкого механизма, направленного на исполнение законов и других нормативных актов. Стандартизация и лицензирование в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Различия, наблюдаемые в форматах представления информации, тормозят эффективное применение государственных информационных ресурсов. Исходя из этого, полагаем, что в нормативных правовых актах следует отразить:

1) порядок создания структурированной слаженной системы экспертизы технологических и информационных систем на соответствие стандартам;
2) порядок разработки механизмов лицензирования программных продуктов;
3) факт недопущения использования нелицензионного программного обеспечения органами государственной власти и управления;
4) стандарты в области информационно-коммуникационных технологий.

Библиография

1. Бородин К.В. Объекты и субъекты правового регулирования борьбы с распространением вредной информации в сети Интернет // Информационное право. 2016. № 2 (48). С. 13-17.
2. Конституция Кыргызской Республики от 27.06.2010 // Конституции государств Азии. Т. 2: Средняя Азия и Индостан. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 454-492.
3. Куняев Н.Н. Обеспечение национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере: правовой аспект. М.: Юрлитинформ, 2012. 331 с.
4. Мишина Е.А. Кыргызстан: нелегкий путь к основам правового государства // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире. М.: Юстицинформ, ЛУМ, 2013. С. 492-507.
5. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы: утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 21.01. 2013 № 11. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542
6. О гарантиях и свободе доступа к информации: закон Кыргызской Республики от 05.12.1997 № 89: утвержден Президентом КР. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/589
7. Об информатизации: закон Кыргызской Республики от 08.10.1999 № 107: утвержден Законодательным собранием Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 30.09.1999. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=131
8. Уголовный кодекс Кыргызской Республики, введен в действие законом КР от 01.10.1997 № 69. URL: http://online.adviser.kg/document/?doc_id=30222833

Improvement of the system of legislation on responsibility of the Kyrgyz Republic for information offenses

Shukhrat R. Muslimov

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Department of information and computing technologies,
Kyrgyz Russian Slavic University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
720001, 44 Kievskaya str., Bishkek, Kyrgyz Republic;
e-mail: shmuslim50@mail.ru

Abstract

The ways of further improving the system of legislation on responsibility of the Kyrgyz Republic (KR) for information offenses are analyzed. The proposals are made aimed at improving domestic legislation in order to prevent information threats. It is established that in the Kyrgyz legislation the concept of information is reduced, as a rule, to information provided in any form and reflecting one or another context or content. The normative legal basis for ensuring the information security of the country consists of more than one hundred laws and regulations of legal documents. In view of globalization, the protection of information resources and the provision of security in the information and psychological sphere are acquiring a new and especial significance, and this aspect should be taken into account in the process of developing the state policy in the sphere of ensuring the national security of the Kyrgyz Republic. The principles of developing the system of legislation on liability for violations in the information sphere are proposed.

For citation

Muslimov Sh.R. (2017) Sovershenstvovanie sistemy zakonodatel'stva ob otvetstvennosti Kyrgyzskoi Respubliki za informatsionnye pravonarusheniya [Improvement of the system of legislation on responsibility of the Kyrgyz Republic for information offenses]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 187-194.

Keywords

Information security, data protection, technical protection of information, information offenses.

References

1. Borodin K.V. (2016) Ob"ekty i sub"ekty pravovogo regulirovaniya bor'by s rasprostraneniem vrednoi informatsii v seti Internet [Objects and subjects of legal regulation of struggle against the spread of harmful information on the Internet]. *Informatsionnoe pravo* [Information law], 2 (48), pp. 13-17.
2. Kunyaev N.N. (2012) *Obespechenie natsional'nykh interesov Rossiiskoi Federatsii v informatsionnoi sfere: pravovoi aspekt* [Ensuring the national interests of the Russian Federation in the information sphere: the legal aspect]. Moscow: Yurlitinform Publ.
3. Mishina E.A. (2013) Kyrgyzstan: nelegkii put' k osnovam pravovogo gosudarstva [Kyrgyzstan: the difficult path to the foundations of the legal state]. In: *Doktriny Pravovogo Gosudarstva i Verkhovenstva Prava v sovremennom mire* [The doctrines of a Legal State and the Rule of Law in the modern world]. Moscow: Yustitsinform, LUM Publ., pp. 492-507.
4. *Natsional'naya strategiya ustoichivogo razvitiya Kyrgyzskoi Respubliki na period 2013-2017 gody: utverzhdena Ukazom Prezidenta Kyrgyzskoi Respubliki ot 21.01. 2013 № 11* [National strategy of sustainable development of the Kyrgyz Republic for the period 2013-2017: approved by the Decree of the President of the Kyrgyz Republic of January 21, 2013 No. 11]. Available at: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542 [Accessed 12/05/17].
5. *O garantiyakh i svobode dostupa k informatsii: zakon Kyrgyzskoi Respubliki ot 05.12.1997 № 89: utverzhden Prezidentom KR* [On guarantees and freedom of access to information: Law of the Kyrgyz Republic No. 89 of December 5, 1997: approved by the President of the Kyrgyz Republic]. Available at: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/589 [Accessed 12/05/17].
6. *Ugolovnyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki, vveden v deistvie zakonom KR ot 01.10.1997 № 69* [The Criminal Code of the Kyrgyz Republic, enacted by the law of the KR dated October 1, 1997 No. 69]. Available at: http://online.adviser.kg/document/?doc_id=30222833 [Accessed 12/05/17].
7. *Ob informatizatsii: zakon Kyrgyzskoi Respubliki ot 08.10.1999 № 107: utverzhden Zakonodatel'nym sobraniem Zhogorku Kenesha Kyrgyzskoi Respubliki 30.09.1999* [On informatization: Law of the Kyrgyz Republic No. 107 of October 8, 1999: approved by the Legislative Assembly of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic on September 30, 1999]. Available at: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=131 [Accessed 12/05/17].
8. Konstitutsiya Kyrgyzskoi Respubliki ot 27.06.2010 [The Constitution of the Kyrgyz Republic of June 27, 2010] (2010). In: *Konstitutsii gosudarstv Azii. T. 2: Srednyaya Aziya i Indostan* [Constitution of Asian States. V. 2: Central Asia and Hindustan]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma Publ., pp. 454-492.
9. Rj Improvement of the system of legislation on responsibility of the Kyrgy…ytw cnfnmb

УДК 349.6

Предмет фаунистического права как подотрасли экологического права

Иванова Светлана Витальевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры земельного и трудового права,
Оренбургский государственный аграрный университет,
460014, Российская Федерация, Оренбург, ул. Челюскинцев, 18;
e-mail: servis-05@list.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению отношений по охране и использованию животного мира и среды его обитания, составляющих предмет фаунистического права. Особое внимание отводится вопросу разграничения сферы правового регулирования объектов животного мира нормами гражданского и фаунистического права. Автор отмечает, что поскольку животный мир является объектом природы, отношения по его охране и использованию регулируются нормами экологического и фаунистического права. Автор приходит к выводу, что основным критерием подотраслевой дифференциации фаунистического права является наличие собственного предмета правового регулирования – фаунистические отношения, которые являются составной частью предмета правового регулирования экологического права. По мнению автора отношения в области охраны и использования объектов животного мира и среды его обитания обладают спецификой – они возникают, изменяются и прекращаются по поводу охраны и использования животного мира. Такого рода правоотношения комплексно регулируются только нормами фаунистического права.

Для цитирования в научных исследованиях

Иванова С.В. Предмет фаунистического права как подотрасли экологического права // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 197-206.

Ключевые слова

Предмет правового регулирования, система права, фаунистическое право, охрана животного мира, животный мир.

Введение

Система права, как определенная структура, складывается объективно и отражает реально существующие и развивающиеся общественные отношения. Формирование структурных элементов системы права как совокупности однородных правовых норм, детерминировано наличием определенных, самостоятельных по отношению к другим группам общественных отношений. Выдвигая принцип построения системы российского права, следует указать тот критерий, который должен быть положен в основу группировки соответствующих норм в отдельные отрасли, подотрасли и институты права с целью отграничения одной отрасли (подотрасли) права от другой. Несмотря на тот факт, что вопрос о критериях выделения отдельных правовых отраслей еще не получил своего окончательного разрешения, большинство отечественных ученых рассматривают именно предмет и метод правового регулирования в качестве важнейших оснований дифференциации системы права на отдельные отрасли (подотрасли) права. Проблема деления норм права на отрасли вызывает большой интерес, что обусловлено ее актуальностью. По данной проблеме в юридической науке «состоялось три дискуссии, в рамках которых были установлены критерии для дифференциации отраслей права» [Система советского права…, 1982, № 6, 81]. Итогом первой дискуссии (1938-1940 гг.) было признание предмета правового регулирования основным критерием при определении системы права и его деления на отрасли. Структуру предмета правового регулирования «составили субъекты, объекты, социальные факты, практическая деятельность людей» [Киримова, 2000, 4]. Результатом второй дискуссии (1956-1958 гг.) стал вывод, согласно которому критериями дифференциации права являются предмет и метод правового регулирования [Яковлев, 1970, 58]. Однако единого мнения относительно количества методов в науке не сложилось [Чхиквадзе, Ямпольская, 1967; Павлов, 1958]. По мнению М.И. Байтина, достижение этой дискуссии оказали «конструктивное влияние на все последующие обсуждения рассматриваемой проблемы» [Байтин, 2006, 225]. Следует отметить, что в науке в ходе третьей дискуссии в 1982 году было предложено применять дополнительные критерии для деления права на отрасли: принципы, цели, задачи [Азми, 2014, 173]; специальные субъекты правовых отношений [Иванников, 2011, 54]; самостоятельный вид юридической ответственности [Система советского…, 1982, № 7, 102]; способность отрасли образовывать комплексные институты [Сырых, 2002, 287] и ряд других факторов.

С точки зрения теории права, предмет правового регулирования представляет собой теоретическую дефиницию, которая отражает характеристики общественных отношений, подлежащих правовой регламентации. Для того чтобы та или иная совокупность правовых норм была признана как отрасль (подотрасль) права, она должна отвечать определенным

критериям. В качестве одного из критериев в теории права выделяют предмет правового регулирования [Лазарева, 1994, 136], который выполняет функцию системообразующего фактора отрасли (подотрасли) права. Значит, наличие или отсутствие подотрасли права определяется наличием или отсутствием специфического предмета правового регулирования данной подотрасли. В этой связи наличие предмета правового регулирования определяет место фаунистического права в российской правовой системе.

Фаунистическое право как регулятор отношений в области охраны и использования объектов животного мира и среды его обитания

Фаунистическое право имеет свой специфический предмет регулирования – это отношения по охране и использованию животного мира. Необходимость правового регулирования этих отношений обусловлена огромным значением и ценностью животного мира как неотъемлемого элемента природной среды и биологического разнообразия Земли, возобновляющегося природного ресурса, важного регулирующего и стабилизирующего компонента биосферы, всемерно охраняемого и рационально используемого для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан Российской Федерации.

Отношения в области охраны и использования объектов животного мира и среды его обитания, безусловно, обладают спецификой – они возникают, изменяются и прекращаются. Такого рода правоотношения могут комплексно регулироваться только нормами фаунистического права. В качестве предмета фаунистического права следует выделить две группы общественных отношений.

1) По использованию животного мира.
2) По охране животного мира и среды его обитания.

Эта классификация отражается в законодательстве о животном мире. В частности, Федеральный Закон № 52 «О животном мире» регулирует отношения в области охраны и использования объектов животного мира, обитающих в условиях естественной свободы (ФЗ № 52, ст. 3). Данная классификация видов фаунистических правоотношений является научно обоснованной, целесообразной принципиальной и наиболее важной [Бринчук, 2010, 43]. Научная обоснованность такой классификации подтверждается законодательством о животном мире, в котором регулируются отношения по охране и использованию животного мира и среды его обитания, а также доктриной экологического, фаунистического права. При таком подходе к правовому регулированию общественных отношений в сфере охраны и использования животного мира обеспечиваются одновременно экологические и экономические интересы субъектов фаунистических правоотношений.

Разграничение сферы правового регулирования объектов животного мира

Отношения по охране и использованию объектов животного мира, обитающих в условиях естественной свободы, регулируются исключительно фаунистическим правом: гражданское право имеет иные пределы правового регулирования отношений, связанных с животным миром. На практике возникает вопрос о разграничении сферы правового регулирования объектов животного мира нормами гражданского и фаунистического права. Для его разрешения необходимо определить соотношение объектов фаунистического права и объектов гражданского права, их взаимосвязь и разграничение.

По мнению О.С. Колбасова, все предметы материального мира подразделяются на две категории. К первой категории относятся:

1) природные объекты или природа, которая является окружением общества и в состав которой входят как произведения стихийных сил, так и продукты человеческого труда, не выделенные из природной среды;
2) товарно-материальные ценности, представляющие собой «соединение вещества природы с человеческим трудом», выделенные из природной среды и входящие в структуру общества» [Колбасов, 1976, 12].

Данная классификация позволяет отнести объекты животного мира к природным объектам, а диких животных, изъятых из естественной среды обитания – к товарно-материальным ценностям. Особенности, присущие животному миру и товарно-материальным ценностям оказывают большое значение на процесс их использования, а также на правовое регулирование возникающих в этом процессе отношений. С учетом этих особенностей решаются вопросы обеспечения рационального использования животного мира и его охраны. Так, специфика правового режима рационального использования и охраны животного мира определена Федеральным законом «О животном мире» и другими специальными правовыми актами. Отношения по владению, пользованию и распоряжению изъятых из среды обитания животных регулируются нормами гражданского права. «Для разграничения подобных отношений в законодательстве используется метод определений» [Жаворонкова, Краснова, 2015, 36]. Согласно Федеральному закону «О животном мире» объектом фаунистических правоотношений является животный мир. Животный мир определяется как «совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны» (ФЗ № 52).

Дикие животные в состоянии естественной свободы территориально не ограничены, что

означает для человека невозможность обладать ими. Естественная свобода дикого животного исключает какое-либо воздействие на него человека до тех пор, пока оно не будет изъято из естественной среды, что означает утрату животным экологической связи с природой (состояния естественной свободы). Как только объекты животного мира вышли из экологической системы природной среды, они становятся вещью, имуществом и одновременно объектом гражданских правоотношений. Так, выловленная рыба из водоема не относится к природным объектам, хотя по своим характеристикам может и не отличаться от той рыбы, которая еще не добыта и находится в водоеме. Выловленная рыба будет относиться к товарно-материальным ценностям. Соответственно, на действия по перевозке, хранению и продаже выловленной рыбы будут распространяться нормы гражданского права. Объекты животного мира переходят в обладание к субъектам только после их захвата, изъятия из состояния естественной свободы. С этого момента у лица, который изъял дикое животное из естественной среды, возникает право частной собственности, а дикое животное становится вещью. Если дикое животное изъято с нарушением требований закона, то право собственности на это животное не возникает.

Действующее гражданское законодательство РФ рассматривает животных как объект имущественных прав, имущество. В соответствии со статьей 130 Гражданского кодекса к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей. К числу основных критериев, по которым иные, не обозначенные в статье вещи могут быть отнесены к недвижимым, относятся прочная связь с землей и неперемещаемость. Эти критерии не применимы к объектам животного мира в силу их постоянного перемещения в состоянии естественной свободы. Поэтому объекты животного мира не относятся как к недвижимым, так и движимым вещам. Объекты животного мира не являются вещью и не являются объектами гражданских правоотношений, за исключением тех, которые изъяты из естественной среды обитания.

Известно, что в процессе взаимодействия человека с природой он или непосредственно берет у нее все необходимое для жизни, или перерабатывает, приспосабливает природные вещества и факторы применительно к своим потребностям. Таким образом, осуществляется то, что принято «называть природопользованием в широком смысле этого понятия. Данное природопользование не исчерпывается лишь эксплуатацией материальных природных ресурсов. Оно включает в себя использование тех ресурсов природы, которые обеспечивают весь комплекс рациональных потребностей людей, включая их здоровую физическую и духовную жизнь, отдых, эстетическое наслаждение и другие потребности, формирующие социалистический образ жизни» [Вовк, 1986, 134]. Использование человеком объектов животного мира в значительной своей части регламентируется нормами права. Система таких

норм права называется правом пользования животным миром. Правовую основу использования и охраны объектов животного мира и среды обитания составляет Федеральный закон «О животном мире». В статье 3 данного закона определено, что законодательство Российской Федерации об охране и использовании животного мира регулирует отношения в области охраны и использования объектов животного мира, обитающих в условиях естественной свободы. Отношения в области охраны и использования объектов животного мира, содержащихся в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания в целях сохранения ресурса и генетического фонда объектов животного мира и в иных научных и воспитательных целях, регулируются настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также законами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Отношения в области охраны и использования сельскохозяйственных и других одомашненных животных, а также диких животных, содержащихся в неволе, регулируются другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (ФЗ № 52).

Таким образом, отношения по охране и использованию животного мира и среды его обитания находятся вне пределов регулирования гражданского права и составляют специфический предмет фаунистического права. Пользование животным миром признается только в отношении тех объектов животного мира, которые находятся в государственной собственности и относятся к диким животным, находящимся в состоянии естественной свободы. Не считается пользованием использование объектов животного мира, которые утратили свойство природного объекта в связи с извлечением их из состояния естественной среды обитания. Изъятые дикие животные «превращаются в товарный объект, находящийся в гражданском обороте и может состоять как в собственности государства, так и в собственности общественных организаций и частных лиц» [Колбасов, 1972, 16]. Использование изъятых диких животных рассматривается как разновидность пользования товарно-материальными ценностями и регулируется в основном нормами гражданского права.

Заключение

На основании вышеизложенного, следует сделать следующие выводы. Во-первых, фаунистическое право имеет свой специфический предмет регулирования. Нормы фаунистического права регулируют две большие группы общественных отношений, составляющие предмет правового регулирования: по использованию животного мира, включающие предоставление объектов животного мира на различных условиях с учетом особенностей правового режима отдельных объектов животного мира и по охране животного

мира и среды его обитания, включающие общие и специальные меры по сохранению всего биологического разнообразия, в том числе объектов животного мира, среды обитания, естественных экологических систем, соблюдение и исполнение которых позволяет обеспечить рациональное использование животного мира.

Во-вторых, фаунистическое право на современном этапе следует рассматривать как подотрасль экологического права, которая обладает признаками относительно самостоятельного структурного подразделения в системе экологического права. Основным критерием подотраслевой дифференциации является наличие собственного предмета правового регулирования – фаунистические отношения как отношения по поводу использования и охраны животного мира, которые являются составной частью предмета правового регулирования экологического права

В-третьих, предмет фаунистического права складывается объективно, помимо воли и сознания человека. Объективность обусловлена тем, что животный мир удовлетворяет разнообразные потребности и интересы человека и общества. Общество заинтересовано в правовом регулировании отношений в сфере охраны и использования животного мира по следующим причинам: во-первых, сохранение животного мира для удовлетворения своих социальных, экономических интересов и потребностей, и, во-вторых, сохранение животного мира как объекта природы и природного ресурса для будущих поколений.

Библиография

1. Азми Д.М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. 392 с.
2. Байтин М.И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов: СГАП, 2006. 400 с.
3. Бринчук М.М. Экологическое право. М.: Эксмо, 2010. 688 с.
4. Вовк Ю.А. Советское природоресурсовое право и правовая охрана окружающей среды: Общая часть. Харьков: Изд-во при Харьк. ун-те, 1986. 160 с.
5. Жаворонкова Н.Г., Краснова И.О. Экологическое право. М.: Проспект, 2015. 375 с.
6. Иванников И.А. Об основаниях деления норм права на отрасли: новые идеи // Сырых В.М., Рубаник С.А. (ред.) Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики. М.: РАП, 2011. С. 51-58.
7. Киримова Е.А. Правовой институт: понятие, виды. Саратов: СГАП, 2000. 52 с.
8. Колбасов О.С. Теоретические основы права пользования водами в СССР. М.: Изд-во Наука, 1972. 227 с.
9. Колбасов О.С. Экология: политика – право. Правовая охрана природы в СССР. М.: Наука, 1976. 230 с.

10. Лазарев В.В. (ред.) Общая теория права и государства. М.: Юристъ, 1994. 520 с.
11. О животном мире: федер. закон Рос. Федерации № 52-ФЗ от 24.04.1995 // Собрание Законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.
12. Система советского права и перспективы ее развития: Мат-лы круглого стола // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 100-120.
13. Система советского права и перспективы ее развития: Мат-лы круглого стола // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 80-110.
14. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М.: Готика, 2002. 340 с.
15. Чхиквадзе В.М., Ямпольская Ц.Л. О системе советского права // Советское государство и право. 1967. № 9. С. 32-39.
16. Яковлев В.Ф. Объективное и субъективное в правовом регулировании // Правоведение. 1970. № 6. С. 55-60.

The subject of wildlife law as a sub-sector of environmental law

Svetlana V. Ivanova

PhD in Law,

Associate Professor at the Department of Land and Labour Law,

Orenburg State Agrarian University,

460014, 18 Chelyuskintsev str., Orenburg region, Orenburg, Russian Federation;

e-mail: servis-05@list.ru

Abstract

Relations for the protection and use of wildlife living in natural freedom are governed exclusively by wildlife law: civil law has a different legal regulation of relations related to the animal world. In practice the task is: to distinguish the sphere of legal regulation of fauna objects between the norms of civil and wildlife law. The article is devoted to the consideration of relations on the protection and use of the animal world and its habitat, which are the subject of wildlife law. The author notes that since the animal world is an object of nature, the relations for its protection and use are regulated by the rules of ecological and faunal law. The author comes to the conclusion that the main criterion for sub-sectoral differentiation of wildlife law is the existence of its own subject of legal regulation – wildlife law, which is an integral part of the subject of legal regulation of environmental law. According to the author, relations in the field of protection and use of wildlife and its habitats are specific – they arise, change and stop regarding the protection and use of wildlife. This kind of legal relations are comprehensively regulated only by the norms of

wildlife law.

For citation

Ivanova S.V. (2017) Predmet faunisticheskogo prava kak podotrasli ekologicheskogo prava [The subject of wildlife law as a sub-sector of environmental law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (7A), pp. 197-206

Keywords

Subject of legal regulation, legal system, wildlife law, wildlife conservation, fauna.

References

1. Azmi D.M. (2014) *Sistema prava i ee stroenie: metodologicheskie podkhody i resheniya* [The system of law and its structure: methodological approaches and solutions]. Moscow: Yustitsinform Publ.
2. Baitin M.I. (2006) *Voprosy obshchei teorii gosudarstva i prava* [Questions on general theory of law and state]. Saratov: Saratov State Law Academy Publ.
3. Brinchuk M.M. (2010) *Ekologicheskoe pravo* [Ecological law]. Moscow: Eksmo Publ.
4. Chkhikvadze V.M., Yampol'skaya Ts.L. (1967) O sisteme sovetskogo prava [On the system of Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 9, pp. 32-39.
5. Ivannikov I.A. (2011) Ob osnovaniyakh deleniya norm prava na otrasli: novye idei [On the grounds for dividing the norms of law into branches: new ideas]. In: Syrykh V.M., Rubanik S.A. (eds.) *Sistema prava v Rossiiskoi Federatsii: problemy teorii i praktiki* [The system of law in the Russian Federation: problems of theory and practice]. Moscow: Russian Academy of Justice Publ., pp. 51-58.
6. Kirimova E.A. (2000) *Pravovoi institut: ponyatie, vidy* [The legal institution: concept, types]. Saratov: Saratov State Law Academy Publ.
7. Kolbasov O.S. (1972) *Teoreticheskie osnovy prava pol'zovaniya vodami v SSSR* [Theoretical basis for the right to use water in the USSR]. Moscow: Nauka Publ.
8. Kolbasov O.S. (1976) *Ekologiya: politika – pravo. Pravovaya okhrana prirody v SSSR* [Ecology: politics is the right. Legal protection of nature in the USSR]. Moscow: Nauka Publ.
9. Lazarev V.V. (ed.) (1994) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of state and law]. Moscow: Yurist" Publ.
10. O zhivotnom mire: feder. zakon Ros. Federatsii No. 52-FZ ot 24.04.1995 [On animal welfare: Federal Law of the Russian Federation No. 52-FZ of April 24, 1995] (1995). *Sobranie Zakonodatel'stva RF (St. 1462)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 1462)], 17.
11. Sistema sovetskogo prava i perspektivy ee razvitiya: Mat-ly kruglogo stola [The system of Soviet

law and the prospects for its development: Proc. Roundtable] (1982). *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 7, pp. 100-120.

12. Sistema sovetskogo prava i perspektivy ee razvitiya: Mat-ly kruglogo stola [The system of Soviet law and the prospects for its development: Proc. Roundtable] (1992). *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 6, pp. 80-110.
13. Syrykh V.M. (2002) *Vvedenie v teoriyu obrazovatel'nogo prava* [Introduction to educational law]. Moscow: Gotika Publ.
14. Vovk Yu.A. (1986) *Sovetskoe prirodoresursovoe pravo i pravovaya okhrana okruzhayushchei sredy: Obshchaya chast'* [Soviet natural resource law and legal protection of the environment. General part]. Kharkov: Kharkov University Publ.
15. Yakovlev V.F. (1970) Ob"ektivnoe i sub"ektivnoe v pravovom regulirovanii [Objective and subjective in legal regulation]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 6, pp. 55-60.
16. Zhavoronkova N.G., Krasnova I.O. (2015) *Ekologicheskoe pravo* [Ecological law]. Moscow: Prospekt Publ.

УДК 343

Преступления террористического характера: уголовно-правовая характеристика

Новиков Алексей Валерьевич
Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук,
доцент, главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15 а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Карпов Андрей Анатольевич
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного и уголовного права,
Воронежский институт ФСИН России,
394072, Российская Федерация, Воронеж, ул. Иркутская, 1 а;
e-mail: andre_kar@mail.ru

Казберов Павел Николаевич
Кандидат психологических наук, старший инспектор по особым поручениям
отдела организации психологической работы,
УВСПР ФСИН России,
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Житная, 14;
e-mail: opodnii@yandex.ru

Кочедыков Сергей Сергеевич
Кандидат технических наук, начальник кафедры
уголовно-исполнительного и уголовного права,
Воронежский институт ФСИН России,
394072, Российская Федерация, Воронеж, ул. Иркутская, 1 а;
e-mail: vifsin@mail.ru

Аннотация

Работа посвящена современному состоянию терроризма в РФ. Рассмотрены проблемы и причины современного терроризма, излагаются основные положения, касающиеся

понятия, причин возникновения и развития терроризма как социально негативного явления. Особое место в работе занимает определение сущности и понятия терроризма, а также правовое обеспечение общегосударственной системы борьбы с терроризмом, анализ российского уголовного законодательства. В научном труде подробно изучены особенности регулирования антитеррористического законодательства, поиск оптимальных и эффективных методов противодействия терроризму, возникающие проблемы и основные пути их решений. Дается характеристика трагических событий последних лет, которые продемонстрировали угрозу терроризма экономической, политической и социальной жизни государства, жертвами которого стали обычные граждане и заложники. В статье предпринята попытка формирования представления о необходимости консолидации системы законодательства и организационных мер с системой безопасности государства и защищенности личности в демократическом обществе. Подробно изучены признаки преступления террористического характера, юридически определяющие благоприятную почву для развития террористических группировок, а также затронуты международные правовые аспекты борьбы с настоящими преступными проявлениями.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Карпов А.А., Кизберов П.Н., Кочедыков С.С. Преступления террористического характера: уголовно-правовая характеристика // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 207-**Ошибка! Закладка не определена.**

Ключевые слова

Терроризм, террористический акт, противодействие терроризму, антитеррористическое законодательство, уголовно-правовая характеристика преступлений.

Введение

Терроризм – это многосложное и социально-негативное явление общественной жизни, имеющее многовековую историю развития, свои национальные, религиозные и социокультурные особенности [Дерюгина, 2001]. Одну из наиболее серьезных проблем человечества, на сегодняшний день, представляет собой международный терроризм. Последние события в Санкт-Петербурге, взрыв в Манчестере, череда терактов в Европе, в частности в Германии и Франции, конфликты на Украине, национализм в Прибалтийских республиках, кроме того, кровавые деяния преступного режима Исламского государства

Ирака и Леванта (ИГИЛ[1]), бросают человечеству новые вызовы, что требует со стороны государств и международных организаций безотлагательных мер реагирования. Даже сейчас, в эпоху глобализации, до сих пор остается актуальной и резонансной проблемой всего мирового сообщества – проблема преступлений против мира и человечества, выражающаяся в террористических актах и угрозах.

Социально-экономические противоречия, военные конфликты, попытки насаждения извне чуждой системы ценностей, государственные перевороты – «цветные» революции, создали благоприятную почву для развития террористических группировок.

Актуальность рассматриваемой темы не подлежит сомнению, так как борьба с терроризмом выходит на первый план, как во внутренней, так и во внешней политике государств. Международные террористические группировки и организации связаны между собой, что позволяет утверждать: терроризм – это не только внутренняя проблема одного государства, он действительно является одним из серьезнейших вызовов человечеству.

Развитие правовой базы регулирования антитеррористической деятельности

На современном этапе, терроризм выступает как способ влияния на Российскую Федерацию, нарушение ее единства и территориальной целостности, а также воздействие на принимаемые решения уполномоченными органами власти. Необходимо учитывать тот факт, что специфика географического положения, размера территории и менталитет населения делает Россию абсолютно непохожей ни на одну из западных и европейских стран мира. Вышеперечисленное, позволяет отметить, что наиболее яркое проявление террористической активности основывается на межэтническом, религиозном и социально-культурном факторах.

Возникновение терроризма как насильственного достижения поставленных целей началось еще задолго до законодательного закрепления терроризма как общественно опасного деяния, его истоки и дальнейшее развитие приходят к нам еще из далекого прошлого, однако его определение, до настоящего времени остается неоднозначным и не выработанным в международной доктрине права.

Начальные основы противодействия терроризму в отечественной истории связаны с принятием Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О порядке ведения дел о подготовке или совершения террористических актов» (СЗ РСФСР № 29). Вышеуказанное постановление включало в себя ряд преступных посягательств, рассматриваемых в

[1] Запрещенная в России террористическая организация.

дальнейшем как террористический акт. В период становления Российской Федерации на рубеже 1991-1995 г.г. высшие органы государственной власти не модернизировали и не применяли на практике меры борьбы с преступлениями террористического характера, что в последствии привело к не регулируемой ситуации на территории Чеченской Республики, где в 1995 г. был установлен преступный антиконституционный режим, который в последующие годы был нейтрализован.

Первая попытка дать определение понятию «терроризм» была реализована только в Федеральном законе от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР», который, по сути, дополнил Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. соответствующей статьей 213.3 «Терроризм». В этом же законе была предусмотрена статья «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», однако, общеправовое определение терроризма появилось лишь через четыре года в ст. 3 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом». Этот документ являлся нормативным правовым актом, устанавливающим правовую основу борьбы с терроризмом. Следующие попытки охарактеризовать уголовно-правовое определение понятия «терроризм» были предприняты уже в 1996 г. в тексте ныне действующего Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ). Однако совершенные террористические акции не оставляли сомнений в необходимости принятия новых нормативных правовых документов, регулирующих вопросы по предотвращению и дальнейшей профилактике развития терроризма в Российской Федерации.

Вследствие этого, со вступлением в законную силу Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», окончательно утвердилось определение понятия «терроризма», отраженного в п. 1 ст. 3, а также, что немало важно, установились правовые и организационные основы противодействия терроризму в РФ (п. 1 ст. 3 ФЗ № 35). В развитие положений вышеназванного закона была принята Концепция «Противодействия терроризму в Российской Федерации», утвержденная Президентом России Д.А. Медведевым 5 октября 2009 г. (Концепция противодействия терроризму В РФ).

Трагические события последних лет продемонстрировали угрозу терроризма экономической, политической и социальной жизни государств [Устинова, 2016], доказав в очередной раз, что терроризм является одной из ключевых проблем современного мира, оказывающей отрицательное влияние на состояние системы международных отношений. Так, на сегодняшний день терроризм, как общественно-опасный феномен, представляет собой серьезнейшую проблему, борьба с которой предполагает усовершенствование правовой базы [Кочои, 2017].

Стоит отметить, что в правовом аспекте вопросы противодействия терроризму находят свое прямое отражение в различных международных правовых документах. Руководствуясь в

первую очередь интересами обеспечения безопасности личности, общества и государства, уполномоченные органы Российской Федерации ведут активную работу по совершенствованию антитеррористического законодательства и поиску оптимальных и эффективных методов противодействия терроризму, в том числе и на международной арене. Активное взаимодействие в сфере борьбы с международным терроризмом и организованной преступностью осуществляется в рамках совещания руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств. ФСБ России осуществляет деятельность, направленную на углубление многостороннего антитеррористического взаимодействия спецслужб в формате Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества.

Подводя итоги анализа возникновения и дальнейшего развития исследуемого феномена в России и мире, следует сделать вывод о том, что терроризм – это социально-правовое явление негативного характера, определение которого, на сегодняшний день, удается выработать пока лишь в рамках конкретной государственной правовой системы. Определение в рамках международного права – это та цель, которую еще предстоит достичь.

Анализ объективных признаков преступлений террористического характера

В современных условиях терроризм трансформировался в крайне опасное социально-политическое явление и опасность террористической деятельности исходит не от государств, а от незаконных формирований, не имеющих международной правосубъектности, однако находящихся на территории определенного государства.

Подходя к рассмотрению и анализу объективных признаков преступлений террористического характера в Российской Федерации, стоит отметить, что законодатель поместил их в гл. 24 УК РФ именуемую «Преступления против общественной безопасности», которая, в свою очередь, входит в разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (гл. 24 УК РФ).

Вследствие этого, родовым объектом, рассматриваемых нами преступлений, выступают общественные отношения, возникающие в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка в государстве; видовой объект – общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения общественной безопасности государства [Галачиева, 2010]. Так, законодатель точно формулирует общеправовые понятия рассматриваемого посягательства.

На наш взгляд, непосредственным объектом преступлений террористического характера следует считать отношения, складывающиеся в сфере обеспечения основ общественной

безопасности, при этом общественную безопасность следует определять, как всю целостность социальных (общественных) отношений, обеспечивающих безопасные условия жизни и функционирования общества [Мальцев, 1998].

Дополнительным объектом данного вида преступлений выступают отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности жизни и здоровья личности, собственности, а также нормальное функционирование и обеспечение деятельности органов государственной власти. Непосредственным объектом преступлений террористического характера являются отношения, складывающиеся в сфере обеспечения основ общественной безопасности.

Анализируя диспозицию ст. 205 УК РФ, стоит выделить ее основные части (ст. 205 УК РФ). Так, объективная сторона рассматриваемого деяния выражается в совершении взрыва или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели граждан, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, или в угрозе совершения указанных действий. Следует отметить, что законодатель «под иными действиями» рассматривает совершение таких деяний, как учинение катастроф, крушений, распространение эпидемий и эпизоотий, посягательство на объекты транспортной инфраструктуры (их разрушение или уничтожение) и т. п. Под угрозой исполнения этих действий следует понимать прямое высказывание угрозы совершения террористического акта, подкрепленное определенными деяниями.

Таким образом, проведенный анализ объективных признаков преступления террористического характера позволяет сделать следующий вывод: в качестве непосредственного объекта терроризма выступают отношения, складывающиеся в сфере обеспечения основ общественной безопасности [Чучаев, Грачева, Задоян, 2016].

Анализ субъективных признаков преступлений террористического характера

Согласно ст. 205 УК РФ, субъективная сторона преступления выражается только в форме прямого умысла. Лицо виновное в совершении преступления, осознает, что совершает общественно опасное действие (бездействие), предвидит гибель или возможность причинения общественно опасных последствий и желает этого. Поскольку субъективная сторона преступления характеризует в первую очередь психическую деятельность лица, связанную с совершением преступления, именно она позволяет охарактеризовать процессы, протекающие в психике виновного, поэтому необходимо формировать доказательственную базу для его безусловного привлечения к уголовной ответственности. Вследствие этого, всякого рода террористическая деятельность, оправдываемая террористами как «очистительный» процесс,

попытки насилием добиться своих целей, представляют собой угрозу безопасности РФ (Указ Президента РФ № 683).

Субъективная сторона преступления включает в себя такие специфические признаки, как вина, мотив и цель. Стоит отметить, что присущие террористической деятельности признаки, взаимосвязаны между собой и представляют различные формы психической активности человека. Каждый из них обладает собственным содержанием, и их юридическое значение различно.

Согласно ст. 20 УК РФ, субъектом террористического акта (ст. 205 УК РФ) выступает любое физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности – 14 лет.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь ст. 126 Конституции Российской Федерации, в п. 1 Постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» постановляет, что «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, а равно угроза совершения указанных действий квалифицируются как террористический акт (ст. 205 УК РФ) только при наличии у лица цели – воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями» (Постановление Пленума ВС РФ № 1). Таким образом, указанное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ воздействие, может выражаться в побуждении соответствующих субъектов к совершению определенных действий либо к воздержанию от их совершения.

Материалы решения судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда (г. Буденновск) от 09 августа 2003 г. определяют, что в 1995 году Басаев Ш.С., Исмаилов А.А., Абдулхаджиев А.С. и другие лидеры незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ), желая сорвать процесс разоружения НВФ, с целью нападения на граждан и организации, приобрели огнестрельное оружие, взрывчатые вещества и устройства, создали устойчивую вооруженную группу (банду). Главной задачей задуманного, было желание добиться от руководства Российской Федерации отделения Чеченской Республики путем захвата большого количества заложников и совершения актов терроризма на территории одного из городов России, чтобы использовать это как средство воздействия на органы власти Российской Федерации. Басаев Ш.С. распределил между участниками банды роли и взял на себя ее руководство [Теракт в Буденовске, www]. В дальнейшем, преследуя цель добиться отделения Чеченской Республики от Российской Федерации, Басаев Ш.С. и возглавляемая им банда, проникнув 14 июня 1995 г. на территорию г. Буденновска, с применением огнестрельного оружия, совершала взрывы, поджоги, а также иные деяния, носящие в себе опасность для мирных жителей, причинение значительных имущественных потерь и, в

конечном счете, наступление общественно-опасных последствий, в целях устрашения населения, дестабилизации общественных отношений и, в дальнейшем, оказания насильственным путем воздействия на решение принимаемое органами власти.

Таким образом, террористический акт относится к особо тяжким преступлениям, и борьба с его развитием становится острой над государственной проблемой [Мальцев, 1998]. Умысел в совершении преступных посягательств относится к наиболее распространенной форме вины, его виды не ограничиваются основным (прямым и косвенным) умыслом. Не только в рамках юрисдикции проведения антитеррористических операций, но и в уголовно-процессуальном аспекте изобличение виновных в преступлениях террористического характера.

Так, в теории уголовного права, ученые юристы выделяют заранее обдуманный и внезапно возникший умысел. Как правило, большинство террористических актов совершается с заранее обдуманным умыслом, поскольку для наибольшей дестабилизации общества, нанесения значительных потерь по факту необходима тщательная подготовка, материальное и техническое оснащение террористической группы. Осознание общественно опасного характера своего деяния, а также предвидение его наступления в связи с террористическим актом относится к сфере будущего, поскольку следует за совершением деяния. Вследствие этого, заранее обдуманный умысел констатирует о повышенной опасности субъекта рассматриваемого преступления. Одним из примеров совершения террористического акта с заранее обдуманным умыслом является террористический акт, произошедший в Северной Осетии 1 сентября 2004 г. в школе № 1 г. Беслана. Захвату заложников, убийству детей и взрослых, предшествовала тщательная подготовка террористической группы (план совершения действия, взрывные вещества, орудие преступления и т. д.).

Далее, рассматривая судебную практику по примерам заранее обдуманного умысла совершения террористического акта, следует отметить материалы приговора судьи Верховного Суда Республики Дагестан (г. Хасавюрт) от 30.12.2003. В материалах дела определено, что подсудимые А. и С. в июне-августе 2003 года поехали в Чеченскую Республику и под населенным пунктом Дюба-юрт Шалинского района участвовали в НВФ. Являясь членами данного НВФ, подсудимые проходили обучение боевой подготовке, несли дежурства на постах, ходили в дозоры, выполняли текущие хозяйственные работы в лагере. 25 июня 2002 г. подсудимые с другими членами НВФ на окраине Дюба-юрт установили на обочине автодороги при выезде из села взрывное устройство. Переночевав в лесу, утром 26 июня около 7 час. 15 мин. члены НВФ вернулись к дороге и осуществили подрыв БТР-80 с сотрудниками правоохранительных органов ЧР, погибло 4 сотрудника [Галачиева, 2011].

Рассматривая основную цель террористического акта, стоит отметить, что наряду с насилием, устрашением и публичностью, целью террористов выступает прямое воздействие

на принятие определенных решений органами власти в интересах террористического образования. По нашему мнению, цель – это один из трудно устанавливаемых признаков, на основании которого содеянное по ст. 205 УК РФ переквалифицируется на иные составы преступления.

Заключение

Проведенный анализ субъективных признаков преступления террористического характера позволяет заключить следующее: субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Мотивы и цели, могут быть различными, например, насильственный захват власти, насильственное удержание власти в нарушение Конституции РФ, получение значительной выгоды для осуществления своих целей и т. п. Определение субъективной стороны преступлений террористического характера имеет ключевое значение при анализе данных деяний, поскольку отражает внутреннюю психологическую сторону преступления.

На сегодняшний день терроризм, как общественно-опасный феномен, представляет собой серьезнейшую проблему, борьба с которым предполагает обязательное усовершенствование правовой базы. Существующая проблематика ограничения схожих составов преступления и моделирование новых квалифицированных составов террористического акта имеют важную практическую и процессуальную значимость, т. е. особенности квалификации в дальнейшем применении уголовно-правового воздействия на лицо совершившего преступления, должно нести персонифицирующий характер.

Библиография

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О порядке ведения дел о подготовке или совершения террористических актов: Постановление ЦИК СССР от 1 дек. 1934 г. № 23 // Собрание законодательства РСФСР. 1934. № 29. 2 дек.
3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 // Российская газета. № 35. 2012. 17 февр.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
5. Теракт в Буденовске. URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/

6. Галачиева М.М. Дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания за террористический акт: анализ законодательства и судебной практики // Рос. следователь. 2011. № 4. С. 209.
7. Галачиева М.М. Уголовно-правовой анализ террористического акта: законодательные и теоретические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 198 с.
8. Кочои С.М. Антитеррористическое законодательство и практика его применения: уголовно-правовая характеристика. М.: Проспект, 2017. 176 с.
9. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом России Д.А. Медведевым 5 октября 2009 г. // Российская газета. 2009. № 5022 (198). 20 октября.
10. Устинова Т.Д. Квалификация преступлений против общественной безопасности. СПб.: Проспект, 2016. 112 с.
11. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Задоян А.А. Преступления против общественной безопасности. М.: Проспект, 2016. 256 с.
12. Долгова А.И. Терроризм и организованная преступность // Организованный терроризм и организованная преступность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. 234 с.
13. Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. 1998. № 8. С. 105.
14. Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД РФ, 2001. 252 с.
15. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

Terrorism offences: criminal legal characteristics

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,

Associate Professor, Senior Researcher,

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

125130, 15 a Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Andrei A. Karpov

PhD in Law,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Executive Law,

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service,

394072, 1 a Irkutskaya Rossiiskaya str., Voronezh, Russian Federation;

e-mail: andre_kar@mail.ru

Pavel N. Kazberov

PhD in Psychological Sciences,

Senior Inspector for Special Assignments of the Department

for the Organization of Psychological Work,

Department of Educational, Social and Psychological

Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia,

119991, 14 Zhitnaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: opodnii@yandex.ru

Sergei S. Kochedykov

PhD in Technical Sciences,

Head of the Department of Criminal Executive Law,

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service,

394072, 1 a Irkutskaya Rossiiskaya str., Voronezh, Russian Federation;

e-mail: vifsin@mail.ru

Abstract

The proposed work is devoted to the current state of terrorism in the Russian Federation, the characteristics and main provisions of terrorist activities. The paper outlines the main provisions relating to the concept of modern terrorism, causes of the emergence and development of terrorism as a socially negative phenomenon. Particular attention in this work is paid to the definition of the essence and concept of terrorism, as well as the legal provision of a nation-wide system of counter-terrorism, in particular the features of the regulation of anti-terrorist legislation, the search of optimal and effective methods of combating terrorism, emerging issues and main ways of their solutions. The following sections offer a representation of the tragic events of recent years that have demonstrated the threat of terrorism economic, political and social life of the nation, whose victims were ordinary citizens and hostages (the elements of a crime of a terrorist nature, legally defining favorable ground for the development of terrorist groups, the international law aspects of

countering terrorism). The article attempts to form a view on the need to consolidate the systems of legislation and organizational measures with the security of the state and the protection of the individual in a democratic society. The research concludes that the existing problems of limiting the similar composition of the crime and modeling the new qualified formations of the terrorist act have important practical and procedural significance and should be personifying.

For citation

Novikov A.V., Karpov A.A., P.N. Kazberov,Kochedykov S.S. (2017) Prestupleniya terroristicheskogo kharaktera: ugolovno-pravovaya kharakteristika [Terrorism offences: criminal legal characteristics]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (7A), pp. 207-**Ошибка! Закладка не определена.**

Keywords

Terrorism, terrorism offences, counter-terrorism, counter-terrorism legislation, legal characteristics.

References

1. Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Zadoyan A.A. (2016) *Prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti* [Crimes against public security]. Moscow: Prospekt Publ.
2. Deryugina Yu.N. (2001) *Terrorizm: ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty. Doct. Diss.* [Terrorism: criminal law and criminological aspects. Doct. Diss.]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.
3. Dolgova A.I. (2002) Terrorizm i organizovannaya prestupnost' [Terrorism and Organized Crime]. *Organizovannyi terrorizm i organizovannaya prestupnost'* [Organized Terrorism and Organized Crime]. Moscow: Russian Criminological Association Publ.
4. Galachieva M.M. (2010) *Ugolovno-pravovoi analiz terroristicheskogo akta: zakonodatel'nye i teoreticheskie aspekty. Doct. Diss.* [Analysis of the terrorist act: legal and theoretical aspects. Doct. Diss.]. Krasnodar.
5. Galachieva M.M. (2011) Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti i in-dividualizatsiya nakazaniya za terroristicheskii akt: analiz zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki [Differentiation of criminal responsibility and individualization of punishment for a terrorist act: analysis of legislation and judicial practice]. *Ros. sledovatel'* [Russian investigator], 4, p. 209.
6. Kochoi S.M. (2017) Antiterroristicheskoe zakonodatel'stvo i praktika ego primeneniya: ugolovno-pravovaya kharakteristika [Counter-terrorism legislation and practice of its application: a criminal-legal characteristic]. Moscow: Prospekt Publ.
7. Kontseptsiya protivodeistviya terrorizmu v Rossiiskoi Federatsii: utv. Prezidentom Rossii D.A.

Medvedevym 5 oktyabrya 2009 g. [The concept of counterterrorism in the Russian Federation: Approved by President of the Russian Federation D.A. Medvedev on October 5, 2009] (2009). *Rossiiskaya gazeta* [Russian Gazette], 5022 (198), 20th Oct.

8. Mal'tsev V.V. (1998) Terrorizm: problema ugolovno-pravovogo uregulirovaniya [Terrorism: the problem of criminal regulation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 8, p. 105.
9. O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyakh terroristicheskoi napravlennosti: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 9 fevr. 2012 g. No. 1 [About some issues of judicial practice in criminal cases involving crimes of terrorist nature: The Resolution of the Plenum of the Supreme Court No 1 dated February 9, 2012] (2012). *Rossiiskaya gazeta* [Russian Gazette], 35, 17th Feb.
10. O poryadke vedeniya del o podgotovke ili sovershenіya terroristicheskikh aktov: Postanovlenie TsIK SSSR ot 1 dek. 1934 g. No. 23 [About the order of conducting cases on the preparation or commission of terrorist acts: Resolution of the CEC of the USSR No. 23 of 1 December, 1934] (1934). *Sobranie zakonodatel'stva RSFSR* [Collected legislation of the Russian Soviet Federative Socialist Republic], 29, 2nd Dec.
11. O protivodeistvii terrorizmu: Federal'nyi zakon ot 6 marta 2006 g. No. 35-FZ (v red. ot 6 iyulya 2016 g.) [About counteraction to terrorism: Federal Law OF the Russian Federation of March 6, 2006, No. 35-FZ (the last edition from July 6, 2016)] (2006). *Sobranie zakonodatel'stva RF* (St. 1146) [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 1146)], 11.
12. O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. No. 683 [National security strategy of the Russian Federation: the Presidential Decree No. 683 of December 31, 2015] (2016). *Sobranie zakonodatel'stva RF* (St. 212). [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 212)], 1 (2).
13. *Terakt v Budenovske* [Terrorist attack in Budennovsk]. Available at: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/ [Accessed 23/05/2017].
14. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 06.07.2016): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996 [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on July 6, 2016)] (1996). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii (St. 2954)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 2954)], 25.
15. Ustinova T.D. (2016) *Kvalifikatsiya prestuplenii protiv obshchestvennoi bezopasnosti* [Qualification of crimes against public safety]. St. Petersburg: Prospekt Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343

Преступления террористического характера: особенности квалификации

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук,
доцент, главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15 а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Карпов Андрей Анатольевич

Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права,
Воронежский институт ФСИН России,
394072, Российская Федерация, Воронеж, ул. Иркутская, 1 а;
e-mail: andre_kar@mail.ru

Кочедыков Сергей Сергеевич

Кандидат технических наук,
начальник кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права,
Воронежский институт ФСИН России,
394072, Российская Федерация, Воронеж, ул. Иркутская, 1 а;
e-mail: vifsin@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15 а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Целью данной работы является разработка предложений по внесению изменений в уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за террористические действия посредством определения уголовно-правовой характеристики преступлений

террористического характера. Для последующей уголовно-процессуальной апробации подготовлены правила отграничения преступлений террористического характера от смежных составов преступлений. Выявлены и обоснованы квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, на основе анализа конкретных судебных актов по уголовным делам террористического характера. Анализируется понятие «террористический акт», что приводит к соответствующим выводам о пределах квалификации терроризма. Правовому анализу подвергнут определенный спектр террористических организаций различного толка и окраски, которые по предварительному сговору осуществляет всестороннюю подготовку к настоящему уголовно-наказуемому деянию. Рассматриваются отдельные особенности уголовно-правовой квалификации преступлений, связанных с осуществлением террористической деятельности. Предпринята попытка исследовать толкование уголовно-правовых норм, обеспечивающих защиту от посягательств террористического характера на объекты транспортной инфраструктуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Карпов А.А., Кочедыков С.С., Слабкая Д.Н. Преступления террористического характера: особенности квалификации // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 220-231

Ключевые слова

Терроризм, квалифицирующие признаки преступления, мотив, цель, захват заложников, захват власти, жертва.

Введение

В процессе расследования преступлений террористического характера возникает множество проблем и вопросов, связанных с их отграничением от схожих по объективной стороне состава преступлений и последующей возможностью решить вопрос о дополнительной квалификации содеянного в соотнесении с другими статьями уголовного закона. В самых негативных формах это проявляется в том, что российские правоприменители не всегда могут точно определить состав преступления по причине размытости понятийно-категориального аппарата юридических формулировок [Сопов, 2004, 81-82, 84]. Вследствие этого, именно правильная квалификация играет важную роль в соблюдении основополагающих принципов и норм уголовного законодательства [Галачиева, 2010].

Квалификация террористических преступлений в соответствии с УК РФ

Если личность жертвы не является для преступника «невинной» и/или «безразличной», а какие-либо ее характеристики являются определяющими для цели и мотива криминального деяния, то можно утверждать, что преступление не должно квалифицироваться как террористическое [Варфоламеев, 2012]. Такая логика разграничивает целый ряд террористических преступлений, например, помогает отличить похищение человека (ст. 126 УК РФ) от захвата заложника (ст. 206 УК РФ). К примеру, согласно материалам решения судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда (г. Буденновск) от 09.04.2003 года, «в процессе нападения 14.06.1995 на г. Буденновск участники банды, в которой находился подсудимый М., врывались в частные дома, а также квартиры мирных жителей города, угрожая причинением телесных повреждений, убийством, в целях принуждения государства совершить и воздержаться от действий в интересах участников банды, захватили заложников. После того, как дополнительно были захвачены в заложники 650 граждан, находящихся на лечении, и 450 человек медицинского персонала Буденовской центральной районной больницы, захваченные в городе заложники, так же были *firmamentum in comminatione privatio vitae* (сопровожденные под угрозой физической расправы и лишения жизни) в здание больницы, где удерживались в условиях, опасных для здоровья и жизни в течение 14-19 июня 1995 года» [Теракт в Буденовске, www].

Отмечая схожесть состава преступления предусмотренного ст. 205 УК РФ с объективной стороны к другим нормам УК РФ, следует отметить тесную связь с таким составом преступления, который определен в ст. 281 УК РФ как «Диверсия». Вышепоименованная статья УК РФ расшифровывает понятие «диверсия» как «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения и связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации» [Галачиева, 2010].

Рассматривая объективную сторону ст. 205 УК РФ, отметим ее схожесть с ч. 2 ст. 167 УК РФ в ряде признаков – «умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом». Данный состав преступления следует относить к материальным, а окончанием преступления считается наступление последствий, предусмотренных уголовным законом. Стоит отметить, что вышеуказанное является первым отличительным признаком преступления террористического характера как от диверсии, так и от террористического акта [Мусаелян, 2009].

Указанные специфические черты и отличия берут свое начало из особенностей

характеристики субъективной стороны составов рассматриваемых преступлений, которые отражены в разных главах УК РФ. Тем самым законодательно определены существенные отличия видового и непосредственного объекта: террористический акт – общественная безопасность (Указ Президента РФ № 683); диверсия – основы конституционного строя и безопасности государства; умышленное уничтожение или повреждение имущества – собственность.

При выборе жертвы терроризма нет определяющей обусловленности. Обычно пострадавшим от террористических преступлений оказывается не определенный по какому-либо признаку круг лиц, в этой связи одним из криминологических признаков терроризма называют наличие «невинных» жертв [Шестаков, Дикаев, Шестакова, 2003].

Данным понятием принято обозначать тех, кто реально пострадал от террористических актов, но объективно не являлся непосредственным *adversarius reus* (противником преступника).

Таким образом, общественно опасному воздействию подвергаются лица, выступающие лишь способом достижения террористической цели.

Если насилию из корысти, личной неприязни или по иным подобным соображениям подвергается государственный деятель, это выводит преступление из группы террористических. Если же посягательство на такое лицо – лишь опосредованный способ достижения террористических целей, то и квалификация должна быть соответствующей – по статье, относящейся к преступлениям террористического характера. Таким образом, для квалификации террористических преступлений большое значение имеет их субъективная сторона, прежде всего, непосредственно – наличие террористических целей [Фещенко, 2014].

Анализ квалифицирующих признаков состава преступления

На сегодняшний день терроризм, как негативный и асоциальный феномен, представляет собой крайне опасную проблему, борьба с которым предполагает обязательное усовершенствование правовой базы. Существующие проблемы ограничения схожих составов преступления и моделирование новых квалифицированных составов террористического акта имеют важную практическую значимость, поскольку проблемы их квалификации и в дальнейшем применении уголовно-правового воздействия на лицо совершившего преступления, должно нести персонифицированный характер [Дикаев, 2003].

Стоит отметить, что под квалифицирующими признаками, понимаются отягчающие обстоятельства, связанные с совершением рассматриваемого преступления, установленные в рамках определенного состава Особенной части уголовного закона. Частью 2 ст. 205 Уголовного кодекса РФ предусматриваются три квалифицирующих признака,

характеризующих совершение террористического акта, а именно:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) повлекшие по неосторожности смерть человека;

в) повлекшие причинение значительного имущественного ущерба или наступление иных тяжких последствий.

Проведенный анализ и синтез по первому квалифицирующему признаку террористического акта, позволяет отметить, что он является наиболее употребляемым в УК РФ в качестве квалифицирующего признака и выступает одной из форм соучастия. На основании ч. 2 ст. 205 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее сговорившиеся о совместном совершении преступления (ч. 2 ст. 205 УК РФ). На основании этого обозначим следующие обязательные условия рассматриваемого признака:

1) совершение террористического акта происходит группой лиц от 2 и более человек, обладающих соответствующими признаками субъекта преступления (наличие вменяемости и возраста привлечения к уголовной ответственности);
2) имеется наличие сговора между соучастниками (ч. 2 ст. 35 УК РФ).

По материалам приговора Верховного Суда Чеченской Республики (г. Грозный) от 10 апреля 2006 года в отношении обвиняемого Т. описывают следующие обстоятельства по уголовному делу (Постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1). В конце лета 1995 года, на территории Наурского района Чеченской Республики Т. добровольно вступил в незаконное вооруженное формирование (далее – НВФ) в количестве около 40 человек, созданного для участия в боевых действиях против Федеральных сил РФ, находящегося под руководством Б. Осознавая цели и характер деятельности данного НВФ, Т. выполняя обязанности по обеспечению его деятельности, незаконно приобрел у Б. автомат системы «Калашников», калибра 5,45 мм и боеприпасы к нему. После этого с другими участниками НВФ переправился в с. Химой Шаройского района ЧР, где в течение 3-х месяцев проходил военную подготовку в специализированном лагере членов НВФ, прошел обучение по стрельбе и взрывному делу, а также радикально-идеологическую подготовку экстремистского толка.

Этот пример наглядно показывает, как в целях совершения террористического акта группа лиц по предварительному сговору осуществляет всестороннюю подготовку к уголовно-наказуемому деянию.

В случае если одно из лиц, совершивших террористический акт, не обладает в силу возрастных или психофизических особенностей одним из признаков субъекта преступления, то данное деяние не образует соучастия и рассматривается в индивидуальном порядке

(возможно выделение уголовного дела в отдельное производство).

Следующим квалифицирующим признаком рассматриваемого состава является совершение террористического акта, повлекшего по неосторожности смерть человека. Содержание объективной стороны террористического акта, когда речь идет о взрывах, поджогах и иных особо опасных деяниях, не дает оснований говорить о неосторожной форме вины. При наличии прямого умысла по отношению к совершению деяния террористического характера вряд ли можно говорить о неосторожном отношении к неизбежным или возможным последствиям, создании общественно-опасной ситуации, поскольку причинение смерти по неосторожности при совершении террористического акта практически невозможно. Как минимум здесь имеет место косвенный умысел по отношению к смерти человека, так как совершение террористического акта возможно только при наличии прямого умысла, что за собой влечет определенные общественно-опасные последствия.

Следующим квалифицирующим признаком является причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ). На основе анализа судебной практики, касающейся данной проблематики, к «иным тяжким последствиям» при совершении террористического акта следует относить массовые отравления, нарушение работы органов государственной власти, инфраструктуры, срыв массовых мероприятий, разрушение зданий и жилых помещений». 14 июня 1995 г. в г. Буденновске в результате действий банды Ш.С. Басаева в городе было прекращено газовое и водопроводное снабжение, телефонная связь, были незаконно закрыты промышленные и продовольственные предприятия, учреждения культуры, школы, детские сады.

По нашему частно-научному мнению, законодатель нецелесообразно выделил данный признак в качестве квалифицирующего, так как большинство террористических актов влекут за собой причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, которые уже включают в себя основной состав преступления (ч. 1 ст. 205 УК РФ).

Следует отметить, что местом совершения подобных террористических актов, применительно к российской действительности чаще всего выступают именно объекты транспортной инфраструктуры: взрывы «Невского экспресса» в августе 2007 г. и маршрутного такси в г. Владикавказе в ноябре 2008 г., взрывы в марте 2010 г. в Московском метрополитене на станциях «Лубянка» и «Парк культуры», серия терактов в Волгограде во второй половине 2013 г., кроме того, следует упомянуть недавний террористический акт в г. Санкт-Петербурге.

Неэффективное противодействие со стороны правоохранительных органов совершению терактов на объектах транспортной инфраструктуры, на наш взгляд, усматривается в отсутствии четкой регламентации правовой базы (понятийно-категориальный аппарат

юридических формулировок) и собственно опыта борьбы с таким видом терроризма.

В статье 205 УК РФ не закреплено совершение террористического акта на объектах транспорта в качестве квалифицирующего обстоятельства, указание на другие объекты повышенной опасности закреплено п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за совершение террористического акта, сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии. Этим законодатель отмечает потенциальную опасность подобных действий и возможность более разрушительных последствий. В этой связи трудно объяснить отсутствие включения в тот же п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ положения о совершении террористического акта, связанного с посягательством на объекты транспортной инфраструктуры, несмотря на то, что данные объекты являются местами массового скопления граждан, обладают большой уязвимостью для террористических атак, а их разрушение или уничтожение может повлечь за собой не менее тяжкие последствия.

На наш взгляд, терроризм на объектах транспортной инфраструктуры должен быть квалифицированным составом преступления, а лица, совершившие террористический акт, должны нести за свои деяния менее гуманную ответственность.

Заключение

Таким образом, реальность современного мира, к глубокому сожалению, свидетельствует о том, что акты террористической направленности, ранее достаточно редкостные явления, стали во многих странах мира фактическими событиями. Проведенный анализ признаков квалифицирующего состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, подтверждает, что изложенная формулировка в диспозиции рассматриваемой статьи имеет достаточно неоднозначное толкование уголовно-правовой нормы, что порождает существенные практические проблемы в правоприменительной и уголовно-процессуальной практике.

На сегодняшний день террористическая угроза выступает одной из важнейших проблем человечества, требующих безотлагательного решения. Для устранения причин, порождающих это опаснейшее социальное явление, необходимо адекватно оценивать данную угрозу.

Выход из сложившийся ситуации видится в законодательной мобильности нормативно-правовых документов для организации работы действующих сотрудников антитеррористических подразделений, а также во введении новых превентивных дефиниций в перечень оперативно-розыскных мероприятий в борьбе с этим негативным и асоциальным явлением.

Проведенное изучение преступлений террористического характера, в том числе по анализу конкретных судебных актов по уголовным делам террористического характера, позволяет синтезировать ряд выводов.

Во-первых, к преступлениям террористического характера отнесены следующие составы преступлений: террористический акт (ст. 205 УК РФ), содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ), организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ), угон воздушного судна или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ч. 4 ст. 211 УК РФ).

Во-вторых, анализ объективных признаков терроризма показывает, что в качестве непосредственного объекта преступлений террористического характера выступают отношения, складывающиеся в сфере обеспечения основ общественной безопасности. При этом общественная безопасность определяется как целостность всех общественных отношений в социуме, обеспечивающих безопасные условия жизни и функционирования общества.

В-третьих, необходимым решением является ограничение толкования нормы ст. 205 УК РФ (УК РФ, ст. 205). Так, одним из квалифицирующих признаков, вышеуказанной нормы, является п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ. По нашему мнению, нецелесообразно выделять данный признак в качестве квалифицирующего признака ч. 2 ст. 205 УК РФ, так как большинство террористических актов влекут за собой неизменную потенциальную опасность, возможность наступления более разрушительных последствий, либо наступление иных тяжких последствий, предусмотренных основным составом преступления (ч. 1 ст. 205 УК РФ).

Библиография

1. Варфоламеев А.А. Пределы квалификации террористических преступлений на международном и национальном уровне // Государство и право. 2012. № 9. С. 79-85.
2. Галачиева М.М. Терроризм глазами общественности // Сборник научных трудов. 2010. № 3. С. 226-232.
3. Галачиева М.М. Уголовно-правовой анализ террористического акта: законодательные и теоретические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2009. 183 с.
4. Дикаев С.У. Терроризм: некоторые проблемы квалификации // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 15.
5. Емельянов В.П. Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право. 2000. № 1. С. 71.

6. Мусаелян М.Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятиями «террор» и «террористический акт» // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 33.
7. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 // Рос. газета. 2012. № 35. 17 февр.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
9. Российское законодательство и Комментарии. URL: http://kommentarii.org
10. Сопов Д.В. Уголовная ответственность за терроризм: проблемы квалификации: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2004. 203 с.
11. Теракт в Буденовске. URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/
12. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016)// Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
13. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М.: Юрлитинформ, 2002. 129 с.
14. Фещенко П.Н. К вопросу об основаниях и процедуре установления уровней террористической опасности в России // Российский следователь. 2014. № 12. С. 36-39.
15. Шестаков Д.А., Дикаев С.У., Шестакова С.Д. Террор и терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2003. № 1 (6). С. 127-134.

Terrorism offences: qualification peculiarities

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Associate Professor, Senior Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15 a Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Andrei A. Karpov

PhD in Law,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Executive Law,
Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service,
394072, 1 a Irkutskaya Rossiiskaya str., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: andre_kar@mail.ru

Sergei S. Kochedykov

PhD in Technical Sciences,

Head of the Department of Criminal Executive Law,

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service,

394072, 1 a Irkutskaya Rossiiskaya str., Voronezh, Russian Federation;

e-mail: vifsin@mail.ru

Diana N. Clabkaya

Research Associate,

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

125130, 15 a Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The purpose of this work is to develop proposals for amending the criminal law provisions that provide the responsibility for terrorist activities by defining the criminal-legal character of terrorism offences. To achieve this goal, it is expected to fulfill a number of tasks, namely to identify and particularly qualify signs of a crime under Art. 205 of the Criminal Code, basing on the analysis of specific court decisions in criminal cases of a terrorist nature. Analysis of the term "terrorist act" leads to the relevant conclusions about the limits of the qualification of terrorism. The legal analysis is subjected to the activities of terrorist organizations that, by prior agreement, carry out comprehensive preparation for this criminal offense. In addition, the authors examine specific features of the criminally-legal qualification of crimes related to the implementation of terrorist activities; attempt to investigate the interpretation of criminal law provisions that provide protection from encroachments of a terrorist nature on the objects of transport infrastructure. In the framework of this study, the authors define the offenses of a terrorist nature, characterize the object of crimes of a terrorist nature and offer practical solutions to delimit the qualifying features of the offense.

For citation

Novikov A.V., Karpov A.A., Kochedykov S.S., Clabkaya D.N. (2017) Prestupleniya terroristicheskogo kharaktera: osobennosti kvalifikatsii [Terrorism offences: qualification peculiarities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (7A), pp. 220-231

Keywords

Terrorism, qualification of a crime, motive, purpose, hostage-taking, seizure of power, victim.

References

1. Dikaev S.U. (2003) Terrorizm: nekotorye problemy kvalifikatsii [Terrorism: Problems of Legal Classification]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 11, p. 15.
2. Emel'yanov V.P. (2000) Problemy otvetstvennosti za mezhdunarodnyi terrorizm [Problems in implementing responsibility for international terrorism]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1, p. 71.
3. Feshchenko P.N. (2014) K voprosu ob osnovaniyakh i protsedure ustanovleniya urovnei terroristicheskoi opasnosti v Rossii [On the question of the grounds and procedure for establishing levels of terrorist threat in Russia]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 12, pp. 36-39.
4. Galachieva M.M. (2009) *Ugolovno-pravovoi analiz terroristicheskogo akta: zakonodatel'nye i teoreticheskie aspekty. Doct. Diss.* [Criminal law analysis of the terrorist act: legislative and theoretical aspects. Doct. Diss.]. Krasnodar: Kuban State University Publ.
5. Galachieva M.M. (2010) Terrorizm glazami obshchestvennosti [Public Opinion on Terrorism]. *Sbornik nauchnykh trudov* [Collected scientific works], 3, pp. 226-232.
6. Musaelyan M.F. (2009) Ponyatie "terrorizm" i ego sootnoshenie s ponyatiyami "terror" i "terroristicheskii akt" [Terrorism and its correlation with the concepts of "terror" and "terrorist act"]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 1, p. 33.
7. O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyakh terroristicheskoi napravlennosti: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 9 fevr. 2012 g. No. 1 [About some questions of court practice on criminal cases about crimes of a terrorist nature: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of February 9, 2012] (2012). *Ros. Gazeta* [Russian Gazette], 35, 17th Feb.
8. O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. No. 683 [About the Strategy of homeland security of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015] (2016). *Sobranie Zakonadatel'stva RF* (*St. 212)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 212)], 1 (2).
9. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo i Kommentarii* [Comments on Russian Legislation]. Available at: http://kommentarii.org [Accessed 23/05/2017].
10. Shestakov D.A., Dikaev S.U., Shestakova S.D. (2003) Terror i terrorizm: ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty [Terror and terrorism: legal and criminological aspects]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today and tomorrow], 1 (6), pp. 127-134.

11. Sopov D.V. (2004) *Ugolovnaya otvetstvennost' za terrorizm: problemy kvalifikatsii. Doct. Diss.* [Criminal liability for terrorism: problems of legal classification. Doct. Diss.]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ.
12. *Terakt v Budenovske* [Terrorist attack in Budennovsk]. Available at: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/ [Accessed 23/05/2017].
13. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 06.07.2016): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996 [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on July 6, 2016)] (1996). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii (St. 2954)* [Collected Legislation of the Russian Federation (Art. 2954)], 25.
14. Ustinov V.V. (2002) *Mezhdunarodnyi opyt bor'by s terrorizmom: standarty i praktika* [International experience in combating terrorism: standards and practices]. Moscow: Yurlitinform Publ.
15. Varfolameev A.A. (2012) Predely kvalifikatsii terroristicheskikh prestuplenii na mezhdunarodnom i natsional'nom urovne [Limits of classification of terrorist crimes at national and international levels]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 9, pp. 79-85.

УДК 343.352

Признание лица потерпевшим в делах о вымогательстве взятки

Петрова Ирина Александровна

Кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
160001, Российская Федерация, Вологда, ул. Мира, 32;
e-mail: petrova_vologda@mail.ru

Новожилова Анжела Андреевна

Главный специалист отдела государственной службы,
кадров и противодействия коррупции,
Управление Судебного департамента в Вологодской области,
160001, Российская Федерация, Вологда, ул. Батюшкова, 4;
магистрант, Северо-Западный институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
160001, Российская Федерация, Вологда, ул. Мира, 32;
e-mail: novozhilova.anzhela@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемным аспектам признания потерпевшим лица, давшего взятку. Вымогательство взятки является одним из составов преступлений, входящих в группу преступлений коррупционной направленности. Для более точного установления признаков объекта указанного преступления, а именно наличия (либо отсутствия) признака потерпевшего, необходимо определиться с его уголовно-правовым и уголовно-процессуальным статусом. В данной статье рассмотрены возможные варианты статуса лица, давшего взятку, в уголовном судопроизводстве. Проанализированы основания и условия, при наличии которых взяткодатель может быть признан потерпевшим. Вопрос о наличии (отсутствии) состава преступления в действиях лица, совершившего передачу взятки под воздействием вымогательства, по-разному решается в различных уголовных делах. Опыт правоприменителей и судебная практика явно говорят о том, что при квалификации получения и дачи взятки, сопряженной с ее вымогательством возникает множество проблем и затруднений. В первую очередь, эти трудности связаны с

толкованием понятий вынужденности передачи денег, ценностей, иного имущества, предоставления имущественных прав, оказания услуг имущественного характера должностному лицу в состоянии крайней необходимости или в результате психического принуждения. Выявление этих признаков является наиболее сложным, так как они относятся к оценочным категориям. На основе конкретных уголовных дел, рассмотренных судами, авторами предпринята попытка обобщения материалов судебной практики с целью выработки единообразного подхода к определению уголовно-правового и уголовно-процессуального статуса лица, вынужденного передать взятку.

Для цитирования в научных исследованиях

Петрова И.А., Новожилова А.А. Признание лица потерпевшим в делах о вымогательстве взятки // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 232-245

Ключевые слова

Уголовная ответственность, потерпевший, получение взятки, вымогательство взятки, дача взятки.

Введение

Деятельность государственных органов, осуществляемая в рамках нормативных предписаний и основанная на использовании правовых средств и методов, является необходимым и неотъемлемым условием реализации прав и свобод человека и гражданина. Однако все более громко заявляют о себе случаи пренебрежительного отношения к закону со стороны должностных лиц, выражающиеся, в том числе, в нарушении прав граждан или создании угрозы их нарушения. Защита интересов граждан в органах государственной власти нередко становится зависимой от материального вознаграждения должностного лица со стороны заинтересованного гражданина, обратившегося за правовой помощью.

Вымогательство взятки является одним из составов преступлений, входящих в группу преступлений коррупционной направленности. Представляется необходимым определить признаки объекта указанного преступления, а именно наличия (либо отсутствия) признака потерпевшего.

Статус взяткодателя в уголовном судопроизводстве

Уголовная ответственность за вымогательство взятки предусмотрена п. «б» ч. 5 ст. 290 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) в качестве квалифицирующего признака получения взятки, что подчеркивает более высокую степень общественной

опасности этого преступления. Согласно п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», под вымогательством взятки следует понимать не только требование должностного лица дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов. Таким образом, вымогательство взятки непосредственно связано с нарушением прав и законных интересов граждан, возникновением «дефекта» реализации этих прав и интересов. Формально лица, интересам которых в результате совершения преступления причинен вред, должны признаваться потерпевшими.

Но во всех ли случаях лицо, передавшее взятку в ответ на вымогательство, будет считаться потерпевшим? Авторы правовых исследований дают разные ответы на этот вопрос. Так, одни считают, что лиц, в отношении которых имело место вымогательство взятки, если они вынуждены были передать ее в состоянии крайней необходимости, можно признавать потерпевшими от преступления [Здравомыслов, 1975, 143-144; Косякова, 1999, 50]. Айвазова О.В., напротив, отмечает, что «признание подкуподателя потерпевшим зачастую незаслуженно, поскольку он сам нередко инициирует противоправную деятельность управленца» [Айвазова, 2012, 28]. Действительно, взяткодатель (в том числе и при вымогательстве взятки) посягает на отношения, связанные с нормальной деятельностью органов государственной власти. Его противоправная деятельность, с одной стороны, не дает оснований признавать это лицо потерпевшим. Но как мы отмечали выше, ему причиняется вред. Два процессуальных статуса – подозреваемого и потерпевшего, взаимоисключающих друг друга, при расследовании вымогательства взятки не могут быть присвоены одному и тому же лицу. Если лицо обратилось в соответствующие органы с заявлением о вымогательстве (до передачи предмета взятки), и должностное лицо действительно вымогало взятку за совершение (воздержание от совершения) юридически значимых действий в пользу этого лица, последнее правомерно может считаться потерпевшим. Объективно возможно признание лица подозреваемым, если факт дачи взятки под воздействием вымогательства выявлен, например, в ходе оперативно-розыскных мероприятий, а не в связи с обращением этого лица в правоохранительные органы. Если же лицо обратилось в правоохранительные органы по факту вымогательства после передачи предмета взятки должностному лицу, оно может иметь статус свидетеля (а иногда и потерпевшего, что следует из судебной практики) [Ситникова, 2016, 40; Шнитенков, 1998, 96]. Для более точной и правильной квалификации действий такого лица обратимся к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации и

материалам судебной практики.

Основания и условия признания взяткодателя потерпевшим: материалы судебной практики

Вопрос о наличии (отсутствии) состава преступления в действиях лица, совершившего передачу взятки под воздействием вымогательства, рассматривался еще в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6. В соответствии с п. 24 указанного Постановления освобождение взяткодателя от уголовной ответственности по мотивам добровольного сообщения о совершении преступления не означает отсутствия в действиях этих лиц состава преступления, поэтому они не могут признаваться потерпевшими и не вправе претендовать на возвращение им ценностей, переданных в виде взятки (Постановление Пленума ВС РФ № 6). Вместе с тем Постановлением предусмотрена возможность возвращения денег и других ценностей лицу, в отношении которого имел место факт вымогательства, если для предотвращения вредных последствий лицо было вынуждено передать вымогателю деньги. Из этих разъяснений следует, что лицо, давшее взятку, в любом случае не может признаваться потерпевшим, однако суд имеет право положительно решить вопрос о возврате этому лицу переданных в качестве взятки вещей предметов при условии, что передача взятки препятствовала наступлению неблагоприятных для лица последствий. Но даже возврат ценностей не дает основания считать взяткодателя потерпевшим, хотя исходя из сути п. 24 Постановления можно сделать вывод о том, что признание лица потерпевшим непосредственно связано именно с возвратом переданных должностному лицу ценностей. Вредные последствия, как правило, являются следствием вреда, причиненного охраняемым законом интересам лица.

По-иному вопрос о потерпевшем в вымогательстве взятки решается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Пункт 30 Постановления гласит: «От передачи взятки … под воздействием вымогательства следует отличать не являющиеся преступлением действия лица, вынужденного передать деньги, ценности, иное имущество, предоставить имущественные права, оказать услуги имущественного характера должностному лицу … в состоянии крайней необходимости или в результате психического принуждения (ст. 39 и ч. 2 ст. 40 УК РФ), когда отсутствовали иные законные средства для предотвращения причинения вреда правоохраняемым интересам владельца имущества либо представляемых им лиц. В таком случае имущество, полученное должностным лицом, подлежит возврату их владельцу. Не образуют состав преступления, предусмотренный ст. 291 УК РФ, действия лица, в отношении которого были заявлены

требования о даче взятки …, если до передачи ценностей оно добровольно заявило об этом органу, имеющему право возбуждать уголовное дело либо осуществлять оперативно-розыскную деятельность, а передача имущества, предоставление имущественных прав, оказание услуг имущественного характера производились под контролем с целью задержания с поличным лица, заявившего такие требования. В этих случаях деньги и другие ценности, переданные в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, подлежат возвращению их владельцу» (Постановление Пленума ВС РФ № 24). Логичным продолжением смысла указанного пункта полагаем возможным назвать следующее: если такие действия лица не являются преступлением, то оно может считаться потерпевшим от вымогательства взятки. Это положение является исключением из нормы о признании подозреваемым лица, давшего взятку [Яни, 2014, 32]. Фигура потерпевшего появляется в двух случаях: лицо уже передало ценности, имущественные права, оказало услуги имущественного характера, и имеется совокупность определенных условий, либо лицо еще не передало ценности, имущественные права, не оказало услуги имущественного характера и обратилось в правоохранительные органы по факту вымогательства взятки [Соловьев, Санташов, 2013, 38.]. Условия признания лица потерпевшим в первом случае:

1) лицо осуществило передачу ценностей, имущественных прав, оказало услуги имущественного характера;
2) крайняя необходимость/психическое принуждение как характеристика обстановки передачи ценностей;
3) цель передачи имущества – предотвращение причинения вреда законным интересам владельца имущества (других лиц);
4) отсутствие реальной возможности совершения иных законных действий, использования иных законных способов для предотвращения причинения вреда.

Статья 39 УК РФ определяет, что причинение вреда для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами (состояние крайней необходимости), не является преступлением. Применительно к вымогательству взятки объектами причинения вреда могут выступать жизнь, здоровье владельца имущества, третьих лиц, их честь и достоинство, права и интерес, предусмотренные нормативно-правовыми актами.

Наличие состояния крайней необходимости должно оцениваться в каждой конкретной ситуации во взаимосвязи с обстоятельствами и факторами, способствовавшими ее возникновению. Крайняя необходимость и психическое принуждение по своей правовой природе являются обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и означают

отсутствие всех признаков состава преступления и общественной опасности в действиях лица, в отличие от оснований освобождения от уголовной ответственности. Следовательно, передача лицом имущества должностному лицу при наличии указанных условий будет считаться допустимой, поскольку она является единственно возможным средством предотвращения вреда [Дорогин, 2014, 440]. Как передачу имущества, прав, оказания услуг, совершенную в состоянии крайней необходимости полагаем возможным охарактеризовать следующую ситуацию. В медицинское учреждение поступил пациент в тяжелом состоянии, ему необходима незамедлительная операция, однако такая операция проводится планово, в порядке очередности, в очереди стоит определенное количество человек. Если именно этому пациенту не сделать срочно операцию, он умрет, поэтому его близкий родственник обращается к главному врачу, который должен проводить операцию, с просьбой ускорить момент ее проведения, однако главный врач выдвигает требование передачи денег за своевременное проведение операции, которые, якобы, пойдут на нужды медицинского учреждения. Близкий родственник, опасаясь наступления смерти больного, передает указанную сумму врачу, который проводит операцию и спасает жизнь пациенту. У лица, передавшего взятку, не было возможности предотвратить наступление смерти родственника другими средствами, поскольку временной промежуток не позволял обратиться ни в органы контроля и надзора в сфере здравоохранения, ни в правоохранительные органы.

Крайняя необходимость может возникнуть и в иных случаях, когда ценности должны быть переданы «здесь и сейчас» под угрозой единомоментного совершения должностным лицом действий, которые повлекут причинение вреда. Например, должностное лицо заведомо знает, что у гражданина, обратившегося к нему, имеется при себе необходимая сумма денежных средств, иных ценностей, и путем угрозы совершения определенных действий либо непосредственного совершения действий требует передачи этих ценностей. Так, сотрудник органов внутренних дел, заинтересованный (по просьбе третьего лица, либо из личных побуждений) в возбуждении уголовного дела в отношении Н., проходящего свидетелем по делу, возбужденному по ст. 228 УК РФ, кладет в карман Н. наркотические средства незаметно для него, о чем сообщает ему, когда Н. покидает помещение, в котором состоялась встреча. Одновременно сотрудник ОВД указывает Н., что если Н. не передаст ему ценности, то он сообщит о наличии наркотических средств у Н. дежурному и тот будет задержан. Н., чтобы убедиться в сказанном сотрудником, достает из кармана пакетик с подброшенными наркотическими средствами, оставляя на нем свои отпечатки. При условии, что разговор происходит без свидетелей, средств видео- и аудиофиксации разговоров в помещении нет, Н. не сможет доказать свою невиновность, поэтому вынужден передать ценности сотруднику ОВД.

Психическое принуждение представляет собой воздействие на человека с помощью разнообразных угроз, гипноза, психотропных средств, осуществляемое для того, чтобы он совершил выгодное принуждающему деяние, причиняющее вред общественным отношениям [Хабалев, 2016, 290]. Его признаками являются общественная опасность, наличность и реальность. Угрозы могут выражаться:

1) в запугивании человека применением насилия, совершением изнасилования, насильственных действий сексуального характера, незаконным лишением свободы, ограничением свободы передвижения;
2) угроза уничтожения или повреждения имущества;
3) угроза разглашения сведений, которые принуждаемый желает сохранить в тайне.

Угроза также может быть направлена не только на лицо, подвергающееся психическому принуждению, но и на близких ему людей, в благополучии которых он заинтересован [Орешкина, 2016, 84]. При вымогательстве взятки наиболее распространенными являются угрозы первого и третьего видов. Угроза, которая позволяет признать отсутствие состава преступления в деянии лица, должна быть реальной и наличной. Реальность означает, что у лица, к которому она обращена, имеются все основания опасаться ее осуществления должностным лицом и обстановка свидетельствует о реальной возможности ее осуществления. Признак наличности связан с тем, что угроза уже высказана, а не сформулирована в сознании принуждающего. Пользуясь служебным положением и возможностью влиять на решение входящих в компетенцию вопросов, должностные лица часто оказывают давление на граждан, заставляя их передать вознаграждение за воздержание от совершения действий, способных повлечь неблагоприятные последствия для здоровья, имущества, чести и достоинства лица [Петрова, 2015, 26]. Так, вступившим в законную силу приговором суда К.С.С. и Б.И.В. были осуждены по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ – вымогательство, и п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий. Приговором установлено, что сотрудники УВД по Оренбургской области – К.С.С. и Б.И.В. в силу возложенных на них статьями 12, 13, 27, 28 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 года № 3-ФЗ прав и обязанностей, являясь должностными лицами – представителями власти, действуя умышленно, из корыстных побуждений, сформировали умысел на незаконное получение денежных средств у потерпевшего Л., используя служебные полномочия, путем вымогательства совершили действия, направленные на реализацию задуманного преступления. При совершении задуманного вымогательства К.С.С. и Б.И.В. использовали предоставленный им в соответствии с Федеральным законом «О полиции», УПК РФ статус должностных лиц правоохранительных органов. При этом К.С.С. и Б.И.В. высказывали угрозы физического насилия в т. ч. угрозы нанесения потерпевшему побоев, совершения

изнасилования (К.С.С. и Б.И.В. ставили Л.В. на колени, заставляли снять брюки), распространения порочащих Л.В.В. сведений, угрозу возбудить уголовное дело (Апелляционное определение ВС РФ № 33-3450/2014). Естественно, в таких условиях лицо обоснованно признается потерпевшим, его положение не позволяло избежать осуществления высказываемых угроз иным образом, кроме как посредством удовлетворения требований должностных лиц [Герасимова, 2015, 55].

Несмотря на наличие руководящих разъяснений Пленума, в судебной практике имеется несогласованность позиций относительно статуса потерпевшего в делах о вымогательстве взятки. В большинстве судебных актов лицо не признается потерпевшим от действий должностного лица, в некоторых актах такое лицо необоснованно считается «потерпевшим», хотя отсутствуют основания для признания его таковым, в иных актах лицо именуется свидетелем. Приведем пример. Контеев и Р. в 1997 году создали фирму. Контеев занимал должность председателя комитета по развитию товарного рынка администрации г. А, в связи с чем принадлежавшая ему доля в уставном капитале фирмы была оформлена на других лиц, Р. являлась директором этой фирмы. Впоследствии Контеев отказался от участия в этом юридическом лице и доли были перераспределены между Р., ее дочерью (Р.) и (Д.), который фактически не участвовал в осуществлении деятельности юр. лица. В 2003 г. Контеев при личной встрече потребовал Р. передать ему безвозмездно не менее 51% доли в уставном капитале юр. лица, высказав при этом угрозы создания им как должностным лицом препятствий в деятельности этой организации и условий невозможности ее осуществления в случае невыполнения его требования. На данной встрече она не дала согласия на выполнение указанного требования Контеева, но через некоторое время, опасаясь нарушения стабильной деятельности фирмы, дала согласие на передачу доли участия, при этом она понимала и была убеждена, что Контеев в силу занимаемой должности действительно мог организовать и способствовать созданию как препятствий, так и благополучных условий для осуществления любой коммерческой организацией своей деятельности. Р. подписала протокол общего собрания участников юр. лица, из которого следовало, что одним из учредителей данной организации с долей 51,28% становился незнакомый ей И. Действия Контеева были квалифицированы по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, Р. и ее дочь признаны потерпевшими. Как установил в апелляционном определении Верховный Суд РФ, высказанные Контеевым потерпевшей Р. требования сопровождались угрозами сообщить в правоохранительные органы в случае отказа от выполнения этих требований сведений о якобы совершенных ею во время работы в должности директора юр. лица правонарушениях, что может повлечь возбуждение уголовных дел и привлечение Р. к уголовной ответственности, то есть Контеев угрожал потерпевшей распространением сведений, позорящих ее, способных

причинить вред ее чести, достоинству и деловой репутации. Далее по тексту апелляционного определения: «доводы о необоснованном признании Р. потерпевшей и гражданским истцом являются несостоятельными, поскольку в результате совершения вымогательства ей был причинен материальный ущерб» (Апелляционное определение ВС РФ № 82-АПУ14-31). Таким образом, сам Верховный Суд Российской Федерации, несмотря на разъяснения, данные в 2013 году, обосновывает возможность признания потерпевшим в связи с причинением материального ущерба, тогда как Пленум 2013 года связывает возможность придания статуса потерпевшего с наличием исключительных обстоятельств, и уже как следствие – возможность возвращения всего переданного имущества. Описанную ситуацию сложно отнести к состоянию крайней необходимости, которая позволяла бы признавать Р., передавшую долю участия в юр. лице, потерпевшей, поскольку объективно у нее имелась возможность иными средствами предотвратить причинение вреда стабильному функционированию своей фирмы, например, путем обращения в правоохранительные органы до передачи доли и подтверждения факта вымогательства со стороны должностного лица органа местного самоуправления.

В другом деле лицо, передавшее взятку, проходило по делу в качестве свидетеля. Нефедов, замещавший должность начальника Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия администрации Владимирской области, давал М. (начальнику отдела охраны и контроля за состоянием и использованием объектов культурного наследия) незаконные поручения, согласно которым она просила у тех лиц, которые согласовывали проекты зон охраны, проекты реконструкции и другие документы, денежные средства в качестве взятки за согласование данных документов начальником инспекции. В инспекцию обратились из МБУ «Ф» для согласования проекта зон охраны достопримечательного места, который был подготовлен подрядной организацией ОАО «А» и субподрядной организацией ООО «Б». Переговоры по согласованию проекта вел Я., представитель ООО «Б». Нефедов сказал М., что с этого проекта нужно получить деньги, иначе он проект не согласует. При этом Нефедов пояснил, что для этого необходимо поставить МБУ «Ф» в такое положение, чтобы они сами предложили вознаграждение за согласование проекта либо согласились на выдвинутые им условия. Я. согласился на условия, предложенные М., предположив, что неисполнение выдвинутых Нефедовым требований приведет к умышленному затягиванию сроков рассмотрения и согласования проекта, а в дальнейшем при работе с инспекцией Нефедовым и М. будут созданы препятствия при согласовании документов, что может привести к фактической парализации их коммерческой деятельности. С учетом этого Я. был вынужден согласиться с требованием о передаче взятки в установленной сумме и после подписания проекта передал ее (Апелляционное определение ВС РФ № 86-АПУ14-12). В судебном акте Я. рассматривается как «свидетель», правильность такого статуса также

представляется сомнительной. Сознательно и целенаправленно он передал денежные средства за совершение должностным лицом действий, входящих в его полномочия, следовательно, в действиях Я. имеются все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ.

Заключение

Таким образом, на первый взгляд, вопрос о статусе потерпевшего в делах о вымогательстве взятки решен в официальной позиции Верховного Суда Российской Федерации. Но, в то же время, судебная практика Верховного Суда РФ довольно противоречива, что не может не сказаться на качестве отправления правосудия нижестоящих судов, в том числе на ошибках в квалификации и широком судейском усмотрении в рассматриваемой категории дел. По нашему мнению, судам необходимо тщательно изучать объективные факторы, с которыми связана и сопряжена передача денег, иных ценностей, имущественных прав и оказание услуг имущественного характера должностному лицу, а также субъективные причины, побудившие лицо их передать и факт осознания лицом такой передачи как крайнего средства реализации правового интереса.

Библиография

1. Айвазова О.В. Некоторые проблемы производства следственных действий с участием лиц, передающих и принимающих незаконное вознаграждение при взяточничестве и коммерческом подкупе // Юристъ –Правоведъ. 2012. № 5. С. 39-42.
2. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27. 08.2014 № 86-АПУ14-12. URL: http://base.garant.ru/70732520/
3. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2015 г. № 82-АПУ14-31. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=422127#0
4. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 25.07.2014 по делу № 33-3450/2014. URL: http://sudact.ru/regular/doc/F6m95ar16ors/
5. Герасимова Е.В. Пределы судейского усмотрения при учете смягчающих наказание обстоятельств // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (59). С. 54-58.
6. Герасимова Е.В., Зайков Н.В. Привлечение иностранных должностных лиц и должностных лиц международных организаций к уголовной ответственности за коррупционные преступления // Наука и мир. 2014. № 7. С. 61-64.
7. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность за преступления, совершаемые должностными лицами // Актуальные проблемы российского права. 2014. №

3. С. 434-441.

8. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М.: Юридическая литература, 1975. 168 с.
9. Косякова Н. Дача взятки – преступление или крайняя необходимость? // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 50-57.
10. Орешкина Т.Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М.: Проспект, 2016. 112 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. № 6130 (154). 17 июля.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Российская газета. 2012. № 5794. 30 мая.
13. Ситникова А.И. Квалификация должностных преступлений с учетом криминообразующих и криминализующих признаков состава преступления // Российский следователь. 2016. № 22. С. 39-42.
14. Соловьев О.Г., Санташов А.Л. Дискуссионные вопросы определения видов юридической техники в теории права // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 35-38.
15. Хабалев В.Д. Психофизиологическая экспертиза памяти в системе противодействия коррупции // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем: III Московский юридический форум. М.: МГЮА, 2016. С. 390-394.
16. Шнитенков А.В. Практика назначения наказания за преступления против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, совершенные при отягчающих обстоятельствах // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения. Вып. 3. Омск: Изд-во Ом. юрид. ин-та МВД России, 1998. С. 95-100.
17. Яни П.С. Новые вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2014. № 10. С. 31-36.

Recognition of a person injured in cases of extortion of bribes

Irina A. Petrova

PhD in Law,

Head of the Department of Criminal Law and Criminology,

North-West Institute (Branch) Moscow State University of Law O.E. Kutafin,

160001, 32 Mira str., Vologda, Russian Federation;

e-mail: petrova_vologda@mail.ru

Anzhela A. Novozhilova

Chief Specialist of the Civil Service,
Personnel and Anti-Corruption Department,
Department of Judicial Authority in the Vologda Region,
160001, 4 Batyushkova str., Vologda, Russian Federation;
Master's Degree Student,
North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University,
160001, 32 Mira str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: novozhilova.anzhela@mail.ru

Abstract

Objective. The article is devoted to the problematic aspects of the recognition the person, who give a bribe, as a victim. For more precise identification an object of the crime, namely, the presence (or absence) of the trait of the victim, it seems necessary to determine its criminal legal and criminal procedural status. **Methods.** The authors use general methods of legal science, including formal legal and comparative legal, as well as analysis of documents and official materials. **Results.** The article analyzes the grounds and conditions that's enable to recognized the person, who give a bribe, as a victim of a crime, establishes the contradictions in the judicial practice of considering criminal cases about the giving bribes. Based on criminal cases reviewed by the courts, the authors attempted to generalize the materials of judicial practice. **Conclusion.** Judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation is quite contradictory, which will affect the quality of the administration of lower courts, including errors in qualification and wide judicial discretion. The authors come to the conclusion that the courts need to carefully examine the objective factors with which the transfer of money, other values, property rights and provision of property-related services to officials are connected and associated, as well as the subjective reasons that prompted the person to convey them.

For citation

Petrova I.A., Novozhilova A.A. (2017) Priznanie litsa poterpevshim v delakh o vymogatel'stve vzyatki [Recognition of a person injured in cases of extortion of bribes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (7A), pp. 232-245

Keywords

Criminal liability, victim, receiving a bribe, extortion of bribes, bribery.

References

1. Aivazova O.V. (2012) Nekotorye problemy proizvodstva sledstvennykh deistvii s uchastiem lits, peredayushchikh i prinimayushchikh nezakonnoe voznagrazhdenie pri vzyatochnichestve i kommercheskom podkupe [Some problems of investigative actions with the participation of persons transferring and accepting illegal compensation in bribery and commercial bribery]. *Yurist" – Pravoved"* [Lawyer – legal consultant], 5, pp. 39-42.

2. Apellyatsionnoe opredelenie Orenburgskogo oblastnogo suda ot 25.07.2014 po delu No. 33-3450/2014 [Appeal Determination issued by the Orenburg Regional Court on January 21, 2015 (Case No. 33-3450/2014)]. Available at: http://sudact.ru/regular/doc/F6m95ar16ors/ [Accessed 19/06/17].

3. Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 27. 08.2014 No. 86-APU14-12 [Appeal Determination issued by the Supreme Court of the Russian Federation on August 08, 2014 (Case No. 86-APU14-12)]. Available at: http://base.garant.ru/70732520/ [Accessed 19/06/17].

4. Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 21 yanvarya 2015 g. No. 82-APU14-31 [Appeal Determination issued by the Supreme Court of the Russian Federation on January 21, 2015 (Case No. 82-APU14-31)]. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=422127#0 [Accessed 19/06/17].

5. Dorogin D.A. (2014) Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie ugolovnuyu otvetstvennost' za prestupleniya, sovershaemye dolzhnostnymi litsami [Circumstances excluding criminal responsibility for the crimes committed by the officials]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Urgent problems of Russian law], 3, pp. 434-441.

6. Gerasimova E.V. (2015) Predely sudeiskogo usmotreniya pri uchete smyagchayushchikh nakazanie obstoyatel'stv [Limits of judicial discretion taking into account circumstances mitigating the punishment]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice], 9-2 (59), pp. 54-58.

7. Gerasimova E.V., Zaikov N.V. (2014) Privlechenie inostrannykh dolzhnostnykh lits i dolzhnostnykh lits mezhdunarodnykh organizatsii k ugolovnoi otvetstvennosti za korruptsionnye prestupleniya [Attraction of foreign officials and officials of international organizations to criminal liability for corruption crimes]. *Nauka i mir* [Science and world], 7, pp. 61-64.

8. Khabalev V.D. (2016) Psikhofiziologicheskaya ekspertiza pamyati v sisteme protivodeistviya korruptsii [Psycho-physiological examination of memory in anti-corruption]. *Razvitie rossiiskogo prava: novye. konteksty i poiski resheniya problem: III Moskovskii yuridicheskii forum* [Russian Law development: new contexts and finding problems solution: Proc. of the III Moscow Legal Forum].

Moscow: Kutafin Moscow State Law University, pp. 390-394.

9. Kosyakova N. (1999) Dacha vzyatki – prestuplenie ili krainyaya neobkhodimost'? [Bribery is a crime or an extreme necessity?]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 5, pp. 50-57.

10. Oreshkina T.Yu. (2016) *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances excluding the criminality of a deed]. Moscow: Prospekt Publ.

11. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 09.07.2013 No. 24 "O sudebnoi praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniyakh" [About judicial practice in cases of bribery and on the other corruption-related crime: Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 24 dated July 09, 2013] (2013). *Rossiiskaya gazeta* [Russian Gazette], 6130 (154), 17 July.

12. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 10.02.2000 No. 6 "O sudebnoi praktike po delam o vzyatochnichestve i kommercheskom podkupe" [About Judicial Practice in Bribery and Commercial Bribery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 6 dated February 10, 2000] (2012). *Rossiiskaya gazeta* [Russian Gazette], 5794, 30th May.

13. Shnitenkov A.V. (1998) Praktika naznacheniya nakazaniya za prestupleniya protiv interesov gosudarstvennoi sluzhby i sluzhby v organakh mestnogo samoupravleniya, sovershennye pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh [The practice of assigning punishment for crimes against the interests of public service and local self-government committed under aggravating circumstances]. *Podkhody k resheniyu problem zakonotvorchestva i pravoprimeneniya*, Vol. 3 [Approaches to solving problems of lawmaking and law enforcement]. Omsk: Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, pp. 95-100.

14. Sitnikova A.I. (2016) Kvalifikatsiya dolzhnostnykh prestuplenii s uchetom kriminoobrazuyushchikh i kriminalizuyushchikh priznakov sostava prestupleniya [Qualification of malfeasance, taking into account the criminological and criminalizing features of the crime]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 22, pp. 39-42.

15. Solov'ev O.G., Santashov A.L. (2013) Diskussionnye voprosy opredeleniya vidov yuridicheskoi tekhniki v teorii prava [Controversial issues to defining the types of legal techniques in the legal theory]. *Yuridicheskaya nauka* [Jurisprudence], 4, pp. 35-38.

16. Yani P.S. (2014) Novye voprosy kvalifikatsii vzyatochnichestva [New issues of bribery qualification]. *Zakonnost'* [Legality], 10, pp. 31-36.

17. Zdravomyslov B.V. (1975) *Dolzhnostnye prestupleniya. Ponyatie i kvalifikatsiya* [White Collar Crimes. Concept and Classification]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.

УДК 343.14

Проблемы использования в уголовном судопроизводстве отдельных видов доказательств

Журкина Ольга Вячеславовна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент,
кафедра уголовного права,
Оренбургский государственный университет,
460018, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Аннотация

Тема доказательства является одной из самых широких и сложных в уголовном процессе. В настоящее время вопросы доказательств, их свойств, принципов сбора, оценки и проверки являются одним из самых дискуссионных в уголовно-процессуальной науке. Большинство существующих проблем в данной области имеют не только теоретическое, но и практическое значение. На основе доказательств строится доказывание в уголовном деле, правила которого регулируется уголовно-процессуальными нормами. В науке о доказывании в уголовном процессе используются достижения различных наук, в том числе логики, психологии, криминалистики, судебной медицины, психиатрии. Уяснение понятия доказательств невозможно без четкого представления о его свойствах, т. е. об установленных в законе требованиях, которым должно отвечать доказательство, используемое при производстве по уголовным делам. В представленной статье исследуются проблемы оценки достоверности доказательств, а также вопросы использования «нетрадиционных» доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Журкина О.В. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве отдельных видов доказательств // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 246-255.

Ключевые слова

Уголовное судопроизводство, доказательство, детектор лжи, гипноз, достоверность, допустимость.

Введение

Нормы о доказательствах и доказывании неразрывно связаны со всеми нормами уголовно-процессуального права, определяющими задачи судопроизводства и его принципы, полномочия государственных органов, права, обязанности и гарантии прав участников процесса, порядок производства следственных и судебных действий, требования, которым должны отвечать решения, принимаемые в уголовном процессе. В науке о доказывании в уголовном процессе используются достижения различных наук, в том числе логики, психологии, криминалистики, судебной медицины, психиатрии. Важную роль в развитии теории доказательств играет изучение следственной и судебной практики.

В теории уголовного процесса в области использования различных видов доказательств нередко возникают проблемы, требующие немедленного решения. В области использования отдельных видов доказательств можно выделить два наиболее актуальных вопроса, а именно: 1) проблемы достоверности, допустимости и оценки основных видов доказательств, закрепленных в УПК РФ; 2) использование в качестве средств доказывания иных источников информации, прямо не урегулированных законом.

Достоверность и допустимость доказательств

Наиболее острой в судебной практике остается проблема достоверности доказательств, полученных в ходе допроса обвиняемого и свидетелей по уголовному делу, которая не позволяет достигнуть конечной цели доказывания – установления истины. Так, на практике нередки случаи, когда в ходе судебного заседания обвиняемые отказываются от ранее данных показаний, мотивируя тем, что на стадии предварительного следствия на них оказывалось давление со стороны сотрудников правоохранительных органов. На основании анализа судебной практики Оренбургского областного суда можно сделать вывод, что в 47% случаев в ходе судебного заседания подсудимые, свидетели и иные участники уголовного процесса заявляли о давлении и в некоторых случаях применении физического насилия к ним со стороны правоохранительных органов. «При наличии подобного заявления суд уточняет, имеются ли какие-либо подтверждающие факты у самого подсудимого и его защитника. Если таковые имеются, суд оценивает представленные доказательства. Но зачастую подобных доказательств ни у подсудимого, ни у его защитника нет, в таком случае суд дает указание о проведении проверки данных сведений.

Проверка по заявлению подсудимого включает в себя истребование справки из ИВС и СИЗО, где содержался подсудимый о наличии у него к моменту поступления телесных повреждений, допрос сотрудников правоохранительных органов, осуществлявших

расследование данного дела, указание о необходимости проведения служебной проверки и представления результатов данной проверки для исследования судом» [Волосова, 2006, 20].

В зарубежных странах, например, США, для судопроизводства достаточно заявления обоих обвиняемых, даже не о физическом, а о психологическом воздействии, чтобы признать их показания, данные на предварительном следствии, недопустимыми доказательствами. В России же после проведения вышеуказанных мероприятий, суд постановил «отказать в ходатайстве о признании данных доказательств недопустимыми, по той причине, что нет достоверных данных об оказании на обвиняемых физического давления». На наш взгляд подобная практика рассмотрения данных заявлений существенно нарушает принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, и создает возможность для органов, осуществляющих уголовное преследование, продолжать оказывать психическое, а в ряде случаев и физическое давление на подозреваемых и обвиняемых, с целью дачи ими самоизобличающих показаний.

Подобная проблема имеет место в отношении использования в качестве доказательств показаний свидетелей, так как судебная практика показывает, что в ходе судебного разбирательства свидетели меняют свои показания по различным причинам. Однако указанные лица практически не привлекаются к уголовной ответственности за дачу ложных показаний, поскольку формулировка ст. 307 УК РФ, предусматривает наступление уголовной ответственности лишь в случае «заведомо ложных показаний». На практике же свидетели, изменившие показания, утверждают, что и в суде и на стадии предварительного следствия давали правдивые показания. Лишь когда обвинитель указывает на противоречия в показаниях, указанные лица утверждают, что «плохо помнят события преступления», «их слова неправильно записал следователь», «они не поняли вопросов» и т. д.

Подобное имело место при рассмотрении уголовного дела в Центральном районном суде г. Оренбурга, по обвинению Л. по пункту «г» части 2 ст. 158 УК РФ, когда в показаниях свидетелей данных на стадии предварительного следствия и в ходе судебного заседания имелись весьма существенные противоречия. Однако, как указывалось ранее, ответственности за дачу ложных показаний обвиняемый не понес по причине отсутствия признака «заведомости», а противоречия объяснялись вышеизложенными причинами.

Кроме того, одной из проблем возникающих в процессе судебного разбирательства, являются нарушения, допущенные следователем в ходе сбора доказательств, которые влекут признание доказательств недопустимыми. Наиболее часто указанные проблемы имеют место в отношении вещественных доказательств: так отсутствие в протоколе указания об изъятии предметов при понятых либо отсутствие их подписей, либо нарушение упаковки может повлечь признание доказательств недопустимыми и их дальнейшее исключение из перечня доказательств по уголовному делу.

Представляется, что решение указанных проблем необходимо для совершенствования уголовного судопроизводства. Думается, что в отношении показаний обвиняемых (при наличии в них противоречий) суду следует относиться к ним критически и опираться в принятии решения на иные доказательства имеющиеся в деле, так как в данном случае установить достоверность показаний практически невозможно, а изменение уголовного законодательства посредством применения ответственности за дачу ложных показаний обвиняемым будет являться существенным нарушением его права на возражение против обвинения, хотя это и существенно затрудняет работу суда. В отношении свидетелей считаем необходимым усилить меры уголовной ответственности за дачу ложных показаний и более четко определить, в каких случаях действия лица будут расцениваться как заведомо ложные.

Актуальной проблемой в области доказывания по уголовным делам является использование в качестве доказательств «электронных документов». Уголовный процесс не может оставаться в стороне от общего процесса технического развития общества. Принимая УПК РФ, российские законодатели учли, что расширение возможностей использования технических средств и совершенствование технических методов познания увеличивают круг процессуальных средств доказывания. Часть 2 ст. 84 УПК РФ «Иные документы» установила, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним относятся материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке предусмотренном ст. 86 УПК РФ. Наиболее актуальной в данном аспекте является проблема использования в качестве доказательств «электронной информации». К.Б. Калиновский и Т.Ю. Маркелова указывают, что «электронная информация стала широко использоваться во всех областях человеческой жизни, в том числе и криминальной. Данное обстоятельство порождает практическую проблему использования электронных данных в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела: «Электронная информация может быть относимой к делу точно так, как и любые другие непроцессуальные данные. Следовательно, она свободно может использоваться в качестве ориентирующей, тактической информации. Однако для того, чтобы служить доказательством по уголовному делу, фактические данные должны обрести еще и свойство допустимости. Они должны быть получены 1) надлежащим субъектом доказывания, 2) надлежащим способом собирания доказательств и 3) из надлежащего источника доказательств» [Калиновский, Маркелова, 2001, 18].

Одной из проблем электронного документооборота является вопрос удостоверения. В настоящий момент активно внедряется система электронной подписи и другие возможности идентификации лиц, однако всеохватывающего распространения данные технологии не получили. В настоящие время основным способом удостоверения информации по-прежнему

остается установление автора документа с помощью других доказательств, например, путем его допроса.

В уголовных делах часто используются результаты проверки по автоматизированным учетам. Например, справки о судимости не всегда удостоверяются подписью оператора и могут быть получены самим следователем. Представляется, что такого рода документы являются разновидностью справочной информации и не требуют удостоверения специалистом.

Кроме вещественных доказательств и иных документов электронная информация может быть зафиксирована в памяти человека, ее наблюдавшего. В этом случае возможен его допрос в качестве свидетеля. Тогда электронная информация предстанет в уголовном деле уже в виде показаний. Таким образом, электронная информация может иметь доказательственное значение в виде следующих доказательств: протоколов следственных действий, иных документов, вещественных доказательств и показаний.

Актуальной проблемой в уголовном судопроизводстве продолжает оставаться вопрос использования в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности. Спектр мнений по данной проблеме достаточно широк: от безоговорочного отрицания возможности использования в качестве доказательств до признания за ними статуса источника доказательств. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 18.08.1995 года определил, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Наличие указанной ссылки говорит о том, что результаты ОРД возможно использовать в качестве доказательств лишь в случае соблюдения требований УПК РФ при их получении. В судебной практике часто встречаются случаи, когда исследуются доказательства, имеющие отношение к делу, но представленные в форме, не предусмотренной законом. Действующий УПК РФ не признает их в качестве доказательств. Общие условия допустимости результатов ОРД требуют детализировать документирование оперативно-розыскной деятельности с учетом специфики фактических данных, получаемых этим путем. Думается, что при проведении оперативных мероприятий следует исходить прежде всего из того, что в ходе указанных действий может быть получена информация, имеющая существенное значение для разрешения дела по существу.

Возможно согласиться с мнением Е.Н. Моисеевой, которая предлагает дополнить ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» нормой о порядке оформления результатов ОРД, представляемых лицу или органу, в производстве которого находится уголовное дело [Моисеева, 2003, 166]. Кроме того, представляется необходимым закрепить в УПК РФ порядок и условия использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве

доказательств по уголовным делам.

Одной из проблем в теории уголовного процесса является возможность использования нетрадиционных видов доказательств, например, допроса под гипнозом и использование «детектора лжи». Суть допроса под гипнозом заключается в возможности получить от человека, находящегося под гипнозом, интересующую следствие и суд информацию, которую в обычном состоянии он не может воспроизвести в силу естественного забывания, эмоциональных или посттравматических амнезий и т. п. Некоторые считают также возможным с помощью гипноза получить от допрашиваемого сведения, которые он сознательно по тем или иным причинам хочет утаить. Использование гипноза при допросе рассматривается как исключительный метод. Исключительный характер метода обусловлен сложностью его использования, возможностью искажения информации, необходимостью участия высококвалифицированных специалистов, строгим соблюдением ряда медицинских, правовых и нравственных требований. Гипноз, как считает И.А. Кондрашина, в целом активизация памяти потерпевших и свидетелей может применяться только при расследовании наиболее тяжких преступлений, когда есть основания рассчитывать на получение таким способом существенных данных, причем под строгим контролем руководства следственных служб и под надзором прокуратуры, и только там, где есть соответственно подготовленные специалисты [Кондрашина, Миннегалимова, 2016, 197].

Важным условием допроса под гипнозом является установление определенной процедуры его проведения. Перед началом допроса допрашиваемому лицу необходимо разъяснить цели, задачи допроса, безвредность гипноза для здоровья. Допрос может быть проведен с лицом, которое добровольно на это согласилось. Согласие должно быть дано в письменном виде. Медицинскую процедуру проводит врач-психолог или психиатр. Он вводит допрашиваемое лицо в состояние гипноза, контролирует его самочувствие, а затем выводит лицо из состояния гипноза. В США допрос осуществляет специальный штатный сотрудник ФБР, обычно дипломированный психолог, часто имеющий ученую степень, прошедший специальную подготовку по праву, технике интервью, по расследованию и «судебному гипнозу», причем он ничего не должен знать об обстоятельствах дела, за исключением того, что содержится в краткой ориентировке, составляемой следователем, ведущим дело. Сам же следователь в процедуре не участвует. Такая процедура проведения допроса под гипнозом применяется в США. В России опыт применения гипноза оперативно-розыскной деятельности и тем более в процессуальном доказывании практически отсутствуют.

Специалисты в области психотерапии учитывают, что гипнотики могут под влиянием внушения «вспомнить» о том, чего в действительности не было. Показания гипнотика заслуживают меньше доверия и поэтому показания не могут быть подвергнуты тщательному

психологическому анализу. Вот почему информация, получаемая от человека, находящегося под гипнозом, оценивается только как ориентирующая, но не как доказательство. Связано это также и с отсутствием законодательного регулирования данного вопроса. Однако здесь необходимо учитывать, что невозможно установление каких-либо правовых норм без достаточного практического опыта. В России опыт применения гипноза при допросе очень мал. Поэтому правовое регулирование указанной процедуры полагается преждевременным. Прежде всего, следует наработать практический материал, выяснить, соответствуют ли сведения, полученные от допрашиваемого лица, настоящему положению и, следовательно, можно ли считать допрос под гипнозом одним из видов доказательств.

Допрос с использованием полиграфа еще один способ, вызывающихй массу противоречивых оценок. Полиграф – медицинский прибор, объективно фиксирующий психическое, физиологическое состояние человека по фиксируемым им данным изменения кровяного давления, частоты пульса, глубины и частоты дыхания, колено-гальванической реакции и т. п. На основе данных изменений можно судить о том, какие вопросы вызывают у допрашиваемого лица наибольшие волнения. Прежде чем использовать полиграф, необходимо выяснить, что показывает полиграф и являются ли полученные данные при допросе с его использованием достоверными, могут ли они считаться доказательствами.

Ответ на первый вопрос в большей степени касаются медицины и физиологии. Согласно медицинским рекомендациям, полиграф не имеет медицинских противопоказаний и действительно фиксирует определенные изменения в организме человека: «Полиграф регистрирует определенные физиологические проявления, а оператор с помощью специально разработанной методики тестирования, используя систему определенным образом сформулированных и сгруппированных вопросов, контролирует реакции испытуемого, стремится определить, что именно: какие вопросы, изображения, имена и т. п. – вызвали те или иные реакции» [Власихин, 2000, 88]. Однако полиграф – это не детектор лжи. Он не может показать, что допрашиваемый говорит неправду. Он лишь свидетельствует об эмоциональных изменениях, и роль следователя заключается в том, чтобы выяснить, почему это происходит, что именно волнует допрашиваемого.

Процедура допроса с использованием полиграфа регулируется Инструкцией МВД «О порядке использования полиграфа при опросе граждан». Однако она не разрешает всех вопросов и проблем. Речь идет прежде всего о том, что следует сообщать допрашиваемому о полиграфе, не оговорены права допрашиваемого, возможность участия при допросе других лиц (например, защитника). А поскольку отсутствует законодательная регламентация допроса с использованием полиграфа, естественно, не допускается рассмотрение данного вопроса в уголовном процессе как доказательства.

Конечно, вопросы использования возможностей гипнологии и полиграфа еще недостаточно проработаны и окончательно о возможности их использования можно будет высказаться только после наработки достаточного опыта. На сегодняшний день можно лишь с уверенностью говорить, что получаемая с их помощью информация может иметь только вспомогательное значение и использоваться в качестве ориентира при разработке следственных версий и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Отдельной проблемой является использование в уголовном процессе в качестве доказательств информации полученной экстрасенсорными методами. П.Г. Марцифин и О.О. Климова довольно подробно изучили данную проблему и пришли к выводу, что такого рода информацию можно использовать в качестве косвенных доказательств и предложили ввести в число участников уголовного судопроизводства экстрасенсов [Марцифин, Климова, 1998, 23]. Однако полагаем, что данная позиция не является верной, так как подобная информация не отвечает необходимым свойствам доказательств и не может быть использована в качестве таковых в уголовном процессе. В то же время она, как и любые другие сведения, может быть использована в оперативно-розыскной деятельности только получения достоверных, допустимых и относимых сведений, после такой проверки и они могут быть использованы в качестве средств доказывания.

Заключение

Изложенное позволяет делать вывод, что в процессе использования отдельных видов доказательств в уголовном судопроизводстве возникает ряд серьезных проблем. Указанные проблемы существенным образом влияют на достижение одной из целей правосудия – установление истины по делу, и в большинстве случаев затрудняет работу судьи. Представляется необходимым закрепить в УПК РФ порядок использования в качестве доказательств таких доказательств, как «электронные документы» и результаты оперативно-розыскной деятельности.

Библиография

1. Власихин В.А. (ред.) Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность. М.: Юристъ, 2000. 272 с.
2. Волосова Н.Ю. Свидетельский иммунитет в России и США: сравнительный анализ // Правосудие: история, теория, практика: в 2 ч. Воронеж: Научная книга, 2006. Ч. 2. С. 20-26.
3. Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18-

19.

4. Кондрашина И.А., Миннегалимова А.З. Допрос под гипнозом // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 3(55). С. 196-198.
5. Марфицин П.Г., Климова О.О. Использование нетрадиционных видов познания в уголовном судопроизводстве. Омск, 1998. 28 с.
6. Моисеева Е.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Опыт и проблемы применения нового Уголовно-процессуального кодекса РФ. Ростов-н/Д: РЮИ МВД России, 2003. С. 163-168.

The problem of using certain types of evidence in criminal proceedings

Ol'ga V. Zhurkina

PhD in Law, Associate Professor,
Department of criminal law,
Orenburg State University
460018, 13 Pobedy av., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Abstract

The theme of evidence is one of the most extensive and complex in criminal proceedings. Currently, the issues of evidence, their properties, and principles of collection, evaluation and verification are one of the most controversial in criminal procedure science. Most of the existing problems in this area have not only theoretical but also practical importance. On the basis of evidence, the proof is constructed in criminal case, the rules of which are governed by the criminal procedure rules. In criminal proceedings, achievements of various sciences are used, including logic, psychology, criminology, forensic medicine, psychiatry. Understanding the concept of evidence is impossible without a clear idea of its properties, i.e. requirements established in the law that must be met by the proof used in the criminal proceedings. This article deals with the problems of assessing the credibility of the evidence and questions of the use of "unconventional" evidence in criminal proceedings. The author concludes that the use of certain types of evidence in criminal proceedings raises a number of serious problems. These problems significantly affect the achievement of one of the goals of justice – the establishment of the truth and in most cases complicates the work of the judge. It is necessary to enshrine the order of using such evidence as "electronic documents" in the Code of Criminal Procedure.

For citation

Zhurkina O.V. (2017) Problemy ispol'zovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve otdel'nykh vidov dokazatel'stv [The problem of using certain types of evidence in criminal proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp.246-255.

Keywords

Criminal proceedings, evidence, lie detector, hypnosis, reliability, validity.

References

1. Kalinovskii K.B., Markelova T.Yu. (2001) Dokazatel'stvennoe znachenie "elektronnoi" informatsii v rossiiskom ugolovnom protsesse [Proving significance of “digital” information in the Russian criminal procedure]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 6, pp. 18-19.
2. Kondrashina I.A., Minnegalimova A.Z. (2016) Dopros pod gipnozom [Interrogation under hypnosis]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific researches], 3(55), pp. 196-198.
3. Marfitsin P.G., Klimova O.O. (1998) *Ispol'zovanie netraditsionnykh vidov poznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Use of non-traditional types of knowledge in criminal proceedings]. Omsk.
4. Moiseeva E.N. (2003) Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti v dokazyvanii po ugolovnym delam [sing the results of investigative activities in proving]. In: *Opyt i problemy primeneniya novogo Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RF* [Experience and problems of application of the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, pp. 163-168.
5. Vlasikhin V.A. (ed.) (2000) *Dokazyvanie v ugolovnom protsesse: traditsii i sovremennost'* [Proof in the criminal proceedings: tradition and modernity]. Moscow: Yurist" Publ.
6. Volosova N.Yu. (2006) Svidetel'skii immunitet v Rossii i SShA: sravnitel'nyi analiz [Witness immunity in Russia and USA: comparative analysis]. In: *Pravosudie: istoriya, teoriya, praktika: in 2 ch. Ch. 2* [Justice: history, theory, practice: in 2 parts. Part 2]. Voronezh: Nauchnaya kniga Publ., pp. 20-26.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343

Уголовная ответственность за злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством РФ о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента

Филиппов Павел Александрович

Кандидат юридических наук, доцент,

юридический факультет,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;

e-mail: pilippov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемным вопросам уголовной ответственности за злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента. Автором поддержана криминализация ответственности иностранного агента, не включенного в соответствующий реестр, за участие в политической деятельности на территории РФ. В статье проанализированы основания криминализации, а также объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 330.1 УК РФ. Изложено авторское толкование объективной стороны и момента окончания этого преступления. В работе рассмотрен диспут относительно толкования такого обязательного признака преступления как «злостное уклонение». Предложено его авторское толкование. В статье предложена новая редакция статьи уголовного закона, предусматривающей ответственность за организацию деятельности некоммерческой организации, выполняющая функции иностранного агента. При этом предложенный состав по своей конструкции является материальным. Где в качестве преступного последствия выступает причинение существенного вреда. Обосновано нахождение такой ответственности в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», т.к. ущерб от данного преступного деяния причиняется, прежде всего, безопасности государства, а именного его суверенитету.

Для цитирования в научных исследованиях

Филиппов П.А. Уголовная ответственность за злостное уклонение от исполнения

обязанностей, определенных законодательством РФ о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С.256-269.

Ключевые слова

Уголовная ответственность, преступления против порядка управления, некоммерческая организация, иностранный агент, злостное уклонение.

Введение

Ответственность за злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента, была введена Федеральным законом от 20 июля 2012 года №121-ФЗ[1].

В пояснительной записке к законопроекту указывалось: «концепция проекта призвана обеспечить российское общество должными элементами контроля над деятельностью некоммерческих организаций, финансируемых из иностранных источников и преследующих при этом политические цели, в том числе в интересах своих финансовых доноров»[2].

Указанным федеральным законом были внесены изменения в Федеральный закон от 12.01.1996 года №7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[3], в соответствии с которыми был введен новый вид некоммерческой организации – некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента. Согласно п. 6 ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» под такой организацией понимается российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ), и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории РФ.

В РФ ведется реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агент (п. 10 ст. 13.1 ФЗ «О некоммерческих организациях). Ведение такого реестра

[1] СЗ. 2012. №30. Ст. 4172.
[2] Паспорт проекта федерального закона №102766-6// СПС КонсультантПлюс.
[3] СЗ. 1996. №3. Ст. 145.

осуществляет Министерство юстиции РФ (п. 2 Порядка ведения реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, утвержденный приказом Минюста России от 30.11.2012 года №223 «О порядке ведения реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»[4]). Реестр ведется в бумажном и электронном виде.

Некоммерческая организация, планирующая осуществлять свою деятельность в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, обязана подать заявление о включении организации в реестр. Такое заявление может быть подано либо при создании организации (одновременно с документами, необходимыми для государственной регистрации некоммерческой организации при ее создании) либо уже после создания организации, но до начала осуществления деятельности в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента. В первом случае заявление подается в Министерство юстиции РФ или его территориальный орган, а во втором только в Министерство юстиции РФ.

Пункт 7 ст. 32 ФЗ «О некоммерческих организациях» устанавливает, что в случае выявления некоммерческой организации, осуществляющей деятельность в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, которая не подала заявление о включении ее в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, Министерство юстиции РФ включает такую некоммерческую организацию в указанный реестр.

В реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, внесены, например, Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», Аналитический центр Юрия Левады, Фонд защиты гласности и ряд других[5].

Положения п. 6 ст. 2 и п. 7 ст. 32 ФЗ «О некоммерческих организациях» стали предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ[6]. В своем постановлении Конституционный Суд РФ в частности отметил, что признание конкретных российских некоммерческих организаций выполняющими функции иностранного агента:

1) не означает указания на исходящую от данных организаций угрозу тем или иным государственным и общественным институтам, даже если они действуют по поручению и (или) в интересах соответствующих иностранных источников;

[4] Российская газета. №278, 03.12.2012.
[5] По состоянию на 1 июня 2017 года реестр состоял из 96 организаций.
[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 года №10-П // СЗ. 2014. №16. Ст. 1921.

2) не предполагает негативной оценки такой организации со стороны государства, не рассчитана на формирование отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности и тем самым не может восприниматься как проявление недоверия или желания дискредитировать такую некоммерческую организацию и (или) цели ее деятельности;

3) получение российскими некоммерческими организациями, принимающими участие в политической деятельности, иностранного финансирования само по себе не может ставить под сомнение лояльность таких организаций по отношению к своему государству;

4) учитывая, что получение некоммерческими организациями денежных средств и иного имущества от иностранных источников не исключает возможности их использования для оказания влияния на государственные органы Российской Федерации в интересах таких источников, законодательное выделение некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, согласуется также с положениями Конституции РФ о суверенной государственности России и о признании носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации ее многонационального народа (преамбула; статья 3, часть 1).

Изложенная логика рассуждений Конституционного Суда РФ не является безупречной, но, по нашему мнению, следует согласиться с ней в той части, что нельзя исключить влияние некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранно агента, на органы государственной власти РФ в интересах иностранных источников, осуществляющих такое финансирование. Конституционный Суд РФ совершенно оправдано при этом сослался на суверенитет РФ.

Действительно, и в теории права и в конституционном праве в государственном суверенитете выделяют два компонента: верховенство и независимость органов государственной власти в своей деятельности и в принятии своих решении, во-первых, внутри своей территории и, во-вторых, от внешних источников [Баглай, Габричидзе, 1996]. Любое суверенное государство всегда противится вмешательству иностранных акторов в деятельность органов власти, а уж тем более в избирательные процессы. Ярким примером такого отношения являются разгоревшиеся скандалы в связи с обвинением Президента США Дональда Трампа в связях и поддержки в период избрания со стороны России. Аналогичные опасения высказываются и высокопоставленными государственными чиновниками РФ[7].

Конституционный Суд РФ в своем постановление от 07.06.2000 года №10-П указал:

[7] Генпрокурор Чайка обвинил подконтрольные США НКО в попытках сменить власть в России//www.newsru.com; В Совете Федерации обсудили предотвращение вмешательства во внутренние дела РФ// www.newsru.com.

«суверенитет, предполагающий, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации, верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус»[8].

Суверенитет РФ является одной из основ конституционного строя. В связи с этим представляется, что непосредственным объектом анализируемого преступления является основы конституционного строя – суверенитет Российской Федерации, что должно определять место анализируемого преступления в главе 19 УК РФ. При этом следует обратить внимание, что опасность для суверенитета представляет не сам факт неподачи заявления некоммерческой организацией, финансируемой из иностранных источников, а ее участие в политической деятельности. Данный признак должен быть отражен в конструкции состава преступления, и именно он должен являться разграничительным критерием между преступлением и административным правонарушением.

В связи с изложенным пониманием непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 330^1 УК РФ, следует признать ошибочным высказанным в литературе Н.А. Егиазаряном мнение о том, что данное преступление «скорее всего, характеризует посягательство на экономические интересы общества и должно включаться в группу преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности» [Егиазарян, 2013]. Действующее законодательство РФ не содержит запрета на финансирование деятельности организаций, в том числе некоммерческих, из иностранных источников.

Также нельзя поддержать точку зрения, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 330^1 УК РФ, являются «общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением управленческой деятельности органов государственной власти по контролю над прозрачностью (открытостью) деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [Воробьев, 2014].

Объективная сторона анализируемого состава преступления заключается в злостном уклонении от исполнения обязанностей по представлению документов, необходимых для включения в предусмотренный п. 10 ст. 13.1 Федерального закона от 12 января 1996 года №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 года №10-П// СЗ. 2000. №25. Ст. 2728.

Под уклонением следует понимать бездействие, а именно неподачу документов в установленные законодательством сроки: либо при создании организации (одновременно с документами, необходимыми для государственной регистрации некоммерческой организации при ее создании) либо уже после создания организации, но до начала осуществления деятельности в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента. Перечень документов в этих двух случаях не является идентичным.

В связи с тем, что диспозиция статьи не уточняет характер (вид) документов, от предоставления которых уклоняется виновный, возникает вопрос о том, неподача каких именно документов при создании организации, планирующей осуществлять свою деятельность в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, образует состав преступления: только неподача заявления или любого документа, предусмотренного в списке документов необходимых для регистрации организации.

В литературе не дан однозначный ответ на этот вопрос. Вместе с тем, исследователи склоняются к мнению, что объективная сторона будет и в случае неподачи любого документа, предусмотренного в списке документов необходимых для регистрации организации [Соколова, 2014]. Однако, диспозиция анализируемого состава преступления устанавливает ответственность за уклонение от предоставления документов, необходимых для включения организации в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента. Таким документом является заявление о включении некоммерческой организации в этот реестр, форма которого утверждена приказом Министерства юстиции РФ от 30.11.2012 года №223. Следовательно, неподача иных документов, необходимых для регистрации некоммерческой организации, например, сведений об учредителях, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 330^1 УК РФ.

Согласно диспозиции уклонение должно быть злостным. Энгельгардт А.А. был совершенно прав, когда применительно к толкованию понятия злостности в рамках анализируемого состава отметил: «отсутствие легального определения злостности может стать причиной трудностей в оценке объективной стороны рассматриваемого преступления и степени его общественной опасности» [Есаков, 2017]. Трудности возникли не только у практических работников, о чем свидетельствует количество осужденных за это преступление – 2 человека за 2 года действия нормы, но и у исследователей, которые расходятся в толковании злостности уклонения от подачи документов, необходимых для регистрации организации в качестве иностранного агента.

В литературе сложилось несколько подходов к толкованию этого понятия. Представители первого подхода трактуют злостность исключительно с позиции временного критерия неисполнения обязанности. Энгельгардт А.А. предлагает понимать под злостностью

длительное бездействие, продолжение неисполнения обязанности после сделанного предупреждения. Сторонники второго подхода акцентируют внимание на систематичность уклонения от исполнения обязанности по подачи документов. Например, Б.В. Коробейников под злостным уклонением понимает «систематическое (то есть два и более раза) уклонение от исполнения обязанностей, т.е. активное, без уважительных причин бездействие лица, обязанного предоставлять необходимые документы» [Дьяков, Кадников, 2013]. Данного мнения придерживается и О.В. Соколова. Сторонники третьего подхода предлагают при понимании злостности руководствоваться комплексом признаков. Проф. А.В. Бриллиантов пишет, что «о наличии злостного уклонения, в частности, могут свидетельствовать такие факты, как непредставление документов после повторного запроса, сокрытие места нахождения лиц, обязанных представлять документы, предоставление неверных сведений и т.п.» [Бриллиантов, 2015]. Проф. А.И. Чучаев полагает, что злостность уклонения будет иметь место при наличии следующих признаков: 1) истечение срока подачи таких документов; 2) реальная возможность представить такие документы; 3) поведение, свидетельствующее о нежелании выполнить свои обязательства [Чучаев, 2013]. Воробьев В.В. признает наличие злостности при наличии двух критериев: неоднократности (длительности) невыполнения обязанности и письменного предупреждения (предостережения) лица о недопустимости уклонения от исполнения возложенных на него обязанностей [Воробьев, 2014]. Далее этот исследователь приходит к интересному выводу о том, что злостность будет иметь место при наличии двух и более фактов привлечения лица к ответственности по ст. 19.7.5-2 КоАП РФ, которая предусматривает административную ответственность за непредставление или несвоевременное представление некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, в государственный орган (должностному лицу) сведений (информации), представление которых предусмотрено законом либо представление в государственный орган (должностному лицу) таких сведений (информации) в неполном объеме или в искаженном виде.

Фактически позиция В.В. Воробьева была поддержана О.В. Соколовой[9], которая предлагает, что «при повторном нарушении (например, в случае умышленного непредставления отчета о деятельности через полгода и ежеквартальных сведений о финансировании) усматривается признак систематичности действий, а потому лицо должно

[9] Также этот автор ошибочно расширяет перечень документов о включении в реестр за счет отнесения к ним документов, «которые должны быть размещены в реестре». См.: Соколова О.В. Признак злостности уклонения от исполнения обязанностей по представлению документов, необходимых для включения в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента// Уголовное право. 2016. №6. С. 75. Заявление о включении в реестр является лишь одним из таких документов, но именно оно является документом-основанием, предоставляемым некоммерческой организацией для ее включения в реестр.

подлежать уголовной ответственности по ст. 330.1 УК РФ в связи с установлением злостности уклонения от исполнения обязанностей по представлению документов для их включения в реестр». Данное предложение исследователей следует признать ошибочным расширительным толкованием нормы уголовного закона на том основании, что УК РФ устанавливает ответственность за уклонение от исполнения обязанностей по предоставлению документов, необходимых именно для включения реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Уклонение от предоставления документов (отчетов, справок, сведений и т.п.), которые в соответствии с законодательством обязан предоставлять иностранный агент, не являются документами необходимыми для включения в реестр.

Все представленные подходы толкования «злостности» применительно к ст. 330^1 УК РФ основаны на выработанных ранее доктриной уголовного права критериях понятия «злостности», применительно к иным составам преступлений, содержащих данный признак. Но при этом они не в полной мере учитывают особенности законодательного регулирования некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

К таким особенностям, влияющим на толкование анализируемого признака, относятся:

- право Министерства юстиции по своей инициативе включить в реестр некоммерческую организацию, выполняющую функции иностранного агента и не подавшую заявления о своем включении в реестр. Таким правом Министерство юстиции пользуется на практике[10];

- отсутствие у Министерства юстиции обязанности в случае неподачи заявления о включении в реестр направлять письменное предупреждение с указанием на необходимость подачи такого заявления (п. 5 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» говорит о праве Министерства юстиции вынести письменное предупреждение в случаях выявления нарушения законодательства РФ).

Учитывая это, о злостности следует говорить при одновременном наличии следующих признаков: (1) некоммерческая организация, получая финансирование из иностранных источников и участвуя в политической деятельности, не подала заявление о включении себя в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента; (2) существовала реальная возможность представить такие документы; (3) в наличии поведения, свидетельствующего о нежелании выполнить свои обязательства (таким следует признавать, например, неисполнение письменного предупреждения Министерства юстиции, представления или предостережения прокуратуры, если они были вынесены, либо заявления прямого отказа в исполнении обязанности по регистрации организации в качестве

[10] Апелляционное определение Московского городского суда от 18.09.2015 по делу №33-33186/2015// СПС КонсультантПлюс.

иностранного агента[11]).

В связи с предусмотренной возможностью принудительного включения (по решению Министерства юстиции) некоммерческой организации в реестр некоммерческих организации, выполняющих функции иностранного агента, необходимо уяснить до какого момента возможно злостно уклоняться от исполнения обязанности по предоставлению документов в указанный реестр. Одни авторы говорят, что уклонение от исполнения указанной обязанности возможно только до момента включения некоммерческой организации в реестр [Минаков, Абашева, 2015], другие считают такое толкование слишком узким и полагают, что уклонение возможно до момента исключения некоммерческой организации из реестра. В связи с тем, что федеральный закон «О некоммерческих организациях» устанавливает одноразовую подачу заявления о включении в реестр и не содержит каких-либо предписаний о периодической подачи таких заявлений (например, ежегодно или ежеквартально «обновлять» или «уточнять» такие заявления), следует признать, что с момента включения некоммерческой организации в реестр, обязанность по предоставлению документов для включения в реестр отпадает, и, следовательно, лицо не может уклоняться от исполнения обязанности, которой не существует. Таким образом, злостное уклонение по ст. 330[1] УК РФ возможно до момента включения некоммерческой организации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Приведенный анализ приводит к выводу о неудачности использования в конструкции ст. 330[1] УК РФ признака злостности. Кроме того, как мы уже отмечали выше, факт уклонения даже злостного от подачи заявления на включение в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, невозможно признать достаточным для наличия общественной опасности необходимого для преступления. Общественная опасность заключается в том, что некоммерческая организация, скрывая свое финансирование из иностранных источников, о чем свидетельствует уклонение от включения в реестр, участвует в политической деятельности на территории России, чем причиняет существенный вред государству и обществу[12]. Существенный вред может заключаться в оказании влияния на принятие решений органами государственной власти, формирование общественного мнения в интересах иностранных источников.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется виной в форме

---

[11] См., напр.: Пермские НКО отказались регистрироваться «иностранными агентами»// www.7x7-journal.ru/item/28253; Гринпис и WWF России не хотят быть «иноагентами»// http://www.interfax.ru/presscenter/310813

[12] Ст. 19.34 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение порядка деятельности некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента. Однако данный состав правонарушения является формальным, т.е. не предусматривает наступление каких-либо последствий.

умысла. В связи с наличием признака злостности в диспозиции статьи умысел возможен только прямой. Виновный осознает противоправность своего бездействия и желает так поступать и дальше.

Субъект преступления – специальный. Им является лицо, которое в силу возложенных на него служебных обязанностей должно представлять в уполномоченный орган необходимые для включения в реестр документы. В п. 5 ст. 13.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» указано, что заявление подписывается уполномоченным лицом. Такой орган определяется в соответствии с учредительными документами некоммерческой организации. Чаще всего таким органом является руководитель исполнительного органа некоммерческой организации, к компетенции которого согласно ст. 30 Федерального закона «О некоммерческих организациях» относится решение всех вопросов, которые не составляют исключительную компетенцию других органов управления некоммерческой организацией.

Заключение

В связи с проведенным анализом, представляется, что ответственность в гл. 29 УК РФ за нарушения порядка деятельности некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, должна быть сконструирована в следующем виде:

Статья___. Организация деятельности некоммерческой организации, выполняющая функции иностранного агента.

Организация участия некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, в политической деятельности на территории Российской Федерации, не включенной в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, повлекшее причинение существенного ущерба, -

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч рублей до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Библиография

1. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право РФ. М., 1996. 512 с.
2. Безруков А.В. Конституционное право России. М.: Юстицинформ, 2015. 545 с.
3. Бриллиантов А.В. (ред.) Уголовное право России. Части Общая и Особенная. М., 2015. 1184 с.
4. Воробьев В.В. Злостность как признак уклонения от исполнения обязанностей

некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. №2. С. 33-36.

5. Воробьев В.В. Объект исполнения состава злостного уклонения от исполнения обязанностей, некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента // Общество и право. 2014. №2. С. 102-104.
6. Дьяков С.В., Кадников Н.Г. (ред.) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный). М., 2013. 1040 с.
7. Егиазарян Н.А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование). М., 2013. 27 с.
8. Есаков Г.А. (ред.) Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный). М., 2017. 1102 с.
9. Минаков Г.Л., Абашина Л.А. Проблемы квалификации злостного уклонения от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством РФ о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. №1. С. 130-136.
10. Соколова О.В. Злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством РФ о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента // Уголовное право. 2014. №6. С. 73-78.
11. Соколова О.В. Признак злостности уклонения от исполнения обязанностей по представлению документов, необходимых для включения в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента // Уголовное право. 2016. №6. С. 73-79.
12. Чучаев А.И. (ред.) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2013. 672 с.

Criminal liability for fraudulent evasion of the performance of duties specified by the legislation of the Russian Federation on non-profit organizations acting as a foreign agent

Pavel A. Filippov

Postgraduate,

Lomonosov Moscow State University,

119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;

e-mail: pilippov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problematic issues of criminal liability for fraudulent evasion of the performance of duties specified by the legislation of the Russian Federation on non-profit organizations acting as a foreign agent. The author supported an opinion of the criminalization of the liability of a foreign agent who is not included in the relevant register for participating in political activities on the territory of the Russian Federation. The article analyzes the grounds of criminalization, as well as the objective and subjective elements of offence provided for in the Art. 330.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's interpretation of the objective side and the moment of the end of this crime are expounded. The essay clarifies the dispute regarding the interpretation of such an essential element of crime as "fraudulent evasion". The author's interpretation is provided. The article proposes a new version of the article of the criminal law providing for liability for organizing the activities of a non-profit organization that acts as a foreign agent. Herewith, the proposed elements of offence are material in their structure where a causing significant harm comes as a criminal consequence. Belonging of such liability to the Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation “Crimes against the foundations of the constitutional system and the security of the state” is justified due to the reason that the damage from this criminal act is primarily directed to the security of the state and the state sovereignty.

For citation

Filippov P.A. (2017) Ugolovnaya otvetstvennost' za zlostnoe uklonenie ot ispolneniya obyazannostei, opredelennykh zakonodatel'stvom RF o nekommercheskikh organizatsiyakh, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta [Criminal liability for fraudulent evasion of the performance of duties specified by the legislation of the Russian Federation on non-profit organizations acting as a foreign agent]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp.256-269.

Keywords

Criminal liability, crimes against administrative order, non-profit organization, foreign agent, fraudulent evasion.

References

1. Baglai M.V., Gabrichidze B.N. (1996) *Konstitutsionnoe pravo RF* [Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow.
2. Bezrukov A.V. (2015) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Moscow: Yustitsinform Publ.
3. Brilliantov A.V. (ed.) (2015) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [The

Criminal Law of Russia. Parts of General and Special]. Moscow.

4. Chuchaev A.I. (ed.) (2013) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow.
5. D'yakov S.V., Kadnikov N.G. (ed.) (2013) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: nauchno-prakticheskii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow.
6. Egiazaryan N.A. (2013) *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya v ugolovnom prave Armenii i Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Crimes against the management order in the criminal law of Armenia and Russia (comparative legal study)]. Moscow.
7. Esakov G.A. (ed.) (2017) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RF (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow.
8. Minakov G.L., Abashina L.A. (2015) Problemy kvalifikatsii zlostnogo ukloneniya ot ispolneniya obyazannostei, predusmotrennykh zakonodatel'stvom RF o nekommercheskikh organizatsiyakh, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta [Problems of qualification of malicious evasion from fulfilling duties stipulated by the legislation of the Russian Federation on non-profit organizations performing the functions of a foreign agent]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Proc. of South-Western State University], 1, pp. 130-136.
9. Sokolova O.V. (2014) Zlostnoe uklonenie ot ispolneniya obyazannostei, opredelennykh zakonodatel'stvom RF o nekommercheskikh organizatsiyakh, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta [Malicious evasion of the fulfillment of duties determined by the legislation of the Russian Federation on non-profit organizations performing the functions of a foreign agent]. *Ugolovnoe parvo* [Criminal law], 6, pp. 73-78.
10. Sokolova O.V. (2016) Priznak zlostnosti ukloneniya ot ispolneniya obyazannostei po predstavleniyu dokumentov, neobkhodimykh dlya vklyucheniya v reestr nekommercheskikh organizatsii, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta [A sign of maliciousness of evasion from fulfilling duties on submitting documents required for inclusion in the register of non-profit organizations performing the functions of a foreign agent]. *Ugolovnoe parvo* [Criminal law], 6, pp. 73-79.
11. Vorob'ev V.V. (2014) Zlostnost' kak priznak ukloneniya ot ispolneniya obyazannostei nekommercheskikh organizatsii, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta [Viciousness as a sign of evasion from the performance of duties of non-profit organizations performing the functions of a foreign agent]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2, pp. 33-36.
12. Vorob'ev V.V. (2014) Ob"ekt ispolneniya sostava zlostnogo ukloneniya ot ispolneniya obyazannostei, nekommercheskikh organizatsii, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta

[The object of executing the composition of malicious evasion from the performance of duties, non-profit organizations performing the functions of a foreign agent]. *Obshchestvo i parvo* [Society and Law], 2, pp. 102-104.

УДК 336.5.01

Реформирование системы бюджетных платежей

Конюхова Дарья Игоревна

Аспирант,

Департамент правового регулирования экономической деятельности,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 49;

e-mail: dkonuhova@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается система бюджетных платежей в Российской Федерации. Дается характеристика процесса ее реформирования, при этом поэтапное рассмотрение данного процесса раскрывает положение бюджетных платежей в системе правового регулирования бюджетных отношений. Разделение автором бюджетных платежей по разным видам, как элементам целостной системы, позволяет всесторонне изучить внутренний механизм системы бюджетных платежей в Российской Федерации. Автором раскрываются принципы осуществления бюджетных платежей через призму принципов осуществления платежей, что позволяет оценить место бюджетных платежей в системе платежей в целом. Статья содержит положения об основных недостатках существующей системы бюджетных платежей. При этом автор в своей работе определяет пути решения указанных проблем и раскрывает основные направления совершенствования правового регулирования системы бюджетных платежей в Российской Федерации. Автором предлагается введение единого определения бюджетных платежей, которое позволило бы прийти к единому подходу в восприятии системы бюджетных платежей. В статье также определены различия таких категорий как платежи в бюджет и бюджетные платежи.

Для цитирования в научных исследованиях

Конюхова Д.И. Реформирование системы бюджетных платежей // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Том 7. № 7А. С.270-280.

Ключевые слова

Бюджетные платежи, платежи в бюджет, принципы осуществления платежей.

Введение

В настоящее время бюджетное законодательство находится в процессе изменения. Связано это с реформированием бюджетной системы в целом. Происходят изменения различных бюджетных правоотношений, в частности, отношений, касающихся системы бюджетных платежей.

Началом непосредственного реформирования системы бюджетных платежей послужил Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 29.08.2013 № 227 «Об утверждении концепции реформирования системы бюджетных платежей на период до 2017 года». Название данного приказа подчеркивает важность и основательность подхода к реформированию данной системы, в том числе из-за продолжительного периода в который предполагается реформировать систему бюджетных платежей.

Основными задачами концепции, утвержденной приказом Минфина России № 227, являются:

1) сокращение количества счетов, открытых Казначейству России в Банке России и кредитных организациях, с последующей централизацией средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов на едином банковском счете Казначейства России;
2) ускорение аккумулирования (мобилизации) и распределения доходов в бюджетную систему Российской Федерации;
3) обеспечение возможности прогнозирования ежедневного остатка денежных средств на едином банковском счете Казначейства России;
4) создание условий для использования современных платежных технологий для осуществления платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации;
5) обеспечение оперативного доступа к информации о начислениях и платежах, осуществляемых физическими и юридическими лицами в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации;
6) создание условий для перехода от осуществления расчетов с использованием наличных денежных средств к осуществлению безналичных расчетов.

Функционирование системы бюджетных платежей

Бюджетная система Российской Федерации до реформирования развивалась в направлении установления принципа единого казначейского счета, который сейчас является одной из основ для формирующейся системы бюджетных платежей. Единый банковский счет Казначейства России является связующим элементом для бюджетной системы Российской

Федерации, позволяющей эффективно построить отношения как внутри бюджетной системы между бюджетами разных уровней и одного уровня, так и отношения бюджетов с частным сектором.

Такие выводы можно сделать, основываясь в том числе на положениях Общих принципов развития программ бюджетных платежей, разработанных Всемирным Банком в 2012 году. Данная концепция предусматривает разделение бюджетных платежей на определенные виды, через анализ которых можно проследить, между какими участниками и осуществляются бюджетные платежи.

Прежде всего, стоит рассмотреть внутрибюджетные платежи, которые иначе можно назвать переводами. К ним можно отнести платежи из бюджета в бюджет (G2G). Количество операций по данным платежам сравнительно невелико, но, как правило, они осуществляются в бюджетных целях и отличаются своим большим объемом, тогда как взаимоотношения с гражданами и организациями представляет собой наличие большего количества платежей, суммы которых значительно меньше. К такому виду бюджетных платежей в соответствии с принципами, разработанными Всемирным банком, относятся все внутрибюджетные платежи, например, межбюджетные трансферты либо иные платежи, которые осуществляются из бюджета в бюджет на различных уровнях бюджетной системы.

Следующий вид бюджетных платежей непосредственным образом связан с расходами государства из бюджета. Так, к ним относятся платежи из бюджета населению (G2P) и платежи из бюджета предприятиям (G2B). Данный вид платежей связан, прежде всего, с осуществлением расходных обязательств государства. Платежи населению, как правило, представляют собой выплаты заработных плат, а также иные выплаты социального характера, например, пенсии и пособия. Что касается выплат предприятиям, то к ним относятся выплаты, носящие характер помощи для развития бизнеса, либо выплаты, носящие характер исполнения обязательств государства, например, в виде выплаты сумм излишне уплаченных долгов. В том числе данный вид платежей связан с реализацией Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», посредством которого регламентируются отношения государства с предприятиями в сфере государственных закупок.

Если предыдущий вид бюджетных платежей был связан с расходами государства, то следующий вид бюджетных платежей связан с доходами. По аналогии с предыдущим видом бюджетных платежей, данный вид платежей представлен платежами населения в бюджет (P2G) и платежами предприятий в бюджет (B2G). Как правило, основной частью доходов в бюджет являются налоговые доходы. Таким образом, и налоговые платежи относятся к бюджетным платежам, уплачиваемым как населением, так и предприятиями. Как известно,

налоговые платежи состоят из сумм, уплаченных по налогам и сборам, которые вносятся и населением, и предприятиями. При этом рассматриваемый многими учеными спорный вопрос об относимости налоговых платежей к бюджетным разрешается в Постановлении Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.10.1998 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года „Об основах налоговой системы в Российской Федерации“», где в пункте 3 указано, что «налоговые отношения, возникающие между налогоплательщиками и кредитными учреждениями при исполнении последними платежных поручений на списание налоговых платежей, регулируются налоговым законодательством. Отношения по зачислению средств, поступивших в уплату налогов на бюджетные счета, являются бюджетными…».

Исходя из перечисленных видов бюджетных платежей, выделенных Всемирным банком, можно проследить возможность участия в осуществлении бюджетных платежей не только публичных правовых образований, но также и физических и юридических лиц.

Для формирования полного представления о системе бюджетных платежей, помимо определения сферы участников бюджетных платежей, необходимо проанализировать принципы осуществления платежей в целом и возможности их применения к бюджетным платежам. Первый и основной принцип осуществления платежей — это правовой режим. Так, осуществление любого рода платежей должно быть строго регламентировано законом. Этот принцип, безусловно, относится и к осуществлению бюджетных платежей.

Следующий принцип — это осуществление расчетов по банковским счетам. Это необходимо для контроля за осуществлением платежей и учета конкретных операций по платежам. Использование банковских счетов как инструмента осуществления платежей позволяет повысить скорость и эффективность проведения операций. Реализация данного принципа имеет важное значение для реформирования системы бюджетных платежей и осуществляется за счет создания единого казначейского счета в Российской Федерации. Наличие единого банковского счета Казначейства Российской Федерации позволяет повысить эффективность расходования свободных остатков денежных средств, что заметно повышает продуктивность управления ликвидностью.

Из этого принципа следует принцип поддержания ликвидности на уровне, обеспечивающем бесперебойное осуществление платежей [Казиев, 2008, 44]. Основываясь на связи с предыдущим принципом можно применить данный принцип и к принципам осуществления бюджетных платежей. Одним из мотивирующих факторов при создании единого казначейского счета была необходимость создания системы бесперебойного осуществления платежей, что может быть достигнуто лишь при концентрации общей массы

бюджетных средств на едином счете.

Существует также принцип необходимости акцепта плательщика на осуществление платежа. Однако даже для гражданско-правовых отношений существует большое количество примеров безакцептного списания средств и изъятий из этого принципа. Для бюджетных отношений применение этого принципа более проблематично, исходя из императивного характера данных правоотношений. Так, бюджетные полномочия предусмотрены на законодательном уровне, однако под акцептом может подразумеваться необходимость санкционирования кассового расхода путем разрешительной подписи.

Следующий принцип – это принцип срочности платежа. Это особо актуально и для бюджетных платежей. Несвоевременное осуществление бюджетных платежей может повлечь за собой значительный ущерб для бюджетов различных уровней бюджетной системы. Более того, это может повлиять на осуществление государством своих функций и выполнение обязательств как государства, так и граждан, и юридических лиц.

Принцип контроля всех участников за правильностью совершения расчетов, соблюдением установленных положений о порядке их проведения применим и для бюджетных платежей [Казиев, 2008, 47]. Контрольные функции уполномоченных на это органов строго регламентированы законодательством, что выделяет бюджетные платежи из общей системы платежей и значимость правильности их осуществления.

Далее следует принцип имущественной ответственности за соблюдением договорных условий. Применение данного принципа спорно по отношению к бюджетным платежам, прежде всего, из-за разных видов бюджетных отношений. Так, в рамках бюджетных платежей G2G отсутствуют как таковые договорные отношения. Но, в то же время в отношении субвенций установлен возвратный характер при несоблюдении целевого использования, что может рассматривать как аналогию к ответственности за несоблюдение договорных обязательств. Что же касается бюджетных платежей, осуществляемых с предприятиями и населением в рамках рассмотренной ранее федеральной контрактной системы данный принцип рассматривается в полной мере. Так как между государством и физическим либо юридическим лицом устанавливаются гражданско-правовые отношения на договорной основе. Более того, законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственная ответственность, например, при нецелевом использовании либо расходовании бюджетных средств. При этом штраф, устанавливается как одна из санкций, что подчеркивает материальную ответственность.

Совершенствование системы бюджетных платежей

Анализируя существующую систему бюджетных платежей, отсутствие в ней дефиниции

«бюджетные платежи» стоит отметить как ее основной недостаток. В теории существуют некоторые предположения о том, что же является бюджетным платежом, так сложилось мнение о приравнивании понятия бюджетных платежей к понятию платежей в бюджет. Под платежами в бюджет понимают взносы, отчисления юридических и физических лиц, вносимые в государственный бюджет (в России в федеральный, субъектов Федерации, местные) [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 2006, 327]. Таким образом, можно сделать вывод, что сложившееся определение рассматривает лишь часть бюджетных платежей. Исходя из рассматриваемых ранее видов бюджетных платежей, предложенных Всемирным банком, можно сделать вывод, что данное определение рассматривает лишь платежи вида G2G.

Таким образом, исходя из рассмотренных ранее видов и принципов бюджетных платежей, под бюджетными платежами можно подразумевать платежи, осуществляемые между бюджетами бюджетной системы, платежи, поступающие в бюджет от физических и юридических лиц, а также платежи, поступающие из бюджета физическим и юридическим лицам, направленные на осуществление функций государства.

Отсутствие даже дефиниции бюджетных платежей в законодательстве Российской Федерации говорит о несовершенстве существующей системы бюджетных платежей, а, следовательно, о необходимости ее дальнейшего совершенствования. На данном этапе существует регламентация системы единого казначейского счета, что является лишь составной частью будущей системы бюджетных платежей. Многие положения Бюджетного кодекса Российской Федерации о доходах и расходах бюджета должны быть модернизированы.

Основываясь на принципе правового режима осуществления платежей, можно сделать вывод о необходимости законодательного закрепления процессов осуществления бюджетных платежей. Прежде всего, стоит отметить необходимость внедрения в Бюджетный кодекс Российской Федерации как минимум общих положений о бюджетных платежах. Так, необходимо законодательно закрепить дефиницию «бюджетные платежи». Это послужит основой для дальнейшего развития системы бюджетных платежей.

Рациональным является выделение системы бюджетных платежей в отдельную главу Бюджетного кодекса Российской Федерации, в которой следовало бы установить легальное определение бюджетных платежей и их принципы, выделить участников и законодательно определить виды бюджетных платежей. Более того, стоит консолидировать основные положения по осуществлению бюджетных платежей в Бюджетном кодексе Российской Федерации, которые на данный момент по большей части находятся в разрозненном состоянии в различных нормативных правовых актах. Таким образом, разумным выглядит внесение

изменений и в Налоговый кодекс Российской Федерации, так как исходя из рассматриваемых ранее положений налоговые платежи также являются бюджетными платежами.

Из структуры предлагаемых изменений необходимым видится внесение изменений в нормативные правовые акты и подзаконные акты, регулирующие порядок зачисления средств в бюджеты. К таким актам можно отнести:

1) Постановление Правительства от 02.08.2010 № 590 «О порядке осуществления федеральным бюджетным учреждением и автономным учреждением полномочий федерального органа государственной власти (государственного органа) по исполнению публичных обязательств перед физическим лицом, подлежащих исполнению в денежной форме, и финансового обеспечения их осуществления»;
2) Приказ Минфина России от 12.11.2013 № 107н «Об утверждении Правил указания информации в реквизитах распоряжений о переводе денежных средств в уплату платежей в бюджетную систему Российской Федерации»;
3) Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;
4) Письмо Минфина Российской Федерации № 01-СШ/31, Казначейства России № 42-7.1-15/5.2-160 от 13.04.2006 «Об исполнении платежных документов администраторов поступлений в бюджет на возврат (возмещение) поступлений плательщикам»;
5) Указ Президента РФ от 07.11.1997 № 1173 «О дополнительных мерах по мобилизации кассовых поступлений в федеральный бюджет».

Заключение

На данный момент, исходя из сложности процесса реформирования бюджетной системы в Российской Федерации, и отсутствия единого ее правового регулирования, взгляды ученых на рассматриваемую тему разобщены. Лишь небольшой круг ученых рассматривает данную сферу как предмет исследования.

Концепции реформирования бюджетных платежей придерживаются прежде всего те, кто имеет непосредственное касательство к системе, а именно, работники Федерального казначейства и его управления. Например, В.А. Смирнов, заместитель руководителя Федерального казначейства, в своей статье рассматривает основные этапы реформирования системы бюджетных платежей и возможные инструменты эффективного управления ликвидностью [Смирнов, 2013]. Остальные же представители данной сферы основывают свои исследования на изучении непосредственной реализации бюджетных платежей в рамках функционирования единого казначейского счета [Панкратова, 2011]. Исследования проводятся также в сфере информационной системы о государственных и муниципальных

платежах, которая обеспечивает информацию об осуществлении бюджетных платежей [Хазова, 2014]. По своей сути она базируется на электронном документообороте и позволяет обеспечивать прозрачность и результативность осуществления бюджетных платежей в рамках системы бюджетных платежей. Остальные же исследования проводятся в большей степени в отношении вопросов осуществления расходов и получения доходов бюджетов бюджетной системы и лишь в рамках данных отношений затрагивают бюджетные платежи [Кукелко, 2017].

Система бюджетных платежей находится лишь на начальном этапе реформирования, зарубежный опыт и рекомендации международных организаций позволяют заложить основу для проводимых изменений. Существующие научные и практические исследования в этой области позволяют сделать вывод об актуальности данной темы и о необходимости ее дальнейшей разработки в финансово-правовой науке. Учитывая отсутствие должной регламентации основных понятий бюджетных платежей, выглядит обоснованным мнение о необходимости реформирования законодательства о системе бюджетных платежей.

Библиография

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.06.1998 № 145-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17.07.1998: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17.07.1998: ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Казиев А.А. Оптимизация расчетов в системе обеспечения финансовой устойчивости предприятия: дис. ... канд. экон. наук. М.: Финансовая акад. при Правительстве РФ, 2008. 189 с.
3. Кукелко Д.В. Законодательное регулирование обязательных неналоговых платежей в бюджеты муниципальных образований в Российской Федерации // Финансовое право. 2017. № 3. С. 18-22.
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон Рос. Федерации от 05.04.2013 № 44-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.04.2013: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 27.04.2013 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
5. Об утверждении Концепции реформирования системы бюджетных платежей на период до 2017 года: приказ Минфина России от 29.08.2013 № 227 URL : http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70347822/
6. Панкратова В.И. Организационно-правовые основы единого казначейского счета

федерального бюджета // Реформы и право. 2011. № 4. С. 11-15.

7. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 12.10.1998 № 24-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 42. Ст. 5211
8. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006. 479 с.
9. Смирнов В.А. Концепция реформирования системы бюджетных платежей // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2013. № 1. С. 2-5.
10. Хазова Е.В. Некоторые вопросы правового регулирования кассового исполнения бюджета в Российской Федерации // Финансовое право. 2014. № 2. С. 19-22.

Reforming the budget payments system

Koniukhova I. Daria

Postgraduate at the Department of
economic activity's legal regulation,
Financial university under
the Government of the Russian Federation
125993,Russian Federation, Moscow,
Leningradskiy prospekt, 49
e-mail: dkonuhova@gmail.com

Abstract

This article is about the budgetary payments' system of Russian Federation and its reformation. The budgetary payment' system plays a significant role in budgetary relations in Russian Federation. This article gives the analysis the budgetary payment' system and its types in the context of budgetary relations in Russian Federation. It designates the difference between the different types of budgetary payments, as a part of the budgetary payments' system and describes the principles they based on. The main idea of the article is to show the legal regulation of the budgetary payment' system problems and the ways how they can be solved. There is no common point of view on budgetary payments' definition, so author offers a unified definition of the budgetary payments. Such proposal can help to improve the legal regulation of the budgetary payments' system of Russian Federation. Moreover author compares such categories as budgetary payment and payment to budget.

For citation

Koniukhova I. D. (2017) Reformirovanie sistemy bjudzhetnyh platezhej [Reforming the budget payments system]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp.270-280.

Keywords

Budgetary payment, payment to budget, payment principles.

References

1. Budgetnii kodeks Rossiskoi Federatsii ot 31 uilia 1998 g. № 145-FZ priniat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 17.07.1998: odobr. Sov. Feder. Feder. Sobr. Ros. Federatsii 31.07.1998: vvod. feder. Zakonom Ros. Federatsii ot 31 uilia 1998 g. № 145-FZ. Sobranie zakonodatel'stva Rossiskoi Federatsii [Collected legislation of Russian Federation], 31, st. 3823.
2. Kaziev A.A. (2008) *Optimizatsia raschetov v sisteme obespechenia finansovoi ustoichivosti predpriatia. Kand Diss.* [An calculation optimization in enterprise's financial stability provision. Kand. Diss.] Moscow. Financial academy under the Government of Russian Federation.
3. Kukelko D.V. Zakonodatel'noe regulirovanie obiazatelnih nenalogovih platezei v budgeti munisipalnix obrazovanii v Rossiiskoi Federasii. *Finansovoe pravo* [Financial law], 3, pp. 18-22.
4. O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespechenia gosudarstvennih I munucupal'nih nuzd : feder. Zakon Ros. Federatsii ot 5 aprelia 2013 g. № 44-FZ : priniat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.04.2013: odobr. Sov. Feder. Feder. Sobr. Ros. Federatsii 27.04.2013. Sobranie zakonodatel'stva Rossiskoi Federatsii [Collected legislation of Russian Federation], 14, st. 1652.
5. Ob utverzdenii konceptcii reformirovania sistemi budzetnih platezei na period do 2017 goda : prikaz Minfina Rossii ot 29 avgusta 2013 URL : http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70347822/ (дата обращения 17.05.2017)
6. Pankratova V.I. Organizatsionno-pravovie osnovi edinogo kaznacheiskogo cheta federal'nogo budgeta. *Reformi i pravo* [Reforms and law], 4, pp 11-15.
7. Po dely o proverke konstitucionnosti punkta 3 statii 11 Zakona Rossiskoi Federatsii ot 22 dekabria 1991 goda "Ob osnovah nalogovoi sistemi v Rossiskoi Federatsii" : postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiskoi Federatsii ot 12 oktiabria 1998 g. № 24-P. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiskoi Federatsii* [Collected legislation of Russian Federation], 42, st. 5211.
8. Smirnov V.A. Koncepcia reformirovania sistemy budgetnih platezei. Bugalterskii uchet v budgetnih I nekkomercheskih organizaciah [Government and business accounting], 1, pp. 2-5
9. Raisberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubtseva E.B. (2006). *Sovremennii economicheskii slovar'*

[Modern economic dictionary]. Moscow: INFRA-M.

10. Khazova E.V. Nekotorie voprosi pravovogo regulirovania kassovogo ispolnenia budgeta v Rossiskoi Federatsii. *Finansovoe pravo* [Financial law], 2, pp. 19-22.

УДК 347.73

Финансирование образования: система правового регулирования

Чеха Вадим Витальевич

Кандидат юридических наук, доцент,

начальник управления правового и кадрового обеспечения,

Россотрудничество,

119019, Российская Федерация, Москва ул. Воздвиженка 18/9;

e-mail: tschecha77@list.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию системы регулирования финансирования образования. В данной статье раскрывается понятие системы образования, приведена характеристика источников права, включаемых в ее состав и соотносящихся между собой по иерархическому принципу. Обоснована особая роль Конституции России в системе регулирования финансирования образования. При этом доказано, что в систему регулирования финансирования образования включаются множество типичных и нетипичных источников правового регулирования финансирования образования, представленных в статье в виде таблицы. Особо отмечена роль нетипичных источников правового регулирования финансирования образования – судебной практики и нормативных договоров, документов объединяемые в рамках категории «мягкого» права - писем, рекомендаций, телеграмм и других. Результаты исследований могут быть применены в сфере правотворчества на различных уровнях и в деятельности органов управления образованием.

Для цитирования в научных исследованиях

Чеха В.В. Финансирование образования: система правового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С.281-290.

Ключевые слова

Финансирование, бюджет, образование, источник финансового права, дифференциация источников финансового права, типичные и нетипичные источники права, юридическая сила источника права, иерархия источников права.

Введение

Финансирование за счет бюджета какой-либо сферы предполагает выделение, получение, использование бюджетных средств для обеспечения функционирования и развития данной сферы. Данный тезис будет верным и по отношению к системе образования России.

По мнению Белякова С.А. финансирование образования представляет собой отношение предполагающее оплату образовательных услуг, оказываемых обучающемуся, не самим учащимся или его семьей, а государством (или иным физическим лицом), не получающим этой услуги. В данном случае приобретателем услуги является финансирующее лицо, а получателем – учащийся [Беляков, 2006, 114].

То есть, отношение по финансированию образования возможно определить как бюджетное финансирование, осуществляемое в целях обеспечения конституционных прав граждан на образование. С этой точки зрения финансирование образования представляет собой процесс выделения, получения, использования финансовых средств из бюджетов различных уровней.

Данный процесс предполагает необходимость правового регулирования. В связи с этим важная роль принадлежит источникам права, обеспечивающим правовую регламентацию финансирования образования. Отношения по финансированию образования выступают предметом регулирования финансового права, а именно той его части, которая относится к бюджетному праву.

Предмет регулирования в данном случае включает взаимосвязи между органами управления образованием различных видов и между органами управления образованием различных видов и подведомственными им организациями, осуществляющими образовательную деятельность, предполагающие выделение, распределение и использование средств бюджетов различных уровней.

Вследствие этого источники регулирования отношений по финансированию образования являются также и нормами бюджетного права и в более широком контексте нормами финансового права.

Конституция и источники финансового права

В науке финансового права длительное время разрабатывается понятие «источник финансового права». [Дмитрик, 2011, 126-149; Ялбулганов, 38-56]. Одним из самых удачных на наш взгляд следует признать подход Химичевой Н.И., которая определяет источники финансового права Российской Федерации как правовые акты представительных и исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления, в которых

содержатся нормы финансового права. [Химичева, 2007, 39]. Данное определение имеет более широкий контекст и включает самый разнообразный круг источников, в том числе правовые акты органов местного самоуправления.

Особая роль в системе регулирования финансирования образования принадлежит Конституции России. Так, в частности, в Конституции России закрепляются виды источников финансового права, применяемых для регулирования отношений по финансированию образования. В связи с этим, следует согласиться с Кутафиным О.Е. в том, что «конституционным правом определяются основы содержания и форма источников права для всех отраслей права…». [Кутафин, 2011, 16].

Так, например, из статьи 76 Конституции РФ следует, что бюджетное финансирование образования может регулироваться:

– федеральными конституционными законами и федеральными законами, имеющими прямое действие на всей территории Российской Федерации и принимаемыми по предметам ведения Российской Федерации, включая закон о федеральном бюджете;
– федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;
– законами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, принимаемыми вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Конституция России находится на вершине пирамиды нормативных правовых актов, направленных на правовое регулирование финансирования образования. Другие этажи пирамиды включают различные нормативные правовые акты, дифференцируемые в зависимости от юридической силы.

В связи с этим важно упомянуть, что виды источников бюджетного права, относящиеся к нормативным правовым актам, закреплены в Бюджетном кодексе в статье 2, регламентирующей структуру бюджетного законодательства.

Дифференциация источников правового регулирования финансирования образования

Подходы к дифференциации источников финансового права достаточно подробно исследованы в науке. Так, например, по мнению Еремина С.Г. источники финансового права могут дифференцироваться по критерию юридической силы. [Еремин, 2013, 10-11]. Данный критерий традиционно применяется в качестве основного для дифференциации источников

финансового права в юридической науке.

Так, Ровинский Е.А. относил к источникам финансового права Конституцию СССР и конституции союзных и автономных республик, законы, указы и постановления высших органов государственной власти Союза СССР, союзных и автономных республик, а также решения местных советов по вопросам финансов, денежной и кредитной систем, постановления и распоряжения высших и местных органов государственного управления по аналогичным вопросам, инструкции и положения министерств (ведомств), объединений по вопросам финансов и кредита. [Ровинский, 1978, 28].

Соколова Э.Д. относит к источникам финансового права нормативные правовые акты, включаемые в категорию «законодательство» (федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации), правовые акты главы Российского государства, органов местного самоуправления, органов исполнительной власти разных уровней, акты финансовых органов как федерального, так и регионального так и местного уровней, правовые акты Центрального банка Российской Федерации, международные договоры. [Соколова, 2014, 316].

Химичева Н.И. относила к источникам финансового права Конституцию РФ, Конституции и Уставы субъектов Российской Федерации, Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, акту органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, акты финансово-кредитных органов – Министерства финансов РФ, Центрального банка РФ, Министерства РФ по налогам и сборам и др. (приказы, инструкции и иные акты), соглашения между указанными органами, а также другими органами, финансовые акты органов государственного управления – министерств, ведомств и др., регулирующих вопросы финансов в пределах соответствующей отрасли или сферы управления, в локальных актах, принимаемых администрацией или иными органами предприятий, организаций, учреждений (например, положение о порядке распределения прибыли). [Химичева, 2007, 39-40].

Система регулирования финансирования образования включает практически весь возможный спектр вышеуказанных источников бюджетного и в более широком контексте – финансового права, содержащих нормы, направленные на регулирование финансирования образования. Учитывая вышеизложенное возможно сделать вывод о том, что систему регулирования финансирования образования возможно представить, как перечень источников права, содержащих финансово – правовые нормы, обеспечивающие регулирование финансирования образования.

Нетрадиционные источники правового регулирования финансирования образования

В настоящее время в различных отраслях права получают дальнейшее развитие

исследования источников права и в ходе данных исследований выделяются так называемые «нетрадиционные источники права», которые, наряду с традиционными включаются в категорию источников права». [Улетова, 2007, 13].

В связи с этим, в нашей ситуации наиболее целесообразным выглядит разделение источников правового регулирования финансирования образования на типичные и нетипичные с точки зрения традиционности в рамках системы источников финансового права и способа регулирования отношений в сфере образования. [Храмов, 2010, 10].

К типичным следует отнести традиционные источники финансового права – нормативные правовые акты, международные договоры. Очевидно, что распространенные в сфере финансового права различные акты, объединяемые в рамках категории «мягкого права» [Демин, 2014, 96-105] – письма, рекомендации, телеграммы и другие следует отнести к нетипичным источникам регулирования финансирования образования. По поводу термина «мягкое право»: наиболее характерными примерами «мягкого права» в сфере финансирования образования выступают Письма Минобрнауки России, например Письмо Минобрнауки РФ от 01.12.2008 № 03-2782 «О введении нормативного подушевого финансирования дошкольных образовательных учреждений», Письмо Минобрнауки РФ от 19.10.2006 № 06-1616 «О Методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по финансированию реализации основных образовательных программ дополнительного образования детей. Модель расчета нормативов бюджетного финансирования реализации основных образовательных программ дополнительного образования детей»). Данные письма транслировали на региональный и муниципальный уровень основные тезисы и положения, которые, при соответствующей доработке, превращались в нормы соответствующих актов, принятых на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Также важная роль принадлежит судебной практике и нормативным договорам. В теории финансового права судебные прецеденты и нормативные договоры рассматриваются как «принципиально новые источники финансового права». [Еремин, 2010, 48;]. Действительно, судебные прецеденты специфическим образом – «непрямым способом», опосредованно влияют на систему регулирования финансирования образования, выступая в роли ориентира для правотворчества.

В то же время нетипичность нормативных договоров, в отличие от нормативных правовых актов, обусловлена так же и тем, что вступление в силу нормативных договоров предполагает согласование воль как минимум двух сторон, что не вполне свойственно именно финансовому праву. Однако дальнейшее развитие финансирования образования крайне сложно представить без использования нормативных договоров.

Таким образом, источники регулирования финансирования образования возможно

разделить на типичные и нетипичные.

Важно отметить, что сама по себе специфика системы образования предопределяет особенности применяемых для ее регулирования норм финансового права. Так, в частности, невозможно представить регулирование финансирования образования без международных договоров, без Конституции РФ, без локальных актов образовательных организаций.

Заключение

Перечень источников правового регулирования финансирования образования может выглядеть следующим образом (рис. 1):

Система регулирования финансирования образования	
Типичные источники регулирования финансирования образования	
Уровень регулирования	Виды нормативных правовых актов
Конституция Российской Федерации	
Международно-правовой	Международные договоры
Федеральный	Федеральные конституционные законы, Бюджетный кодекс и Федеральный закон о федеральном бюджете, другие федеральные законы, Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, нормативные правовые акты и документы федеральных государственных органов исполнительной власти.
Уровень субъектов Российской Федерации	Уставы, Конституции, Законы субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации
Уровень местного самоуправления	Нормативные правовые акты органов местного самоуправления
Уровень образовательных и иных организаций	Локальные акты организаций
Нетипичные источники регулирования финансирования образования	
Нормативные договоры	Договоры между органами государственной власти различных уровней и (или) между органами местного самоуправления
Судебные прецеденты	Решения различных судов, используемые в качестве ориентира для правотворческой и практической деятельности в сфере финансирования образования
Акты «мягкого» права	Письма, Рекомендации, Разъяснения и другие

Рисунок 1 – Перечень источников правового регулирования финансирования образования

Вышеизложенное позволяет также сформулировать следующие концептуальные особенности системы регулирования финансирования образования:

– Система регулирования финансирования образования является составной частью бюджетного права – включаемые в систему источники регулирования финансирования образования содержат соответствующие финансово-правовые нормы. Данные источники взаимосвязаны между собой по иерархическому принципу.

– Система регулирования финансирования образования обладает определенного рода

целостностью, обусловленной объектом регулирования в состав которого входят взаимосвязи между органами управления образованием различных уровней и видов, взаимосвязи между указанными органами управления образованием и организациями, получающими бюджетное финансирование вследствие деятельности указанных органов по поводу выделения и распределения бюджетных средств.

Вместе с тем, данная система образования регулирования финансирования образования взаимодействует с иными системами регулирования отношений в сфере образования, тесно связанными с отношениями по финансированию образования, включая отношения, связанные с выплатой заработной платы работникам образовательным организациям, отношения связанные с регулированием управления системой образования, отношения, касающиеся использования имущества образовательных организаций, отношения по предоставлению платных образовательных услуг и другие.

Сложность объекта регулирования предполагает то, что в систему регулирования финансирования образования включаются множество типичных и нетипичных источников регулирования.

Система регулирования финансирования образования сама по себе имеет многосоставный характер и может дифференцироваться на различные подсистемы. Наиболее удачным вариантом дифференциации следует считать разделение системы регулирования образования в зависимости от вида образования – общее образование, профессиональное образование, профессиональное обучение, дополнительное образование. Каждый из данных видов образования имеет определенную специфику в части организации финансирования.

Так, например, финансирование государственных образовательных организаций высшего образования осуществляется в абсолютном подавляющем большинстве случаев из федерального бюджета.

Финансирование общего образования осуществляется преимущественно из местных бюджетов. Также для образовательных организаций профессионального образования и образовательных организаций общего образования характерны во многом разные направления расходов. Например, в организациях высшего образования студентам выплачивается стипендии, материальная помощь, обеспечиваются места в общежитиях, учебная и производственная практика, возможности научной работы и другие. Такого рода расходы отсутствуют в организациях общего образования, однако здесь наличествуют расходы на учебники и учебные пособия для обучающихся, расходы на специфическое школьное оборудование, расходы на игрушки для дошкольных организаций и другие.

Библиография

1. Беляков С.А. Финансирование системы образования в России. М.: МаксПресс, 2006. 304 с.
2. Демин А.В. Бинарный подход против относительной нормативности: к дискуссии о «мягком праве» // Закон. 2014. № 6. С. 96-105.
3. Еремин С. К вопросу о современном состоянии источников финансового права // Право и экономика. 2010. № 12. С.46-53.
4. Еремин С.Г. Проблемы классификации источников финансового права // Финансовое право. 2013. № 2. С. 8-11.
5. Ровинский Е.А. Советское финансовое право. М.: Юридическая литература, 1978, 344 с.
6. Соколова Э.Д. Источники финансового права: понятие и система // Финансовое право: прошлое, настоящее, будущее. Саратов, 2014. 380 с.
7. Храмов Д.В. Нетрадиционные источники российского частного права: общетеоретический аспект: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 26 С.
8. Химичева Н.И. Финансовое право. М.: Норма, 2007. 784 с.
9. Улетова Г.Д. Источники исполнительного права Российской Федерации: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2007. 63 с.
10. Ялбулганов А.А. Федеральные источники финансового права: вопросы систематизации и классификации // Финансовое право России: актуальные проблемы. М.: Academia, 2007. 38 с.

Financing of education: the system of legal regulation

Vadim V. Chekha

PhD in Law, Associate Professor,
Head of Department of law and staffing,
Rossotrudnichestvo,
119019, 18/9, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tschecha77@list.ru

Abstract

The article is devoted to a research of system of regulation of financing of education. In this article the concept of an education system is revealed; the characteristic of the sources of the right included in its structure and corresponding the hierarchical principle are provided. The special role of the Constitution of Russia in the system of regulation of financing of education is proved. At

the same time it is proved that the system of regulation of financing of education joins a set of the typical and atypical sources of legal regulation of financing of education presented in article in the table form. The role of atypical sources of legal regulation of financing of education, jurisprudence and standard contracts, documents united within category of the "soft" right, letters, recommendations, telegrams and others is especially noted. Results of researches can be applied in the sphere of law-making at various levels and in activity of governing bodies of education. The system of regulation of the financing of education in itself has a multi-component nature and can be differentiated into different subsystems. The most successful variant of differentiation should be considered the separation of the system of education regulation depending on the type of education: general education, vocational education, vocational training, and additional education. Each of these types of education has a specific role in the organization of financing.

For citation

Chekha V.V. (2017) Finansirovanie obrazovaniya: sistema pravovogo regulirovaniya [Financing of education: the system of legal regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7A, pp.281-290.

Keywords

Financing, budget, education, source of the financial right, differentiation of sources of the financial right, typical and atypical sources of the right, validity of a source of the right, hierarchy of sources of the right.

References

1. Belyakov S.A. (2006) *Finansirovanie sistemy obrazovaniya v Rossii* [Financing of the education system in Russia]. Moscow: MaksPress Publ.
2. Demin A.V. (2014) Binarnyi podkhod protiv otnositel'noi normativnosti: k diskussii o «myagkom prave» [Binary approach against relative normativeness: to the discussion of "soft law"]. *Zakon* [The law], 6, pp. 96-105.
3. Eremin S. (2010) K voprosu o sovremennom sostoyanii istochnikov finansovogo prava [On the issue of the current state of sources of financial law]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics]. 2010, 12, pp. 46-53.
4. Eremin S.G. (2013) Problemy klassifikatsii istochnikov finansovogo prava [Problems of classification of financial law sources]. *Finansovoe pravo* [Financial law], 2, pp. 8-11.
5. Khramov D.V. (2010) *Netraditsionnye istochniki rossiiskogo chastnogo prava: obshcheteoreticheskii aspect. Doct. Dis.* [Non-traditional sources of Russian private law: the general theoretical aspect. Doct. Dis.]. Saratov.

6. Khimicheva N.I. (2007) *Finansovoe parvo* [Financial law]. Moscow: Norma Publ.
7. Rovinskii E.A. (1978) *Sovetskoe finansovoe pravo* [Soviet financial law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.
8. Sokolova E.D. (2014) Istochniki finansovogo prava: ponyatie i sistema [Sources of financial law: the concept and system]. In: *Finansovoe pravo: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Financial law: past, present, future]. Saratov.
9. Uletova G.D. (2007) *Istochniki ispolnitel'nogo prava Rossiiskoi Federatsii. Doct. Dis.* [Sources of executive law of the Russian Federation. Doct. Dis.]. Moscow.
10. Yalbulganov A.A. (2007) Federal'nye istochniki finansovogo prava: voprosy sistematizatsii i klassifikatsii [Federal sources of financial law: issues of systematization and classification]. In: *Finansovoe pravo Rossii: aktual'nye problem* [Financial law of Russia: topical issues]. Moscow: Academia Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.951

ББК 67.99

Проблемы эволюции административной юстиции в Испании

Шашкова Анна Владиславовна

Кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры конституционного права,

МГИМО,

адвокат, почетный консул Сент-Винсента и Гренадин,

119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;

e-mail: a.shashkova@inno.mgimo.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу эволюции административной юстиции в Испании. Автор рассматривает происхождение административной юстиции в Испании, состав административных трибуналов Испании, категории дел, рассматриваемых в различных судах административной юстиции. В настоящей статье дается анализ основ функционирования административной юстиции в Испании, ее эволюция и текущие изменения. Наиболее значимому анализу в настоящей статье подвергается компетенция административных трибуналов. Статья указывает на ряд вопросов, не входящих в компетенцию административных трибуналов, при этом касающихся деятельности публичной администрации Испании. В Испании четко установлено, что, если вопрос каким-либо образом касается публичной администрации, необходимо прибегать к административным трибуналам. Административные трибуналы в Испании совершенно самостоятельны и не подчиняются никаким органам в системе общих судов. Сама же система административной юстиции была заимствована из французского права, однако имеются и отличительные особенности. Одним из основных отличий является то, что институт административной юстиции не получил отражения в Конституции Испании. Автор приходит к выводу о значимости образования и функционирования административных трибуналов в Испании и необходимости расширения и специализации их компетенции.

Для цитирования в научных исследованиях

Шашкова А.В. Проблемы эволюции административной юстиции в Испании // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С.291-298.

Ключевые слова

Административная юстиция, административный трибунал, административная жалоба, публичная администрация.

Введение

В Испании четко установлено, что, если вопрос каким-либо образом касается публичной администрации, необходимо прибегать к административным трибуналам. Административные трибуналы в Испании совершенно самостоятельны и не подчиняются никаким органам в системе общих судов.

Сама же система административной юстиции была заимствована из французского права, однако имеются и отличительные особенности. Одним из основных отличий является то, что институт административной юстиции не получил отражения в Конституции Испании.

В суды административной юстиции ежегодно поступают тысячи жалоб. Эти суды рассматривают как малозначительные, так и крупные дела. Они проверяют законность административных актов – от рядовых муниципальных до королевских декретов.

Организация и деятельность судов административной юстиции регулируются Законом от 27 декабря 1956 года «Об административной юстиции» (с последующими изменениями и дополнениями). Этот закон был разработан для того, чтобы избежать различных формалистических толкований, которые приводили к непринятию административных жалоб.

Основная часть

Административная юстиция не должна пониматься так, будто бы она создана для установления прав и гарантий администрации. Наоборот, административная юстиция позволяет воплотить справедливость в более высокой форме, чем если бы данные вопросы относились к другим юрисдикциям [Шашкова, 2001].

Только с помощью справедливости и соблюдения норм и принципов права возможно организовать общество и воплотить в жизнь административный замысел современного государства. Исполнение и следование нормам, каким бы ни был субъективный критерий должностных лиц, является обязательным в качестве основы существования социального порядка и единства административной деятельности.

Однако принципы единства и правопорядка колеблются, когда право заменяется на произвол. И здесь нужна административная юстиция. Поэтому, когда административная юстиция аннулирует противоречащие закону акты администрации, она не ущемляет ее престиж, а наоборот, содействует развертыванию административных функций.

Административная юстиция имеет специальной целью рассмотрение претензий, вытекающих в связи с актами публичной администрации, являющейся субъектом административного права.

Процесс в административных трибуналах не является кассацией, а первой судебной инстанцией. Они не рассматривают вопросы, не входящие в их юрисдикцию, такие как:

– вопросы гражданского или уголовного характера, отнесенные к обычной юрисдикции, а также вопросы, связанные с актами администрации, законами отнесенные к другим юрисдикциям;
– вопросы, возникающие в связи с политическими актами Правительства, например, касающиеся защиты государственной территории, международных отношений, внутренней безопасности государства и военной организации;
– решение вопросов компетенции между административной и обычной или специальной юрисдикциями и споры о компетенции.

Административные трибуналы рассматривают вопросы:

– связанные с исполнением, пониманием и заключением договоров вне зависимости от их юридической природы, совершенные публичной администрацией, когда целью являются публичные работы или услуги любого рода;
– вытекающие из имущественной ответственности публичной администрации;
– специально отнесенные каким-либо законом к данной юрисдикции.

Органы административной юстиции создаются при судах:

– административные трибуналы при территориальных судах;
– административные трибуналы при Верховном суде;
– кассационный административный трибунал при Верховном суде.

Административные трибуналы при территориальных судах. При каждом территориальном суде создается административный трибунал с той же компетенцией. В исключительных случаях Правительство может создавать другие административные трибуналы, юрисдикция которых может ограничиваться одной или несколькими провинциями.

Административные трибуналы при территориальных судах в первой и последней инстанции рассматривают иски, связанные с:

– актами, не подпадающими под простую административную жалобу, рассматриваемую органами публичной администрации, компетенция которых не распространяется на всю государственную территорию;
– актами и решениями, вынесенными органами публичной администрации, компетенция которых распространяется на всю территорию государства, но чей органический

уровень ниже министра по вопросам персонала;

– явно выраженными или подразумеваемыми актами министров, должностных лиц и центральных органов нижней иерархии, решениями по административным жалобам, включая экономико-административные, и решениями, вынесенными во исполнение функции надзора за органами, компетенция которых не распространяется на всю территорию государства.

Также административные трибуналы при территориальных судах рассматривают иски об имущественной ответственности публичной администрации, гражданских должностных лиц за акты и деяния, совершенные в исполнение своих должностных обязанностей, если в том или ином случае это не относится к компетенции Верховного суда.

Административные трибуналы при Верховном суде в первой и последней инстанции рассматривает следующие вопросы [Шашкова, 2015]:

– жалобы в органы административной юстиции, прямо оспаривающие положения общего характера органов администрации государства, компетенция которых распространяется на всю государственную территорию;

– административные жалобы в отношении актов Совета министров, Делегатских комиссий и министров;

– акты и резолюции органов публичной администрации, компетенция которых распространяется на всю территорию государства и органический уровень которых ниже министра по вопросам, не касающимся персонала;

– вопросы имущественной ответственности публичной администрации (Совета министров, Делегатских комиссий Правительства и министров) и иски, возбуждаемые гражданскими губернаторами или должностными лицами, органический уровень которых равен или выше генерального директора, по которым они подлежат ответственности за деяния, совершенные в исполнение своих должностных обязанностей;

– акты, принятые Высшим советом военной юстиции или по его предложению.

Во второй инстанции административные трибуналы при Верховном суде рассматривают апелляционные жалобы на решения, вынесенные административными трибуналами при территориальных судах.

Также административные трибуналы при Верховном суде рассматривают:

– кассационные жалобы против твердых решений административных трибуналов при территориальных судах;

– жалобы по непринятию апелляции;

– вопросы компетенции, возникающие между двумя или более административными

трибуналами при территориальных судах.

Распределение дел между административными трибуналами при Верховном суде осуществляется руководством Верховного суда.

Жалобы против твердых решений любого из административных трибуналов при Верховном суде рассматриваются кассационным административным трибуналом при Верховном суде.

Административные трибуналы при территориальных судах состоят из председателя и двух магистратов.

В каждый административный трибунал при Верховном суде входит председатель и магистраты, количество которых устанавливается органическими решениями Верховного суда. Эти трибуналы разбиты на отделы, в которых председательствует председательствующий в трибунале или наиболее старший магистрат отдела. Для принятия обычного решения достаточно совпадения мнения председательствующего и двух магистратов.

Председатель и магистраты административных трибуналов при Верховном суде и при территориальных судах назначаются Правительством по предложению министра юстиции. В эти трибуналы также входят секретари, должностные лица и технические сотрудники.

Кассационный административный трибунал при Верховном суде состоит из председателя Верховного суда, председателей административных трибуналов при Верховном суде и магистратов с наибольшим стажем из каждого из административных трибуналов при Верховном суде [Туманов, Половченко, 2016].

Среди органов контроля над законностью в государственном управлении, прежде всего, следует выделить хозяйственно-административные трибуналы, рассматривающие в основном финансовые споры. Система хозяйственно-административных трибуналов была образована в конце 1970-х – 1980-х годов. Ее возглавляет центральный хозяйственно-административный трибунал, состоящий из председателя, 11 членов и генерального секретаря. Трибунал рассматривает в первой инстанции финансовые споры на крупные суммы и жалобы на постановления Министерства Экономики и других центральных учреждений, а во второй инстанции - жалобы на постановления нижестоящих судов – хозяйственно-административных трибуналов региональных автономных объединений и соответствующих трибуналов провинций.

Кроме вынесения судебного решения большое значение имеет его исполнение. Суды общей юрисдикции часто страдают от невозможности принудительно исполнить решение суда. Заслуживает внимания процедура принудительного исполнения решений административных трибуналов. По истечении двух месяцев после вступления в силу решения

административного трибунала компетентный орган судебной власти может принять акт о принудительном исполнении решения, что является весомым основанием преодолеть возможное неисполнение данного решения. Эффективным принудительное исполнение является и по той причине, что сами же административные органы ответственны за вопрос принудительного исполнения решения административного трибунала. Данная прямая заинтересованность в эффективном исполнении решения, возможное наложение штрафов делает практически стопроцентным исполнение данных решений.

Заключение

Из рассмотренного следует вывод о необходимости расширения компетенции административных трибуналов, что позволит улучшить исполняемость судебных решений.

Библиография

1. Туманов В.А., Половченко К.А. Конституционные основы судебной власти. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 326 с.
2. Шашкова А.В. Конституционный контроль в Испании // Конституционный контроль в зарубежных странах. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 169-194.
3. Шашкова А.В. Понятие механизма государственного управления. Высшие и центральные органы публичной администрации в Испании // Юрист. 1999. № 4. С. 6-12.
4. Шашкова А.В. Правительство Испании (организационно-правовые проблемы): дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 162 с.
5. Constitucion Espanola, de 29 de diciembre de 1978.
6. Ley Orgánica 2/1979, de 3 de octubre, del Tribunal Constitucional.
7. Ley 38/1988, de 28 de diciembre, de Demarcación y de Planta Judicial / BOE núm. 313, de 30 de diciembre de 1988, páginas 36580 a 36635.
8. Ley 6/1997, de 14 de abril, de Organizacion y Funcionamiento de la Administracion General del Estado.
9. Ley 29/1998 de 13 de julio, de la Juridiccion Contencioso – administrativa // BOE num. 78, de julio de 1998.
10. Ley 34/1981, de 5 de octubre, por la que se dictan normas complementarias sobre legitimación en el recurso contencioso-administrativo // BOE núm. 250, de 19 de octubre de 1981, páginas 24477 a 24477.

Problems of the Evolution of the Administrative Justice in Spain

Anna V. Shashkova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Constitutional Law,
Moscow State Institute of International Relations (University),
Moscow Region Bar Lawyer,
Honorary Consul for St. Vincent and the Grenadines,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.shashkova@inno.mgimo.ru

Abstract

The present article analyses evolution of the administrative justice system in Spain. The author reviews the emergence of the administrative justice in Spain, composition of administrative tribunals, types of cases considered in different courts and tribunals of administrative justice. The present article gives the analysis of the functioning of the administrative justice system in Spain, its evolution and current changes. The core part of the research is dedicated to the problem of competence of administrative tribunals. The article shows a number of questions extra vires competence of administrative tribunals in Spain. At the same time such questions are connected with public administration of Spain. In Spain, it is clearly established that if the matter in any way concerns the public administration, it is necessary to resort to administrative tribunals. Administrative tribunals in Spain are completely independent and do not obey any bodies in the system of common courts. The very same system of administrative justice was borrowed from French law, but there are also distinctive features. One of the main differences is that the institution of administrative justice has not been reflected in the Constitution of Spain. The author resumes on the significance of creation and functioning of administrative tribunals in Spain and necessity of widening and specialization of their competence.

For citation

Shashkova A.V. (2017) Problemy evolyutsii administrativnoi yustitsii v Ispanii [Problems of the Evolution of the Administrative Justice in Spain]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp. 291-298.

Keywords

Administrative justice, administrative tribunal, administrative claim, public administration.

References

1. *Constitucion Espanola*, de 29 de diciembre de 1978.
2. *Ley Orgánica 2/1979*, de 3 de octubre, del Tribunal Constitucional.
3. *Ley 38/1988, de 28 de diciembre, de Demarcación y de Planta Judicial* / BOE núm. 313, de 30 de diciembre de 1988, páginas 36580 a 36635.
4. *Ley 6/1997*, de 14 de abril, de Organizacion y Funcionamiento de la Administracion General del Estado.
5. *Ley 29/1998* de 13 de julio, de la Juridiccion Contencioso – administrativa // BOE num. 78, de julio de 1998.
6. *Ley 34/1981*, de 5 de octubre, por la que se dictan normas complementarias sobre legitimación en el recurso contencioso-administrativo // BOE núm. 250, de 19 de octubre de 1981, páginas 24477 a 24477.
7. Shashkova A.V. (2015) Konstitutsionnyi kontrol' v Ispanii [Constitutional control in Spain]. In: *Konstitutsionnyi kontrol' v zarubezhnykh stranakh* [Constitutional control in foreign countries]. Moscow: MGIMO-University.
8. Shashkova A.V. (1999) Ponyatie mekhanizma gosudarstvennogo upravleniya. Vysshie i tsentral'nye organy publichnoi administratsii v Ispanii [Concept of the mechanism of public administration. Higher and central public administration in Spain]. *Yurist* [Lawyer], 4, pp. 6-12.
9. Shashkova A.V. (2001) *Pravitel'stvo Ispanii (organizatsionno-pravovye problemy). Doct. Dis.* [Government of Spain (organizational and legal problems)]. Moscow.
10. Tumanov V.A., Polovchenko K.A. (2016) *Konstitutsionnye osnovy sudebnoi vlasti* [Constitutional basis of the judiciary]. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.61

Правовой механизм делимитации морской границы в международном праве: на примере Кот-д'Ивуара и Ганы

Абэ Каку Сириль Арно

Аспирант,

Российский университет дружбы народов,

117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;

e-mail: cyrilleabe@hotmail.fr

Аннотация

В основе проблемы делимитации морских границ и разрешения споров, существующих между государствами, лежит необходимость устранить противоречия сторон в отношении недропользования, с целью развития их освоения на согласованной правовой основе. Примером этого и является спор о делимитации морских границ между Кот-Д'Ивуаром и Ганой. Причина территориальных претензий кроется в открытии богатейших запасов нефтегазовых ресурсов на шельфе спорных территорий. В связи с этим использование для разрешения спора между Кот-Д'Ивуаром и Ганой, современных правовых норм и практики разграничения морских пространств является более чем оправданным и уместным. В статье рассматривается суть разногласий между сторонами, а также попытки разрешения проблемы о разграничения морской границы дипломатическими мерами, а также Международным Трибуналом по морскому праву.

Для цитирования в научных исследованиях

Арно А.К.С. Правовой механизм делимитации морской границы в международном праве: на примере Кот-д'Ивуара и Ганы // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С.299-308.

Ключевые слова

Режим морского пространства, исходная линия, прилежащая зона, метод равноудаленности, континентальный шельф, Международный трибунал по морскому праву, ООН.

Введение

Проблема делимитации территориального моря между государствами с противолежащими или смежными побережьями был решен без особого труда в 1982 году с принятием ст. 15 Конвенции ООН по морскому праву. Она гласит: «Если берега двух государств расположены один против другого или примыкают друг к другу, ни то ни другое государство не имеет права, если только между ними не заключено соглашение об ином, распространять свое территориальное море за срединную линию, проведенную таким образом, что каждая ее точка является равноотстоящей от ближайших точек исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря каждого из этих двух государств» (Конвенция…, 1982, ст. 15).

Несмотря на то что международное право правовой статус и режим морских пространств[1] установлен, до сих пор существуют много разногласии по использованию морских ресурсов. Судебные инстанции играют очень важную роль в урегулировании подобного рода конфликтов, но в их решениях, на наш взгляд, следует учитывать опыт соседствования и дружеских отношений некоторых стран, в частности, африканского континента, и для понимания реальной сути проблемы брать во внимание не менее важные традиции и этнические факты.

В этой статье мы будем анализировать спор по поводу разграничения морских пространств, впервые возникший в истории существования соседних стран – Кот-д'Ивуара и Ганы.

Правовое регулирование границ территориальных вод

В общем виде границы территориальных вод (территориального моря) обозначены в Конвенции: раздел 1, ст. 2 «Правовой статус территориального моря, воздушного пространства над территориальным морем, а также его дна и недр». Прилежащая зона – это часть моря, шириной в 12 морских миль, отсчитываемая от границы территориальных вод (или 24 мили, если отсчитывать от исходных линий). В соответствии с Конвенцией ООН 1982 года каждое государство имеет право устанавливать ширину своего территориального моря до границ, определенных на основе этой Конвенции. Территориальное море простирается за пределы сухопутной территории прибрежного государства и его внутренних вод на расстояние, не превышающее 12 морских миль, а для государств-архипелагов на то же

[1] Совокупность юридических норм, определяющих признаваемые международным правом прав и обязанностей государств в процессе использовании морских ресурсов и пространств.

расстояние, отсчитываемое от их архипелажных вод. В недра дна граница территориального моря теоретически продолжается до центра Земли, практически – на технически доступную глубину. Воздушное пространство над территориальным морем простирается до границы воздушного пространства с космическим.

Прибрежное государство обладает правом осуществлять в этой зоне контроль в целях предотвращения нарушений таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных норм в пределах его территории или территориального моря, или применять наказания за такие нарушения. Соответственно говорят о таможенной, фискальной, иммиграционной и санитарной зонах. Прибрежное государство осуществляет в зоне юрисдикцию в отношении:

а) создания и использования искусственных островов, установок и сооружений;

б) морских научных исследований;

в) защиты и сохранения окружающей среды.

Международные споры и конфликты разрешаются на основе суверенного равенства сторон. Также государства имеют права при соблюдении принципа свободного выбора средств, в соответствии с обязательствами по Уставу ООН и принципами справедливости и международного права. Применение какой-либо процедуры урегулирования спора или согласие на такую процедуру, свободно согласованную между государствами, в отношении существующих или будущих споров, в которых эти государства являются сторонами конфлликта, не должно рассматриваться как несовместимое с принципом суверенного равенства государств. Важно отметить, что стороны, у которых возникают претензии, могут договориться между собой о применении любых мирных средств по их выбору. При этом любая сторона может предложить передать спор на урегулирование в порядке согласительной процедуры по выбору сторон или в соответствии с процедурой, предусмотренной разделом 1 Приложения V к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

Если предложение о согласительной процедуре не принимается или стороны не достигают договоренности о подлежащей применению процедуре, то спор по требованию одной из сторон передается на процедуры, влекущие принятие обязательных для сторон решений. Конвенция предоставляет сторонам возможность выбора одного или более обязательных процедур и следующих средств урегулирования споров:

1) Международный Трибунал по морскому праву (МТМП)[2];
2) Международный Суд ООН;
3) арбитраж;

[2] Создан в соответствии с Приложением VI конвенции ООН по морскому праву.

4) суды ad hoc[3].

История территориальных притязаний

Богатство золотого берега Ганы привлекало многие европейские державы в том числе Британию. В конце 1901 года британцы установили польный контроль над территорией. Такая же история была со Кот-д'Ивуаром, которая стала колонией Франции. После окончания колониального периода, встал вопрос о морских границах, поскольку ранее точные границы между странами африканского континента не были определены. В начале XX века большинство африканских стран установили территориальные границы, обнародовав конфигурации государств. Эти границы, очерченные по усмотрению колониальных держав в контексте соперничества между ними, во многих случаях не учитывали этнических, языковых, религиозных особенностей африканских народов. Пренебрежение или незнание традиционных социально-политических основ жизни народов Африки породило разногласия и ряд трудностей.

Среди споров между западноафриканскими странами возникает выделяется почти десятилетний конфликт между Кот-Д'Ивуаром и Ганой, неразрешенные претензии по поводу морской границы государств, несмотря на многочисленные попытки двустороннего примирения[4]. Морская граница между двумя государствами проходит через нефтяные месторождения, на которые претендуют обе стороны и на которых они готовы вести разработку «черного золота». Власти Ганы не устаривает установленное разграничение, в связи с чем руководством этой страны под иск против своего соседа. Гана и бывший Берег Слоновой Кости, сейчас Кот-Д'Ивуар, соответственно вторая и третья экономика Западной Африки, разделены по демаркации их морской границы.

До обращения в Трибунал по морскому Праву, стороны пытались мирными средствами решить спор, но им не удалось найти пункта соприкосновение. В период с 2009 по 2014 годы, государства провели десять раундов переговоров, в течение которых Кот-д'Ивуар выдвинул не менее четырех различных и противоречивых требований. Но главным требованием страны было наличие одной морской границы. Отвергнув после 50 лет существования принцип равноудаленности[5], Кот-д'Ивуар в феврале 2009 года и в мае 2010 года предложил

[3] Суды ad hoc являются «разовыми» судами или, иными словами, судами, создающимися для рассмотрения конкретного единичного спора.

[4] Сохранение существующих границ – наследия колониальной эпохи – направлено на решение и предотвращение пограничных споров между африканскими государствами. Однако это трудно достижимо, так как несколькие африканские государства находятся в давних территориальных спорах, что дает повод для разбирательств между государствами и относительно их морских границ.

[5] Практика делимитации морских границ.

размежевание в двух различных меридианах, а затем в ноябре 2011 года – новый более агрессивный подход на основе принципа биссектрисы. Два года спустя, Кот-д'Ивуар опять потребовал изменений. Однако все заявляемые Кот-д'Ивуаром границы не были приняты правильно: после исторически принятой равноудаленной линии, сохранили почти весь терминал № 55 в качестве отправной точки и конечной точки границы Земли. Договоренность по точным координатам границ была достигнута только в 2013 году.

Важно отметить, что спор между сторонами возник только из-за этого вновь открывшихся данных. Полвека обе стороны взаимно признавали и принимали морскую границу, которая была определена путем правила равноудаленности, и соглашались на определенные таким образом границы на практике. На протяжении несколько лет между независимостью в 1960 и 2009 годах (и даже после) Кот-д'Ивуар признавал и принимал границу территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Кроме того, приложение, которое он в мае 2009 года представлял Комиссии ООН о континентальном шельфе[6], соответствовало исторически принятой на основе принципа равноудаленности границе, в том числе за пределами 200 морских миль.

В 12 января 2015 года Международный трибунал по морскому праву сформировал специальную комисиию для рассмотрения спора, касающегося морской границы между Республикой Гана и Республикой Кот-д'Ивуар. В ходе консультаций, проведенных в Гамбурге в декабре 2014 года, Судья Голицын, Председатель Трибунала, а также представители обеих сторон согласились передать спор в соответствии с Приложением VII Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву специальной камере Трибунала, состоящей из трех членов Трибунала и двух специальных судей [Караман, 2007]. Для регулирования морского пограничного разногласия с Кот-д'Ивуар Гана решила обратиться к данной инстанции, таким образом надеясь на укрепление партнерских отношений, давно поддерживаемые с Кот-д'Ивуаром.

В своем решении Республика Гана, опираясь на соглашения, подписанные обеими сторонами, показывает и утверждает, что Кот-д'Ивуар начинает оспаривать существующие соглашения. Дело в том, что в середине 2000 года, Гана заключила лицензионные соглашения, касающиеся девяти блоков концессий. Блоки оказываются в водах Республики Ганы, что до 2009 со стороны Кот-д'Ивуаром не оспаривалось. Одним из наиболее значительных аргументов было подписание договора 16 июля 2006 с Tullow как главным партнером (Sabre и Kosmos) [About tullow in Ghana, www], для эксплуатации блока дна Tano, которому

[6] Выровненная область подводной окраины материка, примыкающая к суще и характеризующаяся общим с ней геологическим строением.

принадлежала зона TEN, потенциально производительное поле Джубили. Заключение этого контракта и его ратификация Парламентом Ганы были обнародованы в международной прессе и известны Республике Кот-д'Ивуар и ею не опротестованы. В последующие годы, в апреле 2007, именно Республика Кот-д'Ивуар согласовывает концессии с Tullow, следуя в обозначении западных границ по линии равного удаления. Гана имеет в этом свои интересы и не отрицает это.

В июне 2007 года, Kosmos, Национальная нефтяная корпорация Ганы GNPC [Jubilee Field, www], и ее партнеры объявили об открытии крупного нефтяного месторождения в области Юбилея, что могло привести его к коммерческой эксплуатации [там же]. В 2008 году GNPC выпустил заявление с сопровождением карты с подробным указанием координат местоположения нефти и газа в сухопутной части страны и на границе территориальных вод, что традиционно проходит по равноудаленной линии. Данная информация транслировалась в нескольких национальных газетах.

В начале 2009 года ситуация была такой же, как и в предыдущие 50 лет. Каждое государство, без протестов со стороны соседней страны, публиковало свои карты, заключало договора и разрешало деятельность, демонстрируя признание принятых границ и уважение к ним. Республика Кот-д'Ивуар начала оспаривать существующее соглашение между давними партнерами: заявила об этом в 2009 году властям Ганы и в ноябре 2011 года публично.

До сентября 2011 года официальная позиция и практика Республики Кот-д'Ивуар не изменилась от той, что была до 2009 года. Страна по-прежнему имела морскую границу с Ганой на основе равноудаленности территорий. В сентябре 2011 года в заявлении, направленном дилерам, работающим в ганских водах, Кот-д'Ивуар впервые публично поставил под сомнение привычную равноудаленную линию и заявил, что Республика Гана не может игнорировать важность географического охвата данных, которые были основой для разрешения спора между другими странами. В качестве примера было взято международное решение Международного Суда в деле Перу и Чили, который значилось: «Простое признание в 1954 году существования морской границы – слабое основание для вывода, что указанная граница будет распространяться далеко за пределы расстояния, на котором стороны имели возможность использовать морские ресурсы и принимать принудительные меры» (Международный Суд ООН, 2014, 57). Напомним, что это последнее решение в спорах о разграничении морских пространств, а также единственное, которое признается мирным письменным соглашением[7].

[7] V. *infra*, pars. 4.6-4.7.Заявление Республики Кот д Ивуар.

Кроме того, Республика Кот-д'Ивуар резюмировала, что Гана не должна апеллировать к тезису о давнем существовании географических линий между государствами – сторонами конфликта. А отсутствие каких-либо доказательств в отнесении континентального шельфа к исключительной экономической зоне за пределами 200 морских миль только подтверждает, что никакой границы между сторонами не согласовано. В этом контексте претензии Республики Ганы и их правовые основы оказываются противоречивы и недостаточны.

В связи с этим решение о делимитации морской границы вступивших в спор стран в пределах или за пределами 200 морских миль должна вынести комиссия Трибунала, принять нормы разделения границ между Кот-д'Ивуаром и Ганой и указать их точные координаты.

Международное правовое регулирование

Анализируя заявления и объяснения, которые были переданы в Трибунал по морскому праву (МТМП), очевидно, что стороны: Республика Кот-д'Ивуар и Республика Гана – долгие годы взаимно разделяли соглашение о морских границах, не возникало между странами и разногласий по поводу использования, разделения, а также добычи природных ресурсов на спорной впоследствии территории.

География в этих территориях, несмотря на многолетние границы между африканскими странами, созданные по усмотрению колониальных держав в контексте соперничества между ними и для их собственных выгод, более или менее определяла пограничные точки между впоследствии независимыми государствами. Несмотря на общие признаки о делимитации границ, которые всегда существовали, МТМП принял обе стороны и уже долгие годы рассматривает этот вопрос. Анализ позиции обеих сторон в этом же споре показывает важность приобретения нефти для экономики обоих государств, однако МТМП в соответствии с предоставленными доказательствами, подписанными между сторонами соглашениями, а также юридическими основаниями предоставленных сторонами документов идет по пути компромисса. При изучении позиции Ганы и Кот-д'Ивуара в этом споре логичным представляется интервенция со стороны Ганы, акцентирующей факт использования должным образом природных ресурсов в зоне спорных территорий до момента притязаний Республики Кот-д'Ивуар и появления претензий и недовольства существующими границами со стороны Кот-д'Ивуара только после открытия основного поля нефти у ганского побережья. Также, приступая к осуществлению широкомасштабной добычи нефти и использования нефтяных ресурсов из морских месторождений в районе бассейна Тано, инициатива принадлежала Гане, и только позже Кот-д'Ивуар начал свои поиски у берегов Ганы.

Заключение

Нельзя не согласиться, что в решении столь непростой проблемы одна из сторон конфликта предпочла обратиться к главной инстанции в этой области – Международному трибуналу по морскому праву. Согласны мы с фактом, что с помощью Конвенции по морскому праву 1982 года, которая решает подобные случаи, спор между сторонами будет разрешен в самое ближайшее время, возможно, до конца этого года.

Необходимо сказать, что многие разногласия из-за морских границ перерастают в острые межгосударственные конфликты, которые выносятся на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Примером могут служить споры о разграничении континентального шельфа между Мальтой и Ливией, Грецией и Турцией. Переговоры по ряду некоторых границ продолжаются многие годы; будем надеяться, что этот спор между соседями Ганой и Кот-д'Ивуаром не перерастет в политический конфликт, а решение Комиссии о делимитации морской границы по спору между этими государствами будет справедливо и принято обеими сторонами спора.

Библиография

1. Караман И.В. Международный трибунал по морскому праву: регламентация деятельности и судопроизводство. Одесса: Феникс, 2007. 160 с.
2. Конвенция Организации Объединенных Нации по морскому праву: принята 10.12.1982 в Монтего-Бей: вступила в силу 16.11.1994: для России – 11.04.1997 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1997. № 48. Ст. 5493.
3. Международный Трибунал по морскому праву. URL: www.itlos.org/cases/
4. Морской спор (Перу против Чили) 206: решение Международного Суда ООН от 27.01. 2014.
5. Споры по морской границы между Ганой и Кот-д'Ивуаром в атлантическом океане: заявление от Кот д Ивуар: дело 23 от 04-04-2016. Часть 1.
6. About tullow in Ghana // Tullowoil. URL: http://www.tullowoil.com/operations/west-africa/ghana
7. Jubilee Field // KosmosEnergy. URL: www.kosmosenergy.com/operations-ghana-jubilee-field.php

Legal mechanism of maritime delimitation in international law: on the example of Côte d`Ivoire and Ghana

Abe Kaku Siril' Arno

Postgraduate,

Peoples' Friendship University of Russia,

117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;

e-mail: cyrilleabe@hotmail.fr

Abstract

The core of the problem of delimitation of maritime boundaries and resolution of the disputes existing between the states is the need to resolve the contradictions of the parties in respect of subsoil use, with the aim of their development in a coherent framework. An example of this is the dispute on the delimitation of maritime borders between Côte d`Ivoire and Ghana. The reason for territorial claim lies in the discovery of the richest reserves of oil and gas resources on the shelf of the disputed territories. Many of the disputes over maritime borders escalate into acute conflicts, which are submitted for consideration of the UN Security Council. In this regard, the use modern legal norms and practice of delimitation of maritime spaces to resolve the dispute between Côte d`Ivoire and Ghana is more than justified and appropriate measure. The article deals with the differences between the parties and try to resolve issues on maritime boundary diplomacy and by the International Tribunal for the Law of the Sea. The author of this article hopes that this dispute between will not turn into a political conflict and the decision of the Commission on the delimitation of the maritime boundary on dispute between these states will be fair and accepted by both parties.

For citation

Arno A.K.S. (2017) Pravovoi mekhanizm delimitatsii morskoi granitsy v mezhdunarodnom prave: na primere Kot-d'Ivuara i Gany [Legal mechanism of maritime delimitation in international law: on the example of Côte d`Ivoire and Ghana]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A) pp.299-308.

Keywords

Mode of maritime space, baseline, contiguous zone, method of equidistance, continental shelf, International Tribunal for the Law of the Sea, UN.

References

1. About tullow in Ghana. *Tullowoil*. Available at: http://www.tullowoil.com/operations/west-africa/ghana [Accessed 17/06/17].
2. Jubilee Field. *KosmosEnergy*. Available at: www.kosmosenergy.com/operations-ghana-jubilee-field.php [Accessed 17/06/17].
3. Karaman I.V. (2007) *Mezhdunarodnyi tribunal po morskomu pravu: reglamentatsiya deyatel'nosti i sudoproizvodstvo* [The international tribunal for the law of the sea regulation of activities and procedures]. Odessa: Feniks Publ.
4. Konventsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po morskomu pravu: prinyata 10.12.1982 v Montego-Bei: vstupila v silu 16.11.1994: dlya Rossii – 11.04.1997 [United Nations Convention on the Law of the Sea] (1997). *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii (St. 5493)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 5493)], 48.
5. *Mezhdunarodnyi Tribunal po morskomu pravu* [The International Tribunal for the law of the sea]. Available at: www.itlos.org/cases [Accessed 17/06/17]./
6. *Morskoi spor (Peru protiv Chili) 206: reshenie Mezhdunarodnogo Suda OON ot 27.01. 2014* [Maritime dispute (Peru v. Chile) 206: Decision of the International Court of justice of January 27, 2014].
7. *Spory po morskoi granitsy mezhdu Ganoi i Kot-d'Ivuarom v atlanticheskom okeane: zayavlenie ot Kot d Ivuar: delo 23 ot 04-04-2016. Chast' 1* [Disputes over the Maritime boundary between Ghana and Côte d`Ivoire in the Atlantic Ocean: a statement of Côte d`Ivoire: case No. 23 of April 04, 2016. Part 1].

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– объем от 150 до 250 слов.

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/ harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 9 научных журналов, 7 из которых входят Перечень ВАК России:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
4	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
5	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
6	Педагогический журнал	педагогика
7	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
8	Теории и проблемы политических исследований	политология
9	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, разработку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

title (name);

author (s): the surname, first name, patronymic (in full);

author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;

annotation (author's abstract);

key words;

the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;

list of references;

Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan‑translation) of Russian‑language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 9 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	"White spots" of the Russian and world history	History
4	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
5	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
6	Pedagogical Journal	Education science
7	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
8	Theories and Problems of Political Studies	Political science
9	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.